БУЛКИНЪ

Рабочій классъ и рабочая партія

Часть I

Соціалъ-демократія и рабочее движеніе въ русской революціи

Критическіе очерки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1914

Типографія Акц. О-ва Тип. Дѣла въ СПб. („Герольдъ"),
Изм. п., 7 рота, 26.

Посвящается дорогому учителю

Павлу Борисовичу Аксельроду.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ быстро летитъ время... Давно ли мы, кажется, переживали общественный подъемъ? Вѣдь какъ будто бы совсѣмъ совсѣмъ еще недавно колыхалось здѣсь народное море. Въ ушахъ и сейчасъ еще стоитъ отдаленный шумъ отъ движеній этой величественной стихіи. Какъ будто только что передъ тобою двигалась эта огромная, волнообразная, восторженная толпа, одушевленная высокими порывами, молодая, сильная, полная надеждъ. Радостно, веселыми криками и побѣднымъ пѣніемъ возвѣщала она о наступленіи въ Россіи новой эры — эры свободъ. И всѣ мы вѣрили, что Россія перешагнула грань, отдѣляющую ее отъ Западной Европы, и пріобщилась къ семьѣ культурныхъ государствъ.

Затѣмъ мы пережили полосу разочарованія и даже безвѣрія. Казалось, что прекрасные, незабвенные „дни свободы" исчезли, не оставивъ даже по себѣ слѣда, что изсякли творческія силы народа. Однако, реакція не успѣла — вѣрнѣе даже не смогла вернуть насъ снова къ дореформенной Россіи. Что разъ погребено исторіей, того уже никто никакими усиліями не сможетъ вновь воскресить. А вмѣстѣ съ тѣмъ, налицо уже имѣются всѣ признаки новаго общественнаго оживленія. Проходитъ сонъ, общество освобождается отъ гипноза и расправляетъ свои окоченѣвшіе члены. Мерцаетъ свѣтъ, и если реакція еще и не ушла, то не далекъ тотъ день, когда она принуждена будетъ уйти.

Новый общественный подъемъ несомнѣнно будетъ рѣзко отличаться отъ подъема 1905 года. Политическій укладъ, созданный закономъ 3 іюня, является рѣшительнымъ пре-

пятствіемъ къ нормальному развитію капиталистическаго общества. Наиболѣе вліятельный экономически классъ — буржуазія не можетъ долго довольствоваться подчиненной ролью въ Думѣ и въ государствѣ. Для болѣе или менѣе полной защиты своихъ интересовъ, для проведенія своихъ требованій въ жизнь она должна занять руководящую роль въ государственномъ организмѣ. Объективныя условія толкаютъ ее къ неизбѣжной борьбѣ за власть, въ которой она несомнѣнно займетъ тѣмъ болѣе радикальную позицію, чѣмъ организованнѣй будетъ давленіе на нее снизу, со стороны пролетаріата. Организованное же давленіе пролетаріата не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ самостоятельнымъ участіемъ его въ политической борьбѣ за общенаціональное освобожденіе во имя своихъ классовыхъ интересовъ, за основныя предпосылки свободной классовой борьбы. Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ придаетъ вопросу о формахъ участія пролетаріата въ этой борьбѣ, т. е. вопросу объ организаціи рабочей партіи чрезвычайно важное общеполитическое и даже общегосударственное значеніе. Вотъ почему организаціонный вопросъ является въ настоящее время, наканунѣ обостренія общенаціональной борьбы, самымъ страстнымъ, самымъ жгучимъ, самымъ больнымъ вопросомъ для сознательныхъ рабочихъ. Останемся ли мы въ старомъ удушливомъ подпольѣ и тѣмъ отгородимъ себя отъ общаго потока общественной жизни или же выйдемъ, наконецъ, на арену открытаго политическаго движенія и станемъ однимъ изъ дѣйствующихъ факторовъ его...

Настоящая книга и ставитъ себѣ посильной задачей выяснить необходимость для рабочаго класса выступить на путь открытаго политическаго существованія. Съ этой цѣлью мы сдѣлаемъ небольшую экскурсію въ область исторіи, такъ какъ историческій опытъ доказываетъ, по нашему мнѣнію, что открытая общественная дѣятельность класса является необходимой предпосылкой достиженія имъ классовой зрѣлости и созданія собственной политической партіи.

Мы считаемъ такую экскурсію тѣмъ болѣе необходимой, что почти полная неразработанность исторіи нашего рабочаго

движенія привела къ тому, что при оцѣнкѣ новѣйшихъ явленій въ области соціалъ-демократической мысли неоднократно стиралась историческая перспектива и плодъ естественнаго развитія провозглашался недопустимымъ новаторствомъ.

Конечно, не будемъ закрывать глаза — итти по указываемому нами пути открытаго рабочаго движенія можно лишь при условіи полнаго отказа отъ методовъ борьбы и работы, привитыхъ русскому рабочему движенію подпольемъ. Измѣнились условія, должны измѣниться и мы — „tempora mutantur et nos mutamur in illis“. Но отказываться отъ идейнаго наслѣдства соціалъ-демократіи мы не собираемся; наоборотъ, мы думаемъ, что, призывая къ разрыву съ историческими партійными традиціями, мы дѣйствуемъ вполнѣ въ духѣ принциповъ интернаціональной соціалъ-демократіи. Сейчасъ у насъ совершается тотъ самый переходъ отъ секты къ партіи, который въ свое время продѣлали наши западно-европейскіе товарищи. Произойдетъ ли онъ путемъ коренной реформы подпольнаго организма, путемъ обновленія его и оплодотворенія новыми началами или же поборникамъ новыхъ методовъ придется пойти на полный организаціонный разрывъ со старымъ и вопреки освященной годами традиціи взяться за основаніе новой рабочей партіи и стремиться сдѣлать ее центромъ всѣхъ живыхъ элементовъ рабочаго класса? Мы не беремся предсказывать; но не скроемъ, что ходъ развитія русскаго рабочаго и революціоннаго движенія создаетъ, на нашъ взглядъ, нѣкоторую вѣроятность и для второго исхода.

Выясненію основныхъ тенденцій этого развитія и посвящена 1-ая часть нашей работы. По содержанію своему вся работа является неразрывнымъ цѣлымъ, но въ силу различныхъ обстоятельствъ намъ пришлось поспѣшить выпускомъ первой части и отложить на время выходъ второй, гдѣ будетъ сдѣлана попытка прослѣдить процессъ зарожденія и развитія новыхъ началъ и поставить прогнозъ будущей рабочей партіи.

Еще два слова. Навѣрное, официальные охранители чистоты принциповъ рабочаго движенія будутъ награждать

насъ всевозможными нелестными эпитетами вплоть до измѣнника. Но мы не хотимъ принадлежать къ тѣмъ, которые думаютъ, что „тьмы низкихъ истинъ дороже насъ возвышающій обманъ“ и считаемъ своимъ долгомъ высказать пролетаріату горькую истину.

Настоящую книгу я посвятилъ П. Б. Аксельроду, положившему основу правильному пониманію сущности русской соціалъ-демократіи и родоначальнику идеи рабочаго съѣзда. Считаю, однако, необходимымъ отмѣтить, что П. Б. Аксельродъ этой книги до появленія ея въ свѣтъ не читалъ и лишь въ общихъ чертахъ былъ ознакомленъ мною съ ея основными мыслями.

Ф. Булкинъ.

Настоящая работа писалась въ 1913 году и должна была появиться въ свѣтъ лѣтомъ 1914 года. Война и военная цензура заставили меня держать ее подъ спудомъ. Революція освободила ее... Быть можетъ нѣкоторые выводы ея и устарѣли, но мнѣ думается, что критическая оцѣнка прошлаго никогда не можетъ быть лишней.

Ф. Б.

Бываютъ историческіе моменты, когда тяжело выговаривать свою мысль до конца, подъ пѣніе непріятельскихъ снарядовъ, подъ выхватывающіе удары враговъ, когда каждое сказанное слово ложится на душу свинцомъ и рождаетъ сомнѣніе въ своей цѣлесообразности. И тѣмъ не менѣе — оно должно быть произнесено — это слово — отчетливо и громко!

(Потресовъ. „Этюды о русской интеллигенціи“, стр 313).

ГЛАВА I.

Развитіе рабочаго движенія и соціалъ-демократіи при абсолютизмѣ.

I.

90-ы годы знаменуютъ собой рѣзкій поворотъ въ общественномъ настроеніи нашей разночинной интеллигенціи. Долгое время отворачивавшаяся, закрывавшая глаза, не желавшая видѣть роста капитализма, она вдругъ словно прозрѣла. Недавно еще олицетворявшая капитализмъ въ «чумазомъ», грозившемъ поглотить и устои и культуру, она начинаетъ теперь видѣть въ немъ и другую сторону — *его прогрессивно созидательную роль*. Что же побудило ее сдѣлать такой поворотъ? Ключъ къ пониманію этого, *можетъ быть, на первый взглядъ и* страннаго явленія даетъ намъ анализъ объективныхъ условій того времени.

Тусклые, *мрачные дни переживала интеллигенція* къ концу 80-ыхъ годовъ. Послѣ цѣлаго ряда неудачъ, *съ разбитой вѣрой въ соціалиста-крестьянина*, въ общинное начало, въ свои силы, она предавалась отчаянію. Ей казалось, что все погибло и нѣтъ никакого выхода къ свѣту. Самыя лучшія, самыя свѣтлыя надежды ея были разрушены. Будущее рисовалось ей сплошнымъ чернымъ пятномъ. Общественный маразмъ достигъ небывалыхъ размѣровъ. Идеологія пассивности — толстовство съ его непротивленіемъ злу находила все больше и больше послѣдователей.

Наиболѣе рельефно выразилось это гнетущее настроеніе общества въ нашей изящной литературѣ, по справедливости

кѣмъ-то названной зеркаломъ общества. Она съ точностью отразила въ себѣ господствующее настроеніе безвременія, безпросвѣтную тоску, отсутствіе какихъ бы то ни было общественныхъ идеаловъ и инціативы у большинства тогдашней интеллигенціи. Но какъ и всегда, періодъ безпросвѣтной реакціи, горькаго разочарованія не могъ продолжаться безконечно. Общественная мысль обыкновенно быстро сбрасываетъ съ себя апатію и уныніе и пытливо и упорно ищетъ выхода изъ создавшагося положенія. А между тѣмъ выходъ напрашивался самъ собой. Онъ давался всѣмъ ходомъ общественнаго развитія Западной Европы, ростомъ вліянія соціалистическихъ партій, опирающихся на сильное рабочее движеніе, экономическими побѣдами послѣдняго и, главное, тѣмъ побѣдоноснымъ шествіемъ, которое въ это время совершалъ капиталъ внутри раскрѣпощенной Россіи. И вотъ то, чего раньше такъ страшились — неизбѣжность капиталистическаго развитія и поглощеніе мужика фабричнымъ котломъ — становится вдругъ желаннымъ залогомъ спасенія. Полоса недавнихъ трагическихъ переживаній смѣнилась свѣтлымъ ожиданіемъ. Наступившее же въ серединѣ 90-ыхъ годовъ невиданное еще промышленное оживленіе и вызванная имъ волна экономическихъ забастовокъ окончательно уничтожили послѣднія сомнѣнія относительно того, по какому пути пойдетъ Россія. Желѣзнодорожное строительство нанесло смертельный ударъ натуральному деревенскому хозяйству и проложило путь быстрому расцвѣту горнопромышленности и металлургіи. За періодъ 1893—1899 г.г. капиталъ съ чисто головокружительной быстротою превратился въ гигантскую общественную силу. Для всѣхъ, кто только не закрывалъ намѣренно глазъ, стало очевидно, что Россія вопреки всѣмъ предсказаніямъ вступила, наконецъ, въ запретный кругъ капиталистическихъ странъ.

Въ 1891—1893	выстроено	новыхъ	дорогъ	2299	верстъ.
„ 1894—1896	„	„	„	6228	„
„ 1897—1899	„	„	„	9951	„

За трехлѣтіе 1894—1896 г.г. производство чугуна поднялось по сравненію съ предыдущимъ трехлѣтіемъ на 36% (съ 197 мил. пуд. до 269 мил. пуд.). Добыча каменнаго угля начиная съ 1896 вплоть до 1900 ежегодно возрастала на милліонъ пудовъ. Отъ 1888 до 1900 г. капиталы, вложенные въ акціонерныя промышленныя предпріятія (исключая банковыя, желѣзнодорожныя и страховыя общества) возрасли съ 721 мил. до 3 милліардовъ, т. е. болѣе чѣмъ вчетверо. Усиленный приливъ капиталовъ во всѣ рѣшительно отрасли промышленности сопровождается не только общимъ ростомъ ея, но и измѣненіемъ ея внутренняго строенія въ направленіи концентраціи производства и техническаго прогресса. За время съ 1887—1897 г.г. движеніе общаго числа занятыхъ въ промышленности рабочихъ представляется въ такомъ видѣ*):

	Число предпр.	*Сумма произв.* въ м. руб.	*Число раб.* въ тыс.
1887	30.888	1334,5	1380,0
1890	32.254	1502,6	1424,7
1893	30.333	1739,9	1582,9
1896	35.827	2590,9	1818,4
1897	39.029	2839,1	2098,2

За этотъ періодъ число фабрикъ возросло на 26,3%, сумма производства поднялась на 112,8%, число рабочихъ увеличилось на 59,2%. Приростъ городского населенія съ 1885 по 1897 втрое превосходилъ приростъ сельскаго населенія. Особенно сильный ростъ наблюдался въ горной промышленности Юга. До 1887 года на югѣ было только 2 желѣзодѣлательныхъ завода. Къ 1899 дѣйствовало 17 громадныхъ заводовъ и не менѣе 100 болѣе мелкихъ. И *совершенно невѣрно то предположеніе*, что всѣмъ этимъ ростомъ промышленности мы обязаны приливу иностранныхъ

*) „Сводъ данныхъ о фабр.-заводской промышленности въ Россіи за 1897 г.“, СПБ., 1900.

капиталовъ. За десятилѣтіе 1889—1899 возникло 677 новыхъ предпріятій съ основнымъ капиталомъ въ 825 мил. руб., при чемъ 597 изъ нихъ были русскія съ капиталомъ 698½ мил. руб. Само собою разумѣется, что капиталистическая Россія не могла долго оставаться прежней самодержавной Россіей, что ея экономическое развитіе неизбѣжно должно было повлечь за собою и преобразованіе ея политическаго строя по образцу западно-европейскихъ конституціонныхъ государствъ.

Такимъ образомъ, въ лицѣ капитала, революціонирующаго всѣ экономическія и соціальныя отношенія, выдвигалась на сцену новая прогрессивная общественная сила, въ которой такъ нуждалась интеллигенція, отсутствіемъ которой объяснялись ея неудачи. Появленіе этой силы указывало ей выходъ изъ тупика и открывало ей возможности приложенія ея революціонной энергіи.

И если наша буржуазія, въ значительной мѣрѣ вскормленная правительствомъ, находилась еще на такой стадіи развитія, что нуждалась въ его поддержкѣ, и потому не могла подняться до пониманія зависимости своего окончательнаго торжества отъ уничтоженія полицейскаго государства, то для интеллигенціи, которая стояла ближе къ хозяйственной жизни страны и понимала связь между экономическимъ развитіемъ и политическимъ строемъ, эта зависимость была ясна до очевидности. Къ тому же и матеріальные интересы интеллигенціи требовали полнаго и всесторонняго развитія всѣхъ культурныхъ функцій буржуазнаго общества. А вмѣстѣ съ тѣмъ знакомство съ западно-европейской общественностью давало ей въ руки готовый политическій идеалъ. Но будучи экономически слабой соціальной группой, интеллигенція не могла явиться самодовлѣющей политической силой, и поскольку на общественно-политической аренѣ не было еще класса достаточно сильнаго для образованія такой партіи, она обрекалась на бездѣйствіе. Опытъ народовольчества былъ еще слишкомъ ярокъ, слишкомъ памятенъ, чтобы интеллигенція рѣшилась

повторить его и вновь демонстрировать свое безсиліе. Ея реакція, ея трагическія переживанія и были въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ сознаніемъ своей полной безпомощности и безплодности всѣхъ своихъ стремленій.

Нѣкоторые элементы интеллигенціи, очнувшись отъ народовольческаго угара, впали въ противоположную крайность — возложили свои надежды на земцевъ. Въ ихъ представленіи земцы являлись настоящими носителями освободительнаго движенія, «безпочвенная» же интеллигенція должна была ограничиваться выполненіемъ культурныхъ функцій подъ ихъ эгидой. Но отъ проповѣдниковъ этого взгляда совершенно ускользала классовая подоплека земскаго либерализма и создаваемая ею ограниченность его политическаго размаха. Корни земскаго либерализма лежали въ вполнѣ реальныхъ условіяхъ развитія и соціально-экономическихъ потребностяхъ русскаго землевладѣнія: въ отразившемся и на русскомъ сельскомъ хозяйствѣ міровомъ кризисѣ, побуждавшемъ къ переходу къ раціональному капиталистическому хозяйству, въ распадѣ дворянскаго хозяйства, обнищаніи и одичаніи крестьянства, въ обременявшей землевладѣніе въ интересахъ торгово-промышленнаго класса таможенно-фискальной политикѣ правительства. Все это содѣйствовало образованію въ средѣ землевладѣльцевъ оппозиціоннаго лагеря, «окопавшагося» въ земскихъ учрежденіяхъ и ведшаго на всемъ протяженіи 80-хъ и 90-хъ годовъ партизанскую войну съ правительствомъ во имя уничтоженія бюрократической опеки надъ земствомъ. Основными положительными пунктами земской программы были: измѣненіе таможенной и налоговой политики въ интересахъ сельскаго хозяйства, содѣйствіе техническому подъему сельскаго хозяйства и, наконецъ, содѣйствіе культурному подъему страны и въ частности осуществленіе всеобщаго обученія. На такомъ узкомъ базисѣ нельзя было, конечно, построить широкое политическое движеніе, которое выходило бы за предѣлы земскаго горизонта. Интеллигенція, сознавшая необходимость народнаго освободительнаго движенія и не желавшая заниматься крохоборствомъ, не могла

низвести себя до роли простого орудія въ рукахъ земскихъ дѣятелей.

Совершенно иныя перспективы открывало передъ ней возникновеніе широкаго пролетарскаго движенія. И понятна теперь та радость, съ которой встрѣтила интеллигенція первые, далеко еще не увѣренные шаги рабочаго класса. Съ лихорадочнымъ интересомъ и громаднымъ сочувствіемъ слѣдила она за борьбой петербургскихъ ткачей въ 1896 году. Въ этомъ частномъ конфликтѣ труда съ капиталомъ она провидѣла будущее массовое рабочее движеніе, видѣла первую ласточку будущей политической весны. Въ лицѣ рабочаго класса интеллигентное общество привѣтствовало давно жданнаго Мессію. Вотъ совокупность тѣхъ объективныхъ условій, которыя создали благопріятную почву для распространенія въ средѣ интеллигенціи марксистской идеологіи.

Марксизмъ, до того времени невліятельное, совершенно непризнанное общественное теченіе, становится теперь вдругъ центромъ вниманія интеллигентнаго общества. Не быть марксистомъ, не вѣрить въ творческую силу капитала считается уже признакомъ дурного тона. Всякое новое доказательство побѣды капитализма въ Россіи встрѣчается интеллигенціей восторженно. Мощь капитализма кажется ей ея собственной мощью. Появившіяся къ этому времени легальныя произведенія марксистовъ — «Критическія замѣтки» Струве, «Къ вопросу о монистическомъ взглядѣ на исторію» Бельтова и др. пользуются у нея колоссальнымъ успѣхомъ. Эти первыя открытыя популяризаціи новаго ученія нанесли непоправимый ударъ народничеству. Особенно книга Бельтова-Плеханова не только дала полное философское и соціологическое обоснованіе новаго направленія, но и поставила критику народничества и субъективизма во всѣхъ его проявленіяхъ на должную историческую почву.

Но марксизмъ расцвѣлъ, сталъ господствующимъ настроеніемъ интеллигенціи и началъ играть для нея приблизительно такую же роль, какъ народничество въ 70-ые годы,

только тогда, когда массовыя выступленія рабочихъ въ концѣ 90-ыхъ годовъ впервые окрасились налетомъ политическаго недовольства; когда она воочію убѣдилась, что энергія пролетаріата направляется не только на добыванія лишняго пятака, а и на болѣе высокія цѣли. Интеллигенція двинулась къ пролетаріату, связала свою судьбу съ его судьбой только тогда, когда увидѣла, что пролетаріатъ хорошій и вѣрный рычагъ, съ помощью котораго можно совершить преобразованіе дворянско-бюрократическаго строя въ буржуазный. Можетъ быть она субъективно и считала себя борцомъ за соціализмъ, на самомъ же дѣлѣ она была только глашатаемъ торжествующаго капитализма и его политическихъ потребностей. «Интеллигенція усвоила марксизмъ именно потому, что онъ открывалъ передъ ней историческую перспективу съ капитализмомъ на первомъ планѣ, съ соціализмомъ въ глубокой дали» *). Конечно, интеллигенція не представляетъ изъ себя чего-то компактнаго, единаго; разнообразная по составу, она не имѣетъ рѣзко выраженныхъ классовыхъ интересовъ, а вслѣдствіе этого и опредѣленной политической физіономіи. Промежуточная соціальная группа, она поставлена всѣмъ ходомъ производства въ такія условія, что балансируетъ между отдѣльными классами и только своими крайними полюсами болѣе или менѣе сознательно переходитъ на сторону того или иного класса. Однако, и эти полярные элементы не могутъ совершенно отрѣшиться отъ своихъ специфическихъ чертъ и стать оплотомъ того класса, интересы котораго они желаютъ представлять. Пожалуй, особенно ненормальнымъ было безсознательное стремленіе интеллигенціи быть партіей рабочаго класса, стать во главѣ его, въ то время какъ ее отдѣляла отъ него цѣлая пропасть психологическихъ, соціальныхъ и политическихъ различій. Эта историческая ненормальность, обусловленная какъ политической недифференцированностью и аморфностью населенія, недоразвитостью производственныхъ отношеній, въ

*) Н. Троцкій. „Нѣчто о судьбахъ марксизма въ Россіи". „Радуга". 1907. № 3.

силу которой русская буржуазія не могла подобно западно-европейской выступить застрѣльщикомъ въ борьбѣ противъ дворянской олигархіи и стать, такимъ образомъ, центромъ общенаціональной оппозиціи, такъ и тѣмъ, что русская разночинная интеллигенція, пользуясь западно-европейскимъ опытомъ, пришла къ марксизму раньше, чѣмъ производственныя отношенія Россіи создали болѣе или менѣе сознавшій себя рабочій классъ, наложила неизгладимую печать на дальнѣйшую судьбу россійской соціалъ-демократіи. Сложившаяся подъ знаменемъ соціалъ-демократизма интеллигентская организація долго принимала себя за воплощеніе соціалъ-демократической рабочей партіи. Интеллигенціи казалось, что объединяющимъ центромъ общенаціональной оппозиціи суждено быть ей, опирающейся на матеріальную силу пролетаріата. Она считала, что среди общественныхъ группъ дореволюціонной Россіи ей принадлежитъ роль сословія, которому въ революціонныя эпохи выпадаетъ на долю представительство интересовъ націи въ цѣломъ. Такимъ образомъ, она шла къ пролетаріату, пребывающему еще въ младенчествѣ, не съ цѣлью подготовить его къ самостоятельному участію въ общественно-политической жизни страны въ качествѣ особаго класса, а съ цѣлью воспользоваться его соціальной мощью для политическаго преобразованія Россіи. Стремясь слиться съ пролетаріатомъ, интеллигенція принесла ему въ приданое буржуазно-демократическую психологію и бунтарско-заговорщицкіе методы и средства борьбы, унаслѣдованные ею отъ народовольчества.

Правда, наиболѣе чуждые рабочему классу элементы очень скоро отрезвились отъ марксистскаго угара 90-хъ годовъ и почувствовали себя неловко въ этой атмосферѣ. Когда имъ пришлось дѣлать конкретные политическіе выводы изъ теоріи научнаго соціализма, то эти выводы испугали ихъ; они поняли, что взялись защищать интересы чуждаго и даже враждебнаго имъ класса и поспѣшили отрясти прахъ отъ ногъ своихъ. Марксизмъ нуженъ былъ имъ какъ хорошее, незамѣнимое оружіе въ борьбѣ съ реакціоннымъ народничествомъ. Лишь съ его помощью они могли расчистить почву для торжественнаго побѣднаго шествія буржуазной идеологіи измѣняя рѣзко враждебное отношеніе общества къ капитализму въ сочувственное. «Крупная заслуга русскаго марксизма состоитъ въ научномъ объясненіи исторической необходимости капитализма въ Россіи», а тѣмъ самымъ и «въ условно историческомъ оправданіи капитализма», признаютъ откровенно «Проблемы Идеализма» (стр. 88). Поэтому когда народничество оказалось поверженнымъ, когда сталъ ребромъ вопросъ о реальномъ служеніи капиталу или борьбѣ съ нимъ во имя новыхъ началъ, имъ пришлось обнаружить свою истинную сущность вѣрныхъ слугъ пробуждающейся буржуазіи. Ихъ идеологъ П. Б. Струве, авторъ знаменитаго «Манифеста» с.-д. партіи, спѣшитъ основать за границей газету «Освобожденіе» и посвятить ее служенію нарождающемуся либерализму. Онъ не остается одинокимъ, и вскорѣ лагерь освобожденцевъ наполняется бывшими соратниками марксизма.

Однако, бо̀льшая часть радикально-демократической интеллигенціи не послѣдовала за проповѣдью новообращеннаго Павла и осталась вѣрна пролетаріату. Да, она и не могла увлечься ею, такъ какъ попрежнему отказывалась видѣть въ либерализмѣ серьезную политическую силу. Соціальный базисъ, на которомъ зиждилась надстройка либерализма, былъ слишкомъ шатокъ, политически неустойчивъ, чтобы радикальная интеллигенція могла возлагать на него серьезныя надежды. Ея политическое credo было гораздо шире призрачныхъ надеждъ на маленькія ничтожныя реформы сверху. На призывъ либерализма она отвѣчала слѣдующими очень характерными словами: «Мы никогда не удовлетворимся и не желали удовлетворяться вашимъ черепашьимъ прогрессомъ. Ваше смиреніе безнравственно. Источникъ его — трусость и эгоистическій страхъ за ваши личные интересы. Нашъ же лозунгъ гласитъ: безстрашная, безпощадная война... война не на животъ, а на смерть»... И далѣе: «Дру-

того выбора нѣтъ: надо принципіально со всей революціонной страстностью и полной серьезностью стать на точку зрѣнія классовыхъ интересовъ пролетаріата или же остаться попрежнему въ изолированномъ положеніи, а, слѣдовательно, и политически безсильными»*). Естественно, что радикально-демократическая интеллигенція предпочла первый выходъ.

II.

Итакъ, свершилось то, о чемъ мы говорили выше: радикальная интеллигенція связала свою судьбу съ судьбой пролетаріата. Ради осуществленія своихъ политическихъ идеаловъ она должна была искать опоры въ пролетаріатѣ. Но поскольку демократическій инстинктъ не позволялъ ей пользоваться пролетаріатомъ, какъ простымъ орудіемъ, она старалась проникнуться пролетарской идеологіей, стать на марксистскую точку зрѣнія. А это обязывало ее заняться въ первую голову просвѣщеніемъ и организаціей пролетаріата. И вотъ вмѣсто крестьянина объектомъ ея дѣятельности сталъ промышленный рабочій. Деревенскій агитаторъ-книгоноша смѣнился пропагандистомъ среди рабочихъ.

Само собою разумѣется, что цѣльное міровоззрѣніе и въ особенности міровоззрѣніе научнаго соціализма воспринимается далеко не всякимъ и не при всякихъ условіяхъ. Лишь на извѣстной ступени развитія промышленности пропаганда научнаго соціализма начинаетъ находить себѣ адептовъ, становится доступной пониманію болѣе широкихъ круговъ. Такъ и въ Россіи пропагандистская и организаціонная работа интеллигенціи могла итти успѣшно лишь постольку, поскольку россійская дѣйствительность уже расчистила для нея почву, поскольку подъ вліяніемъ капиталистической эксплуатаціи сталъ слагаться типъ современнаго фабрично-заводскаго рабочаго, недовольнаго, пытливаго и чуткаго. Вырванный изъ деревенской глуши и перенесенный въ городскую обстановку, рабочій скоро освоился съ послѣдней. Городская жизнь своимъ многообразіемъ

*) Аксельродъ. „Борьба соціалистическихъ и буржуазныхъ тенденцій въ русскомъ революціонномъ движеніи". СПБ. 1907.

будила въ немъ интересъ, расширяла его умственный кругозоръ. Условія коллективной работы, частый обмѣнъ мнѣній обострялъ его пытливую мысль. Наконецъ, сама фабрика, самъ заводъ съ сѣтью гигантскихъ машинъ и сложныхъ техническихъ приспособленій дѣйствовалъ на его нервную систему, повышалъ его чуткость. Тогда какъ медленный, черезчуръ даже медленный темпъ деревенской жизни, несложный, передаваемый испоконъ вѣка изъ поколѣнія въ поколѣніе процессъ сельскохозяйственнаго производства не требуетъ напряженія мысли, прививаетъ крестьянину консерватизмъ, заводъ и городъ, наоборотъ, въ своемъ бѣшенномъ стремленіи впередъ требуютъ частой смѣны производства, утилизируя все новыя и новыя техническія усовершенствованія, и не могутъ поэтому примириться съ консерватизмомъ: застой для нихъ равносиленъ смерти. Малѣйшая отсталость въ ихъ сложномъ техническомъ организмѣ — и неумолимый законъ конкуренціи вычеркиваетъ ихъ изъ списка существующихъ. Заводъ и городъ требуютъ поэтому отъ рабочихъ способности быстро оріентироваться, быстро приспособляться къ новымъ формамъ производства. И если новый міръ со всей суммой сложныхъ впечатлѣній не испугаетъ деревенскаго пришельца, если этотъ послѣдній не станетъ успокаивать разгоряченное воображеніе, усиленную дѣятельность мозга изрядной дозой алкоголя, то мы будемъ свидѣтелями быстраго превращенія крестьянина въ современнаго рабочаго, живо интересующагося всѣмъ окружающимъ. Между тѣмъ, въ рамкахъ нашего полицейскаго государства такой рабочій не находилъ удовлетворенія своимъ духовнымъ запросамъ и потребностямъ. Существующія попечительства о народной трезвости и взятыя подъ строгій надзоръ воскресныя школы и вечерніе курсы удовлетворяли лишь самымъ элементарнымъ духовнымъ нуждамъ рабочей массы. Для удовлетворенія же болѣе глубокихъ запросовъ рабочимъ ничего не оставалось, какъ послѣдовать призыву радикальной интеллигенціи и уйти въ подполье. Еще въ 70-ые годы къ организаціи «Земля и Воля» примыкало довольно большое число рабо-

чихъ кружковъ, не только не шедшихъ на поводу у своихъ учителей, а обнаруживавшихъ большую самостоятельность мысли и организаціонную инициативу. Мы говоримъ о Южномъ и Сѣверномъ Союзахъ Русскихъ Рабочихъ, возникшихъ по инициативѣ видныхъ и сознательныхъ рабочихъ — первый въ 1875, второй въ 1877 г. Оба они рѣзко расходились съ «Землей и Волей» въ программномъ отношеніи, такъ какъ признавали цѣнность политической свободы и необходимость политической борьбы. Южный Союзъ Русскихъ Рабочихъ просуществовалъ сравнительно недолго, полиція скоро разгромила эту организацію, арестовавъ его инициаторовъ и наиболѣе видныхъ членовъ. Зато Сѣверный Союзъ Русскихъ Рабочихъ развился въ сильную по тѣмъ временамъ организацію, насчитывавшую болѣе 200 членовъ и даже пытавшуюся издавать свой органъ. За Сѣвернымъ Союзомъ нужно признать огромную заслугу — въ исторіи нашего соціалистическаго движенія онъ первый отдѣлался отъ утопическихъ представленій русскаго народническаго соціализма о грядущей соціальной революціи въ Россіи, дѣлающей ненужнымъ и даже вреднымъ чисто-политическій переворотъ,' первый призналъ, что политическая борьба не служитъ интересамъ одной буржуазіи. Въ лицѣ наиболѣе видныхъ своихъ представителей — Халтурина, слесаря Виктора Обнорскаго и другихъ — онъ относился также неодобрительно и къ террористической дѣятельности «Земли и Воли», хотя не принципіально, а главнымъ образомъ потому лишь, что она парализовала дѣятельность молодой, неокрѣпшей организаціи, мѣшала ей упрочить свое существованіе. «Хотя дали бы вы намъ укрѣпить нѣсколько нашу организацію», съ укоромъ говорилъ Халтуринъ Плеханову, редактору «Земли и Воли». Нельзя, однако, на основаніи дѣятельности этой организаціи судить о зрѣлости рабочихъ, нельзя по Халтурину судить о степени ихъ активности и самостоятельности. Это были единицы, правда, можетъ быть, и сознательныя, но только единицы, при чемъ совершенно зависимыя отъ интеллигенціи, жившія однимъ съ ней настроеніемъ и исчезнувшія сейчасъ же послѣ того,

какъ распалась интеллигентская организація «Народная Воля». И то обстоятельство, что рабочая организація первая отмѣтила необходимость борьбы за политическую свободу, говоритъ лишь о чуткости нѣкоторыхъ вожаковъ рабочихъ. Самостоятельная позиція, занятая рабочей организаціей, была лишь предвосхищеніемъ, первой ласточкой того программнаго и тактическаго перелома, который назрѣвалъ уже въ этотъ періодъ въ революціонной интеллигенціи и закончился распаденіемъ «Земли и Воли» и образованіемъ «Народной Воли». «Народная Воля» въ вопросѣ о борьбѣ за политическую свободу стала въ сущности на почву программы Сѣвернаго Союза и тѣмъ самымъ устранила смыслъ существованія этой организаціи. Халтуринъ вмѣстѣ съ другими главарями союза, такъ же какъ и народовольцы-интеллигенты, признали, что задачей настоящаго момента является боевая, направленная исключительно противъ правительства дѣятельность. Соціалистическую же пропаганду и организацію слѣдовало съ ихъ точки зрѣнія отодвинуть въ далекое будущее, впредь до побѣды надъ абсолютизмомъ. Такимъ образомъ, вожди союза превратились въ активныхъ террористовъ, Союзъ, какъ таковый, растворился въ массѣ революціонной интеллигенціи и раздѣлилъ ея судьбу. Фактъ существованія Сѣвернаго Союза показывалъ лишь, что въ рабочихъ верхахъ начался уже процессъ броженія, начались поиски политическаго міровоззрѣнія. Но разгромъ и распадъ общественности 80-хъ годовъ захватилъ и эти начальные ростки сознательнаго рабочаго движенія и поэтому между ними и походомъ интеллигенціи 90-хъ г.г. «въ пролетаріатъ» не установилось преемственной связи. Идейнымъ фундаментомъ марксистской волны послужили работы «Группы Освобожденія Труда», этой первой проповѣдницей революціоннаго марксизма, а организаціонно приходилось начинать работать почти что на пустомъ мѣстѣ, правда, въ благопріятно настроенной и воспріимчивой средѣ.

Первые марксистскіе пропагандистскіе кружки возникли, какъ извѣстно, почти одновременно съ возникновеніемъ «Группы Освобожденія Труда». Во главѣ этой пропагандист-

ской группы стояли Благоевъ и Харитоновъ, выпустившіе два №№ «Рабочей Газеты», при чемъ въ № 2, вышедшемъ въ іюлѣ 1885 года, были помѣщены статьи Аксельрода и Плеханова. Послѣ ареста Благоевской группы соціалъ-демократы отдѣльными единицами вели устную пропаганду въ небольшихъ кружкахъ. Работа велась въ тяжелыхъ условіяхъ, при рѣзко отрицательномъ отношеніи революціонной *интеллигенціи, при полномъ отсутствіи соотвѣтствующей* литературы. Сами соціалъ-демократы еще не могутъ отдѣлаться отъ народническихъ воззрѣній. Плехановъ, Аксельродъ и другіе основатели «Группы Освобожденія Труда», боясь отпугнуть отъ себя нѣкоторые сочувствующіе круги, сознательно не ввели въ названіе группы слова «соціалъ-демократическая». Въ выпущенной ими программѣ сочувственно говорится о террорѣ и выставляется лассальянское требованіе производительныхъ ассоціацій. Лишь постепенно первые русскіе соціалъ-демократы освобождаются *отъ посторонняго налета, становятся* вѣрнымъ себѣ. Страшный голодъ, постигшій Россію въ 1892 году, усилилъ народолюбивое настроеніе нашей разночинной интеллигенціи и вызвалъ новую тягу къ революціонной и общественной дѣятельности. Въ связи съ этимъ районъ соціалъ-демократической пропаганды значительно расширился. Повсюду въ промышленныхъ центрахъ возникаютъ организованные соціалъ-демократической интеллигенціей рабочіе кружки. Вначалѣ эти нелегальные кружки носятъ почти исключительно просвѣтительный характеръ. Задачи кружковъ сводились, главнымъ образомъ, къ расширенію кругозора и углубленію міросозерцанія отдѣльныхъ членовъ. Интеллигенту-пропагандисту сплошь и рядомъ приходится вмѣсто изученія «Капитала» *вести занятія по исторіи или естествовѣдѣнію*. Нерѣдки были случаи, когда кружки такъ и оставались чисто образовательными; рабочіе увлекались знаніемъ ради самого знанія, а среди нѣкоторыхъ изъ рабочихъ возникало стремленіе уйти изъ рабочей среды и перейти въ разрядъ интеллигентнаго пролетаріата — въ учителя, конторщики и т. п. Разрозненные, абсолютно ничѣмъ не спаянные рабочіе

кружки не представляли изъ себя чего-то опредѣленнаго, какого-либо подобія организаціи. Въ цѣломъ рядѣ крупныхъ предпріятій соціалъ-демократы совершенно не имѣли связей съ рабочими. Заводить связи было не такъ-то легко, благодаря политической и культурной отсталости рабочихъ; приходилось пускать для этого въ ходъ всякіе фантастическіе способы, въ родѣ хожденія по кабакамъ и т. п. Часто случалось, что на одномъ и томъ же заводѣ существовало параллельно нѣсколько такихъ кружковъ, не имѣвшихъ никакого понятія другъ о другѣ. Современная политическая жизнь Россіи почти совершенно не касалась ихъ; они не слѣдили за ней и не пытались на нее откликаться. Кружки обхватывали, конечно, незначительные круги рабочихъ. Сюда преимущественно шли люди интересующіеся, высоко развитые и начитанные. Но какъ это ни странно, эти рабочіе за рѣдкими исключеніями не проявляли революціоннаго настроенія и энергіи. Стоя высоко надъ массой, *они естественно отрывались отъ нея и презрительно относились* къ ней. Иногда у нихъ находилось достаточно активности, чтобы откликнуться на злобу дня, волнующую русскую интеллигенцію; и тогда самые эти отклики свидѣтельствовали объ ихъ высокой зрѣлости и разности культурности. Напомнимъ только о письмѣ 15-ти рабочихъ Гл. И. Успенскому въ 1888 г. и объ адресѣ, поднесенномъ группой петербургскихъ рабочихъ Шелгунову. Но въ то же время всѣ лица, имѣвшія какое-либо касательство къ подполью въ этотъ періодъ, отмѣчаютъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что распропагандированные рабочіе не *только* не принимаютъ активнаго участія въ забастовочномъ движеніи, но и намѣренно сторонятся его.

«Распропагандированные рабочіе на фабрикахъ», пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Петербуржецъ, «держались очень осторожно и обыкновенно не принимали никакого активнаго участія въ тогдашнемъ рабочемъ движеніи... Дѣло сводилось къ возможно широкой политической пропагандѣ и къ вербовкѣ отдѣльныхъ личностей изъ рабочей среды» *).

*) Петербуржецъ. „Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія 90-хъ годовъ“, стр. 5.

Извѣстная брошюра «Объ агитаціи», подводя итоги пропагандистской дѣятельности, говоритъ: «Съ одной стороны, при этой системѣ пропаганды, масса оставалась совершенно въ сторонѣ, на нее смотрѣли, какъ на матеріалъ, изъ котораго надо черпать, и черпать по возможности больше. Это черпаніе роковымъ образомъ ослабило интеллектуальныя силы массы, лучшіе элементы отнимались у нея, и она лишалась такихъ людей, которые и безъ всякаго сознанія, по своему умственному и нравственному превосходству, служили ей и могли служить вожаками и передовыми бойцами въ чисто стихійной борьбѣ за существованіе. Съ другой стороны, эти лучшіе элементы пролетаріата образовали особую группу людей со всѣми признаками, характеризующими нашу революціонную интеллигенцію, обреченную на вѣчно кружковую жизнь и дѣятельность, съ неизбѣжно вытекающими отсюда результатами» («Объ агитаціи», стр. 20).

Мало активные, распропагандированные рабочіе настолько дорожили своей умственностью, настолько поглощены были своей духовной жизнью, что мелкія дѣла «міра сего» не волновали и не интересовали ихъ. Какъ смотрѣли на свои ближайшія цѣли работники небольшихъ соціалъ-демократическихъ кружковъ, мы лучше всего поймемъ изъ рѣчей сознательныхъ рабочихъ на тайномъ рабочемъ собраніи 1 мая 1891 г. въ Петербургѣ: «Чтобы наша дѣятельность была какъ можно плодотворнѣе — говорилъ одинъ ораторъ-рабочій — намъ необходимо какъ можно болѣе стараться умственно и нравственно развивать себя и другихъ и болѣе энергично дѣйствовать для того, чтобы окружающіе насъ люди смотрѣли на насъ, какъ на людей умныхъ, честныхъ и сильныхъ и потому съ большимъ довѣріемъ относились бы къ намъ и ставили бы насъ въ примѣръ себѣ и другимъ... Успѣхъ развитія и организаціи рабочихъ зависитъ исключительно отъ нашихъ знаній и нашей энергіи и потому... нашъ долгъ, какъ честныхъ и развитыхъ людей, приготовить изъ себя и подходящихъ для этого людей опытныхъ пропагандистовъ и организаторовъ въ соціально-революціонномъ

дѣлѣ...» То же самое почти говорилъ еврейскій рабочій на другомъ тайномъ первомайскомъ собраніи, гдѣ присутствовало около 100 распропагандированныхъ рабочихъ: «Мы не можемъ сидѣть сложа руки и ждать помощи сверху: только отъ насъ самихъ зависитъ наше освобожденіе и спасеніе. По мѣрѣ возможности каждый долженъ стараться учить себя и другихъ и такимъ образомъ способствовать на первыхъ порахъ образованію хоть маленькихъ кружковъ» *).

Какъ отсюда видно, всѣ усилія сознательныхъ рабочихъ направлялись на самосовершенствованіе; мысль ихъ работала исключительно надъ пріобрѣтеніемъ знаній, вся ихъ энергія расходовалась на организацію маленькихъ кружковъ. Тамъ въ подпольѣ, приходилось имъ удовлетворять свою любознательность, тамъ, въ подпольѣ, получали они отвѣты на интересующіе ихъ вопросы. Сейчасъ намъ, можетъ быть, смѣшна вся эта подпольщина, вся эта конспирація заговорщиковъ, изучающихъ естествовѣдѣніе или политическую экономію; но тогда было далеко не до смѣху: и эта по существу, скорѣе культурническая, чѣмъ революціонная работа стоила громадныхъ жертвъ и усилій. Съ 1894 г. по 1896 г. возбуждено 726 политическихъ дѣлъ, по которымъ привлекалось 3531 лицо. (Въ это число вошли лишь тѣ, которые подвергались взысканіямъ въ такъ называемомъ судебно-административномъ порядкѣ). Понятно, что главная тяжесть репрессій обрушилась на голову интеллигенціи, преимущественно заполнявшей кадры революціонеровъ-пропагандистовъ. Интересно отмѣтить, что правительство нерѣдко было снисходительнѣй къ уличеннымъ въ «революціонной» дѣятельности рабочимъ, чѣмъ это можно было ожидать; оно желало различіемъ каръ, постигавшихъ интеллигентовъ и рабочихъ, показать, что считаетъ послѣднихъ несчастными жертвами, введенными въ заблужденіе, и тѣмъ подчеркнуть, что въ области рабочаго вопроса въ Россіи все благополучно. Но россійская дѣйствительность гово-

---

*) **Батуринъ**. „Очеркъ исторіи соціалъ демократіи въ Россіи“, стр. 55—56.

рила иное, и голосъ ея оказался сильнѣй. Рабочій вопросъ не могъ быть снятъ съ очереди по желанію правительства, и жизнь вскорѣ выдвинула его на первый планъ.

Объ отдѣльныхъ выступленіяхъ русскихъ рабочихъ упоминается такъ же давно, какъ давно у насъ дымятся фабричныя трубы. Еще задолго до паденія крѣпостного права исторія отмѣчаетъ единичные случаи борьбы рабочихъ противъ чрезмѣрной эксплуатаціи наиболѣе зарвавшихся предпринимателей. Вспомнимъ, напр., непрерывныя попытки рабочихъ посессіонныхъ фабрикъ положить предѣлъ эксплуатаціи, которой они подвергались (см. Туганъ-Барановскій, «Русская фабрика», гл. V, стр. 144—66). Хищническіе аппетиты капитала, не вышедшаго еще изъ стадіи первоначальнаго накопленія, безграничная жестокая эксплуатація, отнимавшая у рабочихъ всякую надежду на сносное человѣческое существованіе — все это вызывало цѣлый рядъ стихійныхъ взрывовъ недовольства, принимавшихъ часто форму элементарнаго фабричнаго террора. Выведенные изъ себя безконечными притѣсненіями, рабочіе часто избивали своихъ непосредственныхъ начальниковъ, отличавшихся жестокимъ обращеніемъ, и въ стихійномъ гнѣвѣ громили все, что можно было только разгромить изъ хозяйскаго добра. Такой бунтъ обыкновенно такъ же скоро прекращался, какъ и начинался. Немедленно вмѣшивались войска или полиція и силой усмиряли рабочихъ. «Зачинщики» частью предавались суду, а частью подвергались домашнему взысканію, т. е. поркѣ. Только съ ростомъ и укрѣпленіемъ капитализма движеніе принимаетъ болѣе сознательный и планомѣрный характеръ. Постепенно пробуждается и созрѣваетъ въ рабочихъ чувство товарищеской солидарности и крѣпнетъ вѣра въ свои силы. На смѣну забастовкѣ отдѣльной фабрики или даже одной мастерской появляются коллективныя забастовки нѣсколькихъ предпріятій. Все чаще и чаще встрѣчаются забастовки по солидарности. Въ 1881 году рабочихъ забастовщиковъ въ Бѣлостокѣ поддержали рабочіе другихъ фабрикъ. Въ Иваново-Вознесенскѣ въ 1885 году бастуютъ уже сразу

сообща пять предпріятій. Начиная съ 70-хъ годовъ стихійное экономическое движеніе быстро растетъ и принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры, о чемъ и свидѣтельствуютъ слѣдующія, впрочемъ, далеко не полныя данныя:

Годы.	Число стачекъ.	Число участниковъ.
1865—1877	—	20 тыс.
1878—1880	27	30—35 „
1881—1886	48	80 „

Наряду съ расширеніемъ стачечнаго движенія растетъ и потребность въ объединеніи, въ организаціи. Возникаетъ рядъ обществъ взаимопомощи, которыя во многомъ еще напоминаютъ и мало чѣмъ отличаются отъ цеховыхъ кассъ. Замкнутыя въ себѣ, сохраняющія извѣстное аристократическое положеніе въ профессіи, ограниченныя въ своей дѣятельности уставомъ и полицейскимъ надзоромъ, они естественно не могли играть большой роли въ рабочемъ движеніи. Ихъ функціи сводились преимущественно къ организаціи всевозможной взаимопомощи, да и то въ чрезвычайно узкихъ, ограниченныхъ рамкахъ. Профессіональная борьба еще не укладывалась въ сознаніи участниковъ этихъ организацій, кассы не принимаютъ никакого участія въ организаціи и руководствѣ стачечной борьбой. И все же эти кассы свидѣтельствуютъ объ огромномъ сдвигѣ рабочаго движенія, показываютъ, что рабочій классъ вступаетъ уже въ полосу сознательнаго бытія. Къ концу 80-хъ годовъ такихъ обществъ насчитывалось уже около 200. По профессіямъ они распредѣлялись такъ:

Профессіи.	Число кассъ.
Ремесленники	70
Приказчики	34
Рабочіе печатнаго дѣла	13
Горнорабочіе	40
Фабрично-заводскіе рабочіе.	13
Всего	170

Мы видимъ, такимъ образомъ, что стремленіе къ организаціи пустило среди рабочихъ прочные корни. Однако и эти цифры далеко не соотвѣтствуютъ истинному положенію вещей; ими не охватываются обязательныя кассы Варшавской, Гродненской губ., желѣзнодорожныя кассы и кассы еврейскихъ ремесленниковъ — *мастеровъ и подмастерьевъ*.

Все усиливавшееся, поднимавшееся быстрымъ темпомъ рабочее движеніе грозило разлиться по всей Россіи и революціонизировать общество. Долго замалчиваемый у насъ рабочій вопросъ словно выросъ изъ-подъ земли и предсталъ предъ глазами правительства. Стачки конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ вывели его, наконецъ, изъ состоянія нерѣшительности. Правительство приходитъ постепенно къ сознанію, что одними полицейскими репрессіями нельзя остановить эту грозную лавину. Медленно и неохотно принимаетъ оно рядъ законодательныхъ мѣръ для обузданія алчности промышленниковъ. Наиболѣе важными изъ изданныхъ законовъ являются законъ о введеніи фабричной инспекціи, объ ограниченіи труда малолѣтнихъ, о воспрещеніи расплаты продуктами и т. п. Такимъ путемъ и создалось все, правда, чрезвычайно несовершенное русское фабричное законодательство 80—90-хъ годовъ.

Всемірный промышленный подъемъ 90-хъ годовъ распространился и на Россію. Необычайный ростъ южной горнопромышленности и желѣзнодорожная строительная горячка въ весьма значительной степени повысили спросъ на рабочія руки. Естественно, что это колоссальное промышленное оживленіе не прошло безслѣдно для рабочаго движенія. Рабочій долженъ былъ остановить руку, сжимающую ему горло. Та невыносимая эксплуатація, которую впервые открыли обществу фабричные инспектора перваго призыва, толкала рабочихъ изъ чувства самосохраненія на активныя дѣйствія и выступленія. Завѣса, приподнятая фабричными инспекторами, серьезно думавшими, что правительство намѣрено бороться съ хищничествомъ предпринимателей, скрывала воистину нѣчто ужасное, неописуемое.

Тамъ, куда по образному выраженію Маркса «входъ постороннимъ воспрещенъ», капиталъ совершалъ свою первую, самую ужасную работу — первоначальное накопленіе. Преступленія, творимыя капиталомъ, далеко оставляли за собою тѣ смертные грѣхи, которые рисовались творцу десяти заповѣдей. Начиная съ мелкаго жульничества, воровства лишнихъ десяти минутъ у рабочихъ, капиталъ доходилъ до жестокаго убійства — выбрасыванія на улицу совершенно искалѣченныхъ рабочихъ. Конечно, въ отвѣтъ на все это прежде всего усилилось стачечное движеніе. Введенныя правительствомъ полуреформы не могли уничтожить недовольства массъ, тѣмъ болѣе, что за соблюденіемъ предписаній закона не было никакого дѣйствительнаго контроля. Какъ только фабричные инспектора попробовали серьезно отнестись къ своимъ обязанностямъ и бороться съ злоупотребленіями и нарушеніями закона, фабричная инспекція была подчинена надзору Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ лицѣ губернаторовъ и кромѣ того, обременена спеціальными техническими обязанностями. Забастовочная волна, расширяясь, захватила не только фабричныхъ, но и ремесленныхъ рабочихъ. Въ одномъ Минскѣ за одно двухлѣтіе 1894—96 г.г. было 45 стачекъ; за это же время въ Вильнѣ было 56 стачекъ, въ которыхъ принимало участіе 27 профессій. Всего за этотъ періодъ промышленнаго оживленія въ стачкахъ участвовало.

По официальнымъ даннымъ.		По даннымъ Мартова *).	
Годы.	Число участниковъ.	Годы.	Число участниковъ.
1895	31.195	1894—1895	65.000
1896—1897	89.397	1896—1887	169.000
1898—1899	140.638	1898—1899	217.000

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ рабочіе протестуютъ здѣсь противъ прямыхъ нарушеній закона со сто-

*) Въ статьѣ „Развитіе промышленности и рабочее движеніе", „Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ" изд. Гранатъ.

роны фабричной администраціи, т. е. тѣхъ или другихъ статей того самого законодательства, которое, вообще говоря, почти не защищало рабочаго отъ злоупотребленій и эксплоатаціи со стороны хозяевъ.

Правительство относилось къ стачечному движенію далеко не благосклонно. На всякую забастовку оно смотрѣло, какъ на бунтъ, на противодѣйствіе властямъ, и употребляло для подавленія ея всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи полицейскія мѣры. Особенно ярко проявилось это стремленіе «подавить» въ Петербургѣ, во время охватившей почти всѣ бумагопрядильни забастовки; когда буржуазно-чиновничій міръ впервые увидѣлъ, что рабочій вопросъ въ Россіи не есть нѣчто миѳическое. Для подавленія взволновавшей общественное мнѣніе забастовки были приняты самыя радикальныя мѣры: обѣщанія всевозможныхъ уступокъ послѣ прекращенія стачки, аресты и высылки забастовщиковъ, аресты интеллигентовъ, почему-либо возбудившихъ подозрѣнія полиціи. И понятно, что полицейскія репрессіи гораздо больше революціонизировали умы рабочихъ, чѣмъ самыя зажигательныя рѣчи агитаторовъ. Это броженіе дало соціалъ-демократамъ возможность усилить свою агитацію, выйти за предѣлы тѣсной кружковщины и вмѣсто соціалъ-демократическаго воспитанія отдѣльныхъ рабочихъ приняться за активное воздѣйствіе на массы, взявши исходнымъ пунктомъ ея непосредственныя нужды и требованія.

Въ этотъ періодъ появляется, въ качествѣ знаменія времени знаменитая брошюра «Объ агитаціи», положившая начало новой эпохѣ въ развитіи русской соціалъ-демократіи. «Какъ бы широко не было движеніе», говорится въ брошюрѣ, «успѣхъ его не обезпеченъ до тѣхъ поръ, пока рабочій классъ не станетъ твердо на почву политической борьбы. Какъ ни проста и очевидна идея политической свободы, проникнуться ею, при томъ еще въ странѣ политически отсталой, рабочій классъ не можетъ до тѣхъ поръ, пока не перестанетъ задыхаться въ данной политической атмосферѣ, пока удовлетвореніе ставшихъ для него необходимыми потребностей не будетъ невозможнымъ въ предѣ-

лахъ существующихъ политическихъ условій. Задачей соціалъ-демократовъ является постоянная агитація среди фабричныхъ рабочихъ на почвѣ существующихъ мелкихъ нуждъ и требованій. Вызванная такой агитаціей борьба пріучитъ рабочихъ отстаивать свои интересы, подниметъ ихъ мужество, дастъ имъ увѣренность въ своихъ силахъ, сознаніе необходимости единенія и въ концѣ-концовъ поставитъ передъ ними болѣе важные вопросы, требующія разрѣшенія». Эти строки тѣмъ болѣе замѣчательны, что не только обосновываютъ необходимость перехода къ агитаціи, но и являются манифестомъ экономизма.

III.

Описанный нами выше процессъ перелома въ настроеніи интеллигенціи 90-хъ годовъ и массовый переходъ ея въ лагерь марксизма привелъ къ тому, что въ нѣкоторыхъ центрахъ разрозненныхъ соціалъ-демократическія единицы и кружки стали соединяться въ болѣе оформленныя организаціи. Въ Петербургѣ, напримѣръ, въ 1895 г. образовывается «Союзъ Борьбы за освобожденіе рабочаго класса»; въ томъ же году образовался «Ивано-Вознесенскій Рабочій Союзъ». Эти союзы, въ особенности Петербургскій, принимали дѣятельное участіе въ стачечномъ движеніи; подъ его руководствомъ и проходила забастовка ткачей 1896 г., носившая экономическій характеръ, но получившая, благодаря произведенному ею на общество впечатлѣнію, значеніе политическаго событія. Подъ впечатлѣніемъ стачки объединяются соціалъ-демократы и другихъ городовъ. Въ Москвѣ въ 1896 г. на созванной Центральнымъ Комитетомъ Московскихъ кружковъ сходкѣ для обсужденія вопроса о поддержкѣ петербургскихъ стачечниковъ, въ присутствіи около 300 человѣкъ былъ основанъ «Московскій Рабочій Союзъ», насчитывавшій въ скоромъ времени уже около тысячи членовъ; въ слѣдующемъ году Союзы Борьбы образуются въ трехъ крупнѣйшихъ центрахъ Юга — Кіевѣ, Харьковѣ, Екатеринославѣ. Стачечное движеніе не прошло безслѣдно и для самихъ

сознательныхъ рабочихъ. Среди нихъ уже и раньше замѣчалось разочарованіе въ кружковой работѣ, просвѣтительная пропаганда перестала ихъ удовлетворять. Стихійный ростъ недовольства эксплоатаціей предпринимателей вызываетъ жажду активныхъ дѣйствій. Бунтъ на Семянниковскомъ заводѣ (въ декабрѣ 1894 г.) еще не втягиваетъ «сознательныхъ» въ разгорающееся движеніе, но охватившее рабочую массу возбужденіе заражаетъ ихъ, и они по собственному почину составляютъ и распространяютъ агитаціонную брошюрку. Послѣдующія стачки ускоряютъ этотъ переломъ настроенія. Возникаетъ и укрѣпляется убѣжденіе, что сознательный рабочій долженъ стоять близко къ жизни и что умѣло проведенная забастовка цѣннѣй 10-ти лѣтъ пропаганды; растетъ стремленіе перейти отъ самосовершенствованія къ массовой работѣ, къ построенію рабочихъ организацій. Въ 1895—96 г.г. на петербургскихъ фабрикахъ и заводахъ стали возникать кассы съ писанными уставами, членскими взносами, выборными должностными лицами. Непосредственной ихъ цѣлью была взаимопомощь, поддержка стачечниковъ и нерѣдко культурно-просвѣтительная работа (такъ, напр., на фабрикѣ Кожевникова опредѣленная доля средствъ шла на покупку книгъ). Инціаторамъ кассъ за этой непосредственной, будничной функціей послѣднихъ видѣлась другая, болѣе высокая цѣль. «Главная наша задача», пишетъ одинъ изъ нихъ, «соединиться въ одинъ общій союзъ; для этого самое лучшее средство — организовать небольшіе кружки и при нихъ заводить кассы... Соединить эти кружки въ одно цѣлое не будетъ стоить большого труда» *). Другой рабочій развиваетъ эту мысль болѣе подробно: «Главная цѣль передовыхъ, критически мыслящихъ людей», пишетъ онъ, «должна быть: соединить въ одно цѣлое рабочую массу. Задача эта весьма сложная и требуетъ немалаго труда благодаря деморализаціи рабочихъ и нашего строя. Нужно почти заставить рабочихъ хорошенько вдуматься въ

*) Таръ. „Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія 1890 г.“, стр. 72.

свое положеніе, нужно вырвать у нихъ рутинное убѣжденіе и доказать выгодность соціалистическаго строя... Нужно порѣшить, какимъ путемъ скорѣй и легче можетъ быть достигнута цѣль. Передовые люди, отдѣльныя личности — это только механизмы, дающіе направленіе, но главная двигательная сила — это масса; слѣдовательно, на обязанности отдѣльной личности лежитъ забота о сохраненіи этой силы и ея группированіи... — Мы должны безпрерывно идти впередъ, собирая вокругъ себя большую силу; но для этого необходимо стараться выгоднѣй пользоваться тѣми атомами свободы, которые мы имѣемъ, и по возможности съ меньшими жертвами достигать ихъ расширенія. Какъ этого достигнуть?.. Первымъ и главнымъ къ этому шагомъ должны быть рабочія кассы... — Касса прямо для революціонныхъ цѣлей хороша, но она найдетъ слишкомъ мало участвующихъ лицъ; слѣдовательно, должны быть нѣкоторые побочные интересы, которые могли бы придать ей наружный колёръ» *). И въ другихъ промышленныхъ центрахъ основываются кассы приблизительно такого же типа. Иваново-Вознесенскій и Московскій Рабочіе Союзы ведутъ свою дѣятельность, главнымъ образомъ, по организаціи фабричныхъ кассъ взаимопомощи. Подобные же кассы существовали на отдѣльныхъ заводахъ и среди ремесленниковъ Екатеринослава, Харькова и Одессы. Особенно успѣшно развились эти кассы, организованныя по цехамъ, въ Вильнѣ, Минскѣ и другихъ городахъ Сѣверо-Западнаго Края. Въ Вильнѣ уже осенью 1895 года въ 23 кассахъ имѣлось около 1000 платящихъ членовъ.

Эти организаціи не представляли изъ себя, конечно, чего-либо похожаго на революціонныя соціалъ-демократическія организаціи современнаго типа; онѣ были скорѣй ячейками профессіональныхъ союзовъ, но интересны для насъ, какъ первая попытка массоваго строительства, какъ переходный типъ къ политической организаціи. Составъ кассъ тоже больше говорилъ о профессіональномъ, чѣмъ о поли-

*) Тамъ же, стр. 75.

тическомъ, партійномъ характерѣ этихъ организацій. Здѣсь не было однороднаго партійнаго подбора, сюда принимались просто «надежные рабочіе». Руководителямъ кассъ отводилась большая отвѣтственная роль. Они должны были не только завѣдывать взаимопомощью, но и слѣдить за нелегальной литературой, выбирать время для выпуска прокламацій, сноситcя съ интеллигенціей. Они являлись какъ бы связующимъ звеномъ между рабочей периферіей и законспирированнымъ интеллигентскимъ руководящимъ коллективомъ. Несложный, преимущественно экономическій характеръ работы, говорящей о вещахъ вполнѣ понятныхъ для середняка рабочаго, а, главное, прямо затрагивающихъ его непосредственные интересы, заставлялъ наиболѣе активную часть рабочихъ живо интересоваться организаціей. Среди наиболѣе сознательныхъ и передовыхъ рабочихъ, стремившихся къ болѣе активной дѣятельности въ организаціи и чувствовавшихъ себя какъ дома въ тѣхъ вопросахъ, которыми послѣдняя занималась, создается даже недовольство интеллигенціей, отведшей имъ подчиненную роль въ перефиріи. Ихъ не удовлетворяетъ больше роль посредниковъ, они хотятъ обезпечить себѣ вліяніе на ходъ дѣлъ, проникнуть въ центръ Союза. Такое требованіе нерѣдко встрѣчало сопротивленіе со стороны руководящихъ сферъ. Для большинства тогдашней интеллигенціи было еще чуждо сознаніе необходимости самодѣятельности рабочихъ. Какъ противники введенія рабочихъ въ коллективъ, такъ и зачинщики аргументировали въ пользу своего предложенія исключительно интересами организаціи. Тогда какъ одни доказывали, что не пріученные къ конспираціи, не подготовленные еще къ руководящей дѣятельности рабочіе, введенные въ центръ, принесутъ Союзу лишь вредъ, другіе, наоборотъ, считали, что отказъ ослабитъ интересъ рабочихъ къ организаціи и толкнетъ ихъ на путь сепаратизма. Эти опасенія не были лишены основанія: уже въ 1895 г. въ Петербургѣ существовало нѣсколько рабочихъ кружковъ, совершенно независимыхъ отъ организаціи и сознательно уклонявшихся отъ сношеній съ интеллигенціей. Немало

такихъ «дикихъ» кружковъ было и въ южныхъ центрахъ. Во главѣ всѣхъ этихъ независимыхъ и отколовшихся кружковъ обыкновенно стояли незаурядные, выдающіеся по своей активности и интеллигентности рабочіе. Часто такіе рабочіе кружки обособлялись отъ революціонныхъ организацій въ силу тактическихъ разногласій, какъ это имѣло мѣсто въ Екатеринославѣ, но въ большинствѣ случаевъ — вслѣдствіе отрицательнаго отношенія къ интеллигенціи, что можно наблюдать въ Петербургѣ и Харьковѣ. Сторонники этого направленія въ Харьковѣ проводили строгое различіе между рабочимъ и революціоннымъ движеніемъ; послѣднее не имѣетъ ничего общаго съ первымъ и является дѣломъ интеллигенціи, общества. «При всемъ томъ они не относятся отрицательно къ политической борьбѣ, но переносятъ центръ тяжести изъ области агитаціоннаго воздѣйствія на массы въ область личнаго воздѣйствія, ограничивающагося предѣлами сравнительно узкихъ круговъ».

Послѣ того, какъ попытки передовыхъ петербургскихъ рабочихъ проникнуть въ центръ «Союза Борьбы» потерпѣли неудачу, ихъ вниманіе направляется въ другую сторону. Они помышляютъ о созданіи собственнаго органа, который одновременно удовлетворилъ бы и ихъ потребность въ самостоятельной общественной дѣятельности и былъ бы средствомъ воздѣйствія на рабочую массу. Первыя извѣстія объ этихъ планахъ относятся къ 1896 г., а въ октябрѣ 1897 г. вышелъ № 1 «Рабочей Мысли». Цѣль изданія формулировалась слѣдующимъ образомъ: «Для установленія связи между рабочими будетъ выходить газета «Рабочая Мысль», первый № которой у читателя въ рукахъ. «Рабочая Мысль» будетъ отражать жизнь рабочихъ въ ея настоящемъ свѣтѣ, будетъ способствовать пробужденію ихъ интереса къ окружающему, выражая ихъ нужды и клеймя словами презрѣнія и насмѣшки *гнетущую насъ силу»* *). Какъ финансовая и

---

*) Послѣднія слова нашей цитаты нѣсколько уклоняются отъ подлинника.

техническая, такъ и редакціонная часть предпріятія находилась въ рукахъ рабочихъ. Идейное содержаніе органа было отраженіемъ практики тогдашняго рабочаго движенія: проповѣдь организаціи кассъ, взаимопомощи, экономической борьбы, агитація противъ отдѣльныхъ предпринимателей и капитализма, какъ системы. Однимъ словомъ, это былъ экономизмъ. Однако, не отсутствовали и указанія на роль правительства, поддерживающаго капиталистовъ и не допускающаго свободной экономической борьбы рабочихъ.

Послѣ 4-го номера «Рабочая Мысль» становится органомъ петербургской социалъ-демократической организаціи, и печатаніе ея переносится за границу. Такое сліяніе было тѣмъ болѣе понятнымъ, что петербургская организація, какъ и остальныя, и въ теоріи и въ практикѣ всецѣло стояла уже на почвѣ экономизма.

Но прежде чѣмъ перейти къ выясненію значенія и общей оцѣнкѣ экономизма, мы должны коснуться процесса объединенія россійскихъ соціалъ-демократическихъ организацій, нашедшаго себѣ выраженіе въ подготовкѣ и созывѣ 1-го съѣзда Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи.

Кустарническая работа разрозненныхъ единичныхъ соціалъ-демократическихъ группокъ въ отдѣльныхъ городахъ, работа на собственный страхъ и рискъ, къ концу 90-хъ годовъ уже изжила себя. Усложняющаяся общественная жизнь страны, развертывающіяся событія властно требовали планомѣрной дѣятельности и коллективной выработки основныхъ программныхъ принциповъ. И въ мартѣ 1898 года въ Минскѣ состоялся первый съѣздъ соціалъ-демократическихъ организацій. Организуя съѣздъ чрезвычайно конспиративно, руководящіе круги тщательно скрывали его отъ периферіи; поэтому она не участвовала въ избраніи делегатовъ и узнала о состоявшемся съѣздѣ лишь post factum. Въ силу какъ конспиративныхъ соображеній, такъ и цѣлаго ряда другихъ обстоятельствъ съѣздъ представлялъ далеко не всю наличность дѣйствующихъ соціалъ-демократическихъ группъ Россіи. Сюда явились лишь представители «Союзовъ

борьбы за освобожденіе рабочаго класса» Петербургскаго, Московскаго, Кіевскаго и Екатеринославскаго, а также представители Бунда и группы, издававшей «Рабочую Газету». Интересно отмѣтить, что возникши въ періодъ младенчества рабочаго движенія, носившаго преимущественно экономическій характеръ, съѣздъ не поднялся надъ уровнемъ послѣдняго и въ своей работѣ далъ точное выраженіе этого состоянія. Правда, выпущенный отъ имени съѣзда манифестъ впервые болѣе или менѣе выпукло формулировалъ сущность и задачи соціалъ-демократической партіи. Указывая на свою преемственную связь съ прежнимъ революціоннымъ движеніемъ Россіи, онъ говоритъ:—«Но средства и пути, которые выбираетъ соціалъ-демократія, иные. Выборъ ихъ опредѣляется тѣмъ, что она сознательно хочетъ быть и остаться классовымъ движеніемъ организованныхъ рабочихъ массъ. Она твердо убѣждена, что освобожденіе рабочаго класса можетъ быть только его собственнымъ дѣломъ». Формулируя такимъ образомъ цѣль и сущность соціалъ-демократическаго движенія, собравшіеся въ Минскѣ соціалъ-демократы отдавали себѣ въ то же время отчетъ въ томъ, что основного элемента формулы—организованныхъ рабочихъ массъ—еще нѣтъ налицо. Для нихъ было очевидно, что основываемая ими партія является въ сущности плотью отъ плоти нашей разночинной интеллигенціи. Недаромъ они даже колебались, включить ли въ названіе партіи эпитетъ «рабочая».

При обсужденіи вопроса о названіи партіи нѣсколько делегатовъ высказались противъ включенія слова «рабочая», мотивируя свое мнѣніе тѣмъ, что въ соціалъ-демократическую организацію фактически входитъ очень мало рабочихъ и было бы самозванствомъ назвать партію рабочею. Это мнѣніе несмотря на сдѣланныя возраженія въ концѣ-концовъ восторжествовало на съѣздѣ. Большинствомъ, правда, всего одного голоса, было рѣшено не вносить въ названіе партіи слова «рабочая».

И если современная русская соціалъ-демократіяноситъ почетное названіе рабочей партіи, то по странной ироніи

судьбы она обязана этимъ не кому иному, какъ господину Струве. Защищая свой проектъ манифеста, написанный имъ по просьбѣ одного изъ членовъ Центральнаго Комитета, онъ доказывалъ, что все обращеніе приспособлено къ рабочимъ и логически вытекаетъ отсюда необходимость подписаться не только соціалъ-демократической, но и рабочей партіей. Уцѣлѣвшіе отъ арестовъ два члена Центральнаго Комитета совершенно разошлись между собою по этому вопросу. Въ то время, какъ одинъ видѣлъ въ Манифестѣ отклоненіе отъ духа постановленій съѣзда и даже формальное нарушеніе его рѣшеній, другой, поручившій П. Струве написать манифестъ, всецѣло отстаивалъ проектъ, указывая, что разногласія чисто формальныя и постановленіе съѣзда о невключеніи въ названіе партіи слова «рабочая» большинствомъ всего одного голоса не авторитетно. А такъ какъ П. Струве поставилъ вопросъ о принятіи выработаннаго имъ проекта цѣликомъ ультимативно, то возражавшему оставалось въ концѣ-концовъ только уступить *).

Соціалъ-демократія съ этого момента стала называть себя рабочей партіей. Но не самозванство ли это? Приходится безусловно признать, что соціалъ-демократія особенно въ этотъ предреволюціонный періодъ не имѣла никакого права узурпировать это имя. Не только потому, что въ нее фактически входитъ очень мало рабочихъ, но главное потому что объективно она служила не дѣлу классового строительства пролетаріата, а выполняла роль крайняго демократическаго крыла буржуазіи. И это признаютъ и П. Б. Аксельродъ, и А. Мартыновъ, и Троцкій, и цѣлый рядъ другихъ соціалъ-демократическихъ публицистовъ. Глубоко правъ Акимовъ-Махновецъ **), когда говоритъ: «Наша партія называется рабочей. На самомъ дѣлѣ она по своему составу не является чисто рабочею, а еще такъ недавно она была преимущественно, еще раньше даже исключительно

*) Свѣдѣнія заимствованы: Минувшіе Годы, II 1908. „Первый съѣздъ РСДРП.“.

**) Образованіе № 6, 1907.

нерабочею; что же касается ея задачъ, то огромное большинство интересовъ, наполняющихъ жизнь рабочаго, очень мало интересовало и теперь еще очень мало интересуетъ ея членовъ, а многимъ даже «чисто-рабочее дѣло» кажется идущимъ вразрѣзъ съ интересами соціалъ-демократіи. Съ другой стороны — рабочій классъ совершенно равнодушенъ къ большей части нашихъ взглядовъ и идеаловъ».

Нужно все же признать, что общія формулы удались съѣзду больше, чѣмъ оцѣнка конкретной ситуаціи — политическаго положенія Россіи, роли отдѣльныхъ общественныхъ классовъ. Въ намѣчаніи ближайшихъ задачъ и шаговъ партіи нѣтъ той ясности и опредѣленности, которыя такъ характерны для общихъ положеній Манифеста. Манифестъ считаетъ главнѣйшей изъ очередныхъ задачъ Партіи завоеваніе политической свободы, но это завоеваніе изображается какъ дѣло одного лишь рабочаго класса, ибо «чѣмъ дальше на востокъ Европы, тѣмъ въ политическомъ отношеніи слабѣе, трусливѣе и подлѣе становится буржуазія, тѣмъ бо̀льшія культурныя и политическія задачи выпадаютъ на долю пролетаріата». О наличности въ странѣ какихъ бы то ни было иныхъ политическихъ прогрессивныхъ общественныхъ силъ, равно какъ и о такомъ факторѣ броженія, какъ аграрный вопросъ, въ Манифестѣ не говорится ни слова. Это неумѣніе политически оріентироваться вполнѣ понятно для интеллигентской группы, пріявшей марксизмъ извнѣ и стоящей лицомъ къ лицу съ совершенно неразвитымъ общественно-политическимъ укладомъ съ одной стороны и со стихійнымъ, исходящимъ отъ незрѣлой въ культурномъ, политическомъ и классовомъ отношеніи массы рабочимъ движеніемъ съ другой. Само подчеркиваніе политическихъ задачъ соціалъ-демократическаго и рабочаго движенія лишь на первый взглядъ какъ будто поднимало съѣздъ надъ уровнемъ тогдашней практики. На самомъ же дѣлѣ оно свидѣтельствовало о той же политической незрѣлости, ибо провозглашалось какъ общій принципъ, не сопровождалось попытками реформировать противорѣчащую принципу практику.

Между тѣмъ, самый фактъ рѣшительнаго заявленія о переходѣ соціалъ-демократіи къ политической борьбѣ вызвалъ *внутри соціалъ-демократическихъ организацій рѣзкое* недовольство. На съѣздѣ «Союза Русскихъ Соціалъ-демократовъ за границей» (осенью 1898 г.) предложеніе сторонниковъ «Группы Освобожденія Труда» о признаніи солидарности съ положеніями Манифеста о политической борьбѣ было отвергнуто. Большинство организацій отказывалось распространять Манифестъ, не признавая законности самого съѣзда. Центральнымъ пунктомъ соціалъ-демократической работы въ большинствѣ дѣйствующихъ крупныхъ организацій была къ тому времени экономическая борьба. Борьба съ абсолютизмомъ не являлась еще для нихъ непосредственной проблемой революціоннаго движенія, политическая агитація не столько бралась подъ подозрѣніе, сколько считалась несвоевременной, не соотвѣтствующей данной степени сознательности рабочихъ. Соціалъ-демократія вступала на путь такъ называемаго экономизма. А его взглядъ на роль и задачи соціалъ-демократіи въ рабочемъ движеніи совершенно не допускалъ того способа строительства партіи, какой избралъ съѣздъ 1898 года. Практика экономической борьбы способствовала все большему и большему проникновенію въ интеллигентскую среду мысли о самодѣятельности рабочихъ, какъ необходимомъ условіи нормальнаго развитія всякой рабочей организаціи. По мнѣнію экономистовъ рабочая партія можетъ вырасти лишь органически изъ самаго рабочаго движенія, когда оно въ лицѣ рабочей массы вплотную подойдетъ къ политическимъ задачамъ и когда сами мѣстныя организаціи, утративъ свой іерархическій и интеллигентскій характеръ, станутъ рабочими организаціями, охватывающими всю борющуюся часть пролетаріата. Всякій другой путь образованія партіи объявлялся заговорщическимъ и народовольческимъ. При такомъ положеніи вещей, при несочувственномъ и даже отрицательномъ отношеніи мѣстныхъ группъ къ работамъ съѣзда начавшееся было объединеніе пріостановилось.

IV.

Порвавъ съ кружковщиной и перейдя къ классовой агитаціи, экономизмъ не выходилъ однако изъ узкихъ рамокъ антагонизма предпринимателей и рабочихъ. Въ его агитаціи почти совсѣмъ не было мѣста критикѣ правительственнаго режима. Соціалъ-демократы-экономисты въ сущности умышленно *избѣгали политической агитаціи, считая, что пролетаріатъ* еще недостаточно созрѣлъ для нея. Бѣдность политической практики, вѣрнѣе, почти полное отсутствіе ея, обусловленное неразвитостью общественныхъ отношеній и слабымъ пульсомъ нашей общественной жизни, возводились ими въ правило, въ принципъ. Въ своей практической дѣятельности они во многомъ, пожалуй, напоминали дѣятелей чистаго профессіонализма. И все же, какъ мы уже говорили, *экономизмъ не былъ принципіальнымъ отрицаніемъ политической* борьбы. Соціалъ-демократы-интеллигенты становились экономистами не путемъ теоретическихъ размышленій, а въ результатѣ своей практической дѣятельности. Оппортунизмъ ихъ являлся слѣдствіемъ столкновенія съ некультурной, чуждой всякой политики и, болѣе того, всякой общественности массой. Они должны были, если не хотѣли остаться героями безъ толпы, спуститься къ массѣ, дѣлать *понятное для нея дѣло и тѣмъ подготовить ее къ воспріятію* политической агитаціи. Они сознательно отодвигали на задній планъ важнѣйшія цѣли русскаго рабочаго движенія, ограничиваясь формулированіемъ и обобщеніемъ тѣхъ требованій, которыя назрѣвали въ рабочей массѣ, выдвигались самимъ ходомъ рабочаго движенія. Даже въ майскомъ празднествѣ, имѣющемъ характеръ принципіальнаго выступленія, экономисты вмѣсто общихъ программныхъ требованій *выдвигали частные, популярные въ данный моментъ* среди рабочихъ лозунгъ. Такъ въ майскихъ прокламаціяхъ 1899 г. Петербургскаго, Московскаго и Кіевскаго комитетовъ фигурировали слѣдующія, выработанныя по общему соглашенію требованія: предоставленія рабочимъ свободы стачекъ, собраній, союзовъ и кассъ; гласнаго суда присяжныхъ по дѣламъ

о стачкахъ, отмѣны административныхъ взысканій и произвольныхъ арестовъ; установленія закономъ 10-часового рабочаго дня; возстановленія уничтоженныхъ закономъ 2 Іюня 1897 г. праздниковъ и цѣлый рядъ требованій въ области страхованія. Разъясняя рабочимъ смыслъ такого политическаго акта, какъ возникновеніе Россійской Социалъ-демократической Рабочей Партіи, Екатеринославскій комитетъ писалъ: «Эта партія будетъ способствовать объединенію всѣхъ рабочихъ России; она будетъ руководить борьбой рабочихъ, она будетъ правильно распредѣлять средства между рабочими союзами. Окрѣпнувъ и усилившись, мы добьемся права свободно говорить и писать о своихъ нуждахъ, устраивать союзы и стачки, участвовать въ изданіи законовъ»... Желая объяснить это свое приспособленіе къ политически незрѣлой массѣ, экономисты сравнивали себя съ лѣсорубами, которые раньше, чѣмъ приступить къ вырубкѣ и выкорчевыванію лѣса, занялись приготовленіемъ топоровъ и корчевальныхъ машинъ. «Русская социалъ-демократія неуклонно идетъ къ..... конечной цѣли и дѣлаетъ для того все, что возможно дѣлать въ данное время... Она готовитъ теперь армію, обучая и дисциплинируя ее въ борьбѣ за ближайшія требованія» *). Но никогда экономисты не отмежевывались отъ принципа политической борьбы, какъ это принято думать въ социалъ-демократическихъ кругахъ. Въ программныхъ статьяхъ они никогда не отказывались отъ того положенія, что раскрѣпощеніе России есть необходимое условіе экономическаго освобожденія пролетаріата и, слѣдовательно, существенно-важная задача рабочаго движенія. Лишь «Credo», безусловно не являвшееся выразителемъ экономизма, принципіально исключало борьбу за политическое освобожденіе изъ сферы дѣятельности рабочаго класса. И по мѣрѣ измѣненія русскихъ общественныхъ условій, по мѣрѣ наростанія политическаго оживленія, коснувшагося и рабочихъ массъ, эволюціонировалъ и экономизмъ, и въ «Рабочемъ Дѣлѣ», напримѣръ, политическая агитація получила почти одинаковое право гражданства съ экономической.

*) „Рабочее Дѣло“, № 10.

Но какъ бы мы ни относились къ экономистамъ, во всякомъ случаѣ нужно признать, что они первые замѣтили китайскую стѣну, отдѣлявшую социалъ-демократическую интеллигенцію отъ рабочихъ, и старались пробить въ ней брешь. Они не только критиковали методъ узкой кружковщины, систему «черпанья» — вылавливанія изъ массы отдѣльныхъ наиболѣе развитыхъ единицъ, но въ своей практической дѣятельности стремились проводить противоположный принципъ — принципъ массовой работы. Можетъ быть, ни въ какой другой моментъ дореволюціонной эпохи социалъ-демократія не стояла такъ близко къ рабочимъ, не пользовалась такимъ вліяніемъ, не соприкасалась съ такими широкими массами, какъ въ періодъ экономизма. Въ то время какъ для «Группы Освобожденія Труда», а впослѣдствіи для «Искры» социальныя бѣдствія служили только поводомъ къ политической и социалистической пропагандѣ и критикѣ господствующаго режима, для экономистовъ они явились исходнымъ пунктомъ вовлеченія массъ въ непосредственную борьбу во имя радикальныхъ экономическихъ требованій. Желаніе непосредственно заинтересовать рабочихъ въ дѣятельности революціонной организаціи, сдѣлать ее близкой и понятной имъ, заставить ихъ смотрѣть на нее, какъ на свою собственную организацію, привело экономистовъ къ внимательному и тщательному изученію повседневной жизни рабочихъ и условій ихъ труда. Вмѣшиваясь въ стихійную экономическую борьбу рабочихъ, они вносили сюда извѣстную планомѣрность, осмысленность и организованный характеръ. Въ значительной степени благодаря ихъ участію стачка петербургскихъ ткачей 1896 г. приняла такіе широкіе размѣры и стала крупнымъ общественнымъ событіемъ. Своими популярными листовками, говорившими рабочимъ о наболѣвшихъ обидахъ и повседневныхъ страданіяхъ, они внушали имъ довѣріе къ себѣ,

какъ къ людямъ, дѣйствительно знающимъ ихъ жизнь и сочувствующимъ имъ.

Дѣятельность экономистовъ встрѣтила въ рабочей массѣ живой и активный откликъ. Листки съ описаніемъ условій труда и жизни фабричныхъ рабочихъ не только восторженно читались, но и побуждали рабочихъ заняться въ свою очередь обличеніями, заваливать организаціи корреспонденціями и даже составлять самимъ листки. Предоставимъ слово очевидцу-противнику:... «Листки въ громадномъ большинствѣ случаевъ были дѣйствительнымъ объявленіемъ войны, потому что разоблаченіе оказывало страшно возбуждающее дѣйствіе, вызывало со стороны рабочихъ общее требованіе устранить самыя вопіющія безобразія, готовность поддержать это требованіе стачками... Случалось не разъ, что одно появленіе листка оказывалось достаточнымъ для удовлетворенія всѣхъ или части требованій. («Что дѣлать», стр. 40). Органъ экономистовъ, «Рабочая Мысль», заполнявшійся главнымъ образомъ корреспонденціями съ фабрикъ и заводовъ, вполнѣ напоминалъ собою профессіональный журналъ лучшаго типа. Въ моментъ же конфликтовъ и забастовокъ содѣйствіе и помощь соціалъ-демократической интеллигенціи усиливало въ рабочихъ сознаніе важности и необходимости совершающагося. Благодаря всему этому рабочіе и нелегальная организація какъ бы спаивались въ невидимое, но прочное цѣлое. Этой спайкѣ въ немалой степени способствовало еще то обстоятельство, что экономисты стремились развить въ рабочихъ самодѣятельность. Какъ только соціалъ-демократическая организація получала связь съ рабочими, она всю дальнѣйшую работу, какъ текущую, такъ и во время стачекъ, старалась вести черезъ нихъ. Наряду съ соціалъ-демократическими комитетами существовали не только пропагандистскіе кружки, но и рабочіе заводскіе комитеты и сходки, въ которыхъ соціалъ-демократы-интеллигенты играли только роль техническихъ пособниковъ. Особенно важна была для развитія самодѣятельности рабочихъ организація всевозможныхъ кассъ. Не ограничиваясь этимъ содѣйствіемъ рабочимъ организаціямъ, экономисты въ сущности первые старались возлагать на рабочихъ отвѣтственныя роли, вводить ихъ въ руководящій коллективъ. Такимъ образомъ, экономистовъ слѣдуетъ признать родоначальниками организаціоннаго демократизма, и въ этомъ постоянномъ ихъ стремленіи къ развитію самодѣятельности рабочихъ заключается, пожалуй, наиболѣе важная и крупная историческая заслуга ихъ. Этой заслуги не могутъ не признать даже самые непримиримые большевики. «Рабочедѣльцы, съ которыми въ концѣ-концовъ слились экономисты», пишетъ Воиновъ*), «были несомнѣнными марксистами. Они уловили и подчеркнули одну важную сторону научнаго соціализма: его вѣру въ рабочія массы, то его положеніе, что соціализмъ есть естественное выраженіе пролетарскаго самосознанія, откуда они вывели несомнѣнно марксистское стремленіе способствовать развитію широкихъ рабочихъ организацій».

Но, разумѣется, внутреннее содержаніе работы экономизма далеко не отвѣчаетъ нашему представленію о соціалъ-демократической работѣ. Лишь въ высоко развитомъ буржуазномъ государствѣ всякая борьба рабочихъ, хотя бы даже съ отдѣльными представителями капитала, по необходимости превращается въ борьбу двухъ непримиримыхъ соціальныхъ силъ. У насъ же она носила, конечно, совершенно другой характеръ. Здѣсь эта борьба ставила лицомъ къ лицу только рабочихъ одной или нѣсколькихъ фабрикъ съ ихъ непосредственными эксплуататорами какъ съ частными лицами, а не какъ съ представителями господствующаго класса, съ однимъ изъ звеньевъ соціальнаго и политическаго строя. Она вызывала въ рабочихъ представленія, напоминавшія скорѣй сословно-крестьянское отношеніе къ помѣщикамъ, чѣмъ классово-пролетарское пониманіе исторической роли буржуазіи, питала скорѣй ненависть къ отдѣльному предпринимателю, чѣмъ вырывала пропасть между двумя историческими классами. Поэтому эти столкновенія не давали и не могли давать рабочимъ массамъ того конкретнаго матеріала, который необходимъ для ихъ политическаго воспи-

*) „Радуга“, № 3: „Новые пути“.

танія и сплоченія въ классовую рабочую партію. И все же при общей оцѣнкѣ дѣятельности экономистовъ нельзя не признать, что по сравненію съ предшествовавшимъ пропагандистскимъ періодомъ она представляетъ громадный шагъ впередъ, а во многихъ отношеніяхъ стоитъ даже выше соціалъ-демократической работы искровскихъ временъ.

Организаціи экономистовъ были первыми примитивными нелегальными профессіональными организаціями. Они должны были выполнить ту необходимую историческую работу первичнаго строительства, которая соотвѣтствовала первоначальной стадіи развитія рабочаго класса въ Россіи и которую въ свое время приходилось продѣлывать западно-европейскимъ рабочимъ. Правда, западно-европейскіе рабочіе совершали это строительство въ лучшихъ условіяхъ, легально. У нихъ эти организаціи объединяли всю наличность имѣющихся въ данный періодъ сознательныхъ и активныхъ работниковъ, и переходъ къ болѣе сложнымъ, вызваннымъ потребностями времени формамъ работы совершался естественнымъ путемъ — путемъ использованія накопляемаго опыта. Не то было у насъ. Принужденная полицейскими условіями, а отчасти и недооцѣнкой легальныхъ возможностей, идти по линіи наименьшаго сопротивленія, соціалъ-демократическая интеллигенція ушла въ подполье и лишь изрѣдка пользовалась открытой ареной — вечерними курсами, воскресными школами, народными читальнями и т. п. для своей пропаганды. Почти совсѣмъ нѣтъ свѣдѣній о болѣе или менѣе серьезныхъ попыткахъ къ открытію легальныхъ кассъ взаимопомощи. А между для попытокъ такого рода несомнѣнно существовала почва. Объ этомъ свидѣтельствуетъ возникновеніе въ 1898 году Харьковскаго «Общества взаимопомощи лицъ, занимающихся ремесленнымъ трудомъ», во главѣ котораго стояла группа рабочихъ, искренно преданныхъ рабочему движенію, хотя нѣсколько узко смотрѣвшихъ на его задачи. Уставъ общества былъ по тѣмъ временамъ довольно либеральный и гарантировалъ его отъ вмѣшательства полиціи. Общество это, объединяя преимущественно рабочихъ механическаго производства, развило

довольно энергичную дѣятельность и пріобрѣло значительное вліяніе среди харьковскихъ рабочихъ. Въ 1904 году въ обществѣ насчитывалось уже 1300 членовъ. И нельзя сказать, что фактъ существованія этого общества явленіе совершенно случайное для того времени. Въ самомъ Харьковѣ, вскорѣ послѣ возникновенія «Общество взаимопомощи лицъ занимающихся ремесленнымъ трудомъ», было открыто нѣсколько маленькихъ подобныхъ же обществъ среди ремесленниковъ: портныхъ, табачниковъ и т. п. Отдѣльныя незначительныя общества можно встрѣтить и въ другихъ промышленныхъ центрахъ. Искра констатируетъ, что «среди трудящихся идея легальной взаимопомощи и легальныхъ клубовъ пользуется повидимому нѣкоторымъ престижемъ», и отмѣчаетъ довольно многочисленные факты стремленія рабочихъ претворить эту идею въ жизнь. Въ Перми организуется совѣщаніе желѣзнодорожныхъ служащихъ для устройства семейныхъ вечеровъ для служащихъ и рабочихъ; тамъ же проектируется О-во взаимопомощи рабочихъ механическаго производства, и уже опубликованъ проектъ устава. Въ Петербургѣ среди трубочистовъ проектируется О-во вспоможенія на случай неспособности къ труду и инвалидности. Въ Николаевѣ открывается рабочій клубъ. Въ Минскѣ образовались 2 артели и касса взаимопомощи рабочихъ-портныхъ и щетинщиковъ, а столяры принимаются за выработку устава клуба. Въ Одессѣ возникаетъ артель среди рабочихъ каменоломенъ. Въ Москвѣ среди членовъ кассы типографовъ возникаетъ мысль объ устройствѣ кружка или клуба съ кабинетомъ для чтенія. Въ той же Москвѣ утвержденъ уставъ потребительнаго общества механическаго производства. Какъ это однако ни странно, въ дѣлѣ созданія легальныхъ обществъ инціатива принадлежала не соціалъ-демократическимъ организаціямъ, а отдѣльнымъ расположеннымъ къ рабочимъ лицамъ. Движеніе это исходило изъ такихъ рабочихъ круговъ, съ которыми соціалъ-демократія обыкновенно не была связана, а сама она слишкомъ мало интересовалась имъ, чтобы энергично пойти ему навстрѣчу.

Благодаря условіямъ подпольной работы социалъ-демократическія организаціи носили случайный характеръ. Въ ихъ составѣ преобладало то какое-нибудь одно, то другое теченіе; онѣ появлялись и исчезали, не оставляя замѣтныхъ слѣдовъ. Онѣ не были центрами, къ которымъ стягивались бы передовые элементы рабочаго класса. «Союзы Борьбы», какъ и кассы и прочія рабочія организаціи, объединяли черезчуръ незначительный слой рабочихъ и являлись лишь техническими пособниками рабочихъ въ стихійной экономической борьбѣ ихъ съ предпринимателями. Разумѣется, эти организаціи могли развиваться лишь въ періодъ промышленнаго оживленія; съ ослабленіемъ послѣдняго исчезало то стихійное рабочее движеніе, на фонѣ котораго выросъ экономизмъ и которое заставило интеллигенцію сойти съ пути просвѣтительной социалистической пропаганды и заняться мелкой, кропотливой профессіональной работой. Экономизмъ терялъ почву подъ ногами, терялъ свое вліяніе и на революціонную интеллигенцію, и на рабочія массы, въ которыхъ подъ давленіемъ надвигающагося экономическаго кризиса и политическаго оживленія пробуждаются новые инстинкты, новые запросы. Чистый экономизмъ все болѣе и болѣе выдыхался, и боевымъ лозунгомъ его остался лишь принципъ организаціоннаго демократизма, оторванный отъ своего прежняго идейнаго фундамента. Между тѣмъ жизнь требовала расширенія рамокъ социалъ-демократической агитаціи, совмѣщенія и объединенія агитаціи политической и экономической. Экономисты предполагали, что переходъ къ политической работѣ произойдетъ самъ собой, благодаря тому, что полицейскія и чиновничьи репрессіи противъ все развивающагося экономическаго движенія вызовутъ среди рабочихъ не только озлобленіе, но и интересъ къ «политикѣ», т. е. къ вопросамъ государственнаго устройства. Однако эволюція социалъ-демократической работы совершилась не этимъ путемъ, не путемъ естественнаго расширенія своего идейнаго базиса, а путемъ отрицанія всего предшествующаго періода, признанія его сплошной ошибкой.

V.

Такъ называемый политическій или искровскій періодъ въ исторіи русской социалъ-демократіи останется непонятнымъ всякому, кто будетъ видѣть въ немъ исключительно одинъ изъ этаповъ внутренней исторіи партіи. Общій смыслъ и содержаніе его находятся въ тѣснѣйшей связи съ идейной эволюціей, которую переживала въ этотъ періодъ русская интеллигенція подъ вліяніемъ измѣнившихся общественныхъ условій. Подобно тому, какъ расцвѣтъ капитализма и широкое рабочее движеніе привели къ господству марксизма, создали атмосферу всеобщаго сочувствія социалъ-демократамъ и ихъ работѣ, такъ и промышленный кризисъ и связанный съ нимъ упадокъ настроенія въ пролетаріатѣ не могли не вызвать общаго разочарованія и общественной реакціи противъ капитализма. Въ литературѣ, на многочисленныхъ легальныхъ собраніяхъ оживленно дебатируется вопросъ объ оскудѣніи центра, т. е. внутренняго рынка. Замолкнувшіе было народники снова начинаютъ предвѣщать россійскому капитализму полный крахъ, интеллигенція снова готова видѣть въ капитализмѣ однѣ лишь отрицательныя стороны. А между тѣмъ столь охаянный капитализмъ уже сдѣлалъ свое дѣло, успѣлъ разложить старую Россію и обострить общественныя и политическія противорѣчія до такой степени, что рядъ общественныхъ группъ и слоевъ отъ обороны начинаетъ переходить въ наступленіе: земцы, нѣкоторыя группы промышленниковъ и широкіе слои интеллигенціи начинаютъ чувствовать подъ собою почву и вступаютъ въ открытые частичные конфликты съ властью.

Фактъ политическаго оживленія этихъ общественныхъ слоевъ вызвалъ среди разночинной интеллигенціи не только общее повышеніе активности, выразившееся главнымъ образомъ въ бурныхъ студенческихъ волненіяхъ 1900—01, но и послужилъ толчкомъ къ усиленію процесса внутренняго разслоенія ея. Часть интеллигенціи, взявшая на себя миссію

быть идеологами нашего «общества», окончательно оформляется, становится глашатаемъ либеральной оппозиціи. Въ то время какъ умѣренное крыло интеллигенціи совершаетъ быстрый переходъ «отъ марксизма къ идеализму», въ демократической ея части идетъ глухая и упорная борьба противъ ортодоксіи. Здѣсь реакція противъ марксизма въ его вульгарномъ пониманіи, какъ апологіи капитализма, и разочарованіе въ революціонной миссіи пролетаріата возрождаютъ народническія иллюзіи. Чисто экономическій характеръ рабочаго движенія внушилъ интеллигенціи сомнѣнія въ готовности пролетаріата къ активной и руководящей роли въ политической борьбѣ. Въ ней снова оживаетъ романтическая вѣра въ общенародное освободительное движеніе подъ руководствомъ народолюбивой интеллигенціи и вмѣстѣ съ тѣмъ вновь возникаетъ жажда единаго всеспасающаго удара террориста. Рабочій слишкомъ теменъ и несознателенъ, слишкомъ долго ждать его пробужденія. Революціонная интеллигенція должна возродить славные завѣты «Народной Воли», она одна въ состояніи выступить на борьбу съ самодержавіемъ, какъ активная и сознательная политическая сила. Террористическія выступленія должны замѣнить отсутствующую дѣятельность массъ и пробудить ее къ активности. Таковы тѣ мнѣнія и толки, которые получили теперь господство среди радикальной интеллигенціи и практическимъ выраженіемъ которыхъ было увлеченіе терроризмомъ и быстрый успѣхъ соціалистовъ-революціонеровъ.

Однако разочарованіе въ спасительности практиковавшихся до сихъ поръ соціалъ-демократами методовъ борьбы и въ революціонности рабочаго движенія, какъ таковаго, не освободили всей интеллигенціи въ цѣломъ отъ вліянія марксизма. Часть ея, болѣе тѣсно сросшаяся съ соціалъ-демократическимъ кругомъ идей, привыкшая къ анализу объективной дѣйствительности, такъ или иначе связанная съ рабочими верхами, осталась вѣрна старому знамени. Правда, и она переживаетъ переломъ; и среди нея получаютъ перевѣсъ тѣ же тенденціи къ активному участію въ общемъ политическомъ движеніи, но, преломляясь сквозь призму соціалъ-демократическихъ принциповъ, онѣ приводятъ не къ отказу отъ работы въ пролетаріатѣ, а къ провозглашенію политической борьбы и вовлеченія въ нее рабочихъ главнымъ элементомъ дѣятельности соціалъ-демократіи. Къ этому убѣжденію соціалъ-демократы пришли чисто «головнымъ» путемъ; но и внутренняя жизнь рабочаго класса, поскольку она была доступна ихъ наблюденію, и цѣлый рядъ эпизодовъ рабочаго движенія, то мелкихъ, то бросающихся въ глаза, должны были обнадежить ихъ, показать имъ, что новая теорія, новая тактика имѣетъ подъ собой извѣстную почву. Дѣло въ томъ, что пролетаріатъ сталъ, хоть и медленно, въ свою очередь пріобщаться къ новому общественному подъему. Экономическій кризисъ, прервавшій наступательный ходъ профессіональнаго движенія рабочихъ, не ослабилъ, однако, въ общемъ ихъ энергіи, а лишь далъ ей иное направленіе. Неудовлетворенные, во многихъ случаяхъ побѣжденные, но уже знакомые со сладостью борьбы и побѣды, рабочіе гораздо скорѣе, чѣмъ въ прежніе годы, заражались общимъ повышеннымъ и напряженнымъ настроеніемъ, гораздо болѣе чутко прислушивались и относились къ тому, что дѣлалось за стѣнами рабочаго мірка. Они съ интересомъ слѣдятъ за студенческими волненіями и демонстраціями и сочувственно относятся къ тѣмъ призывамъ и къ той агитаціи, которая проникаетъ къ нимъ извнѣ. Уже въ 1899 году костромскіе рабочіе оживленно обсуждаютъ студенческія волненія, становятся на сторону демонстрантовъ и жалѣютъ, почему тѣ не обратились къ нимъ за поддержкой. Въ 1900 году въ Харьковѣ первомайскій праздникъ впервые выходитъ за предѣлы узкаго круга передовыхъ рабочихъ. Въ этотъ день бастуютъ всѣ механическіе рабочіе и большинство ремесленныхъ, и происходятъ двѣ демонстраціи — одна въ 2 тыс. человѣкъ, другая въ 3 тысячи. Въ теченіе 1901 года рабочіе принимаютъ дѣятельное участіе въ студенческихъ демонстраціяхъ; первое мая празднуется демонстраціями въ Тифлисѣ, Харьковѣ, Симферополѣ и Петербургѣ, при чемъ въ послѣд-

немъ въ связи съ майскими событіями разыгралось крупное столкновеніе рабочихъ съ полиціей и войсками, извѣстное подъ именемъ Обуховской Обороны. Въ 1902 году майскія демонстраціи состоялись въ Баку, Харьковѣ, Сормовѣ и Саратовѣ.

Мы видимъ здѣсь, какъ инціатива нелегальныхъ организацій, ничтожныхъ и слабо связанныхъ съ рабочей массой, находитъ все же извѣстный откликъ въ наиболѣе активныхъ кругахъ ея, видимъ также, какъ учащаются столкновенія рабочихъ съ полиціей и войсками, при чемъ рабочіе легко переходятъ даже въ наступленіе. Правда, этотъ политическій сдвигъ рабочихъ не принимаетъ широкихъ размѣровъ; правда, рабочіе не борятся съ полиціей, какъ органомъ политическаго режима, а видятъ въ ней лишь непосредственнаго, угрожающаго имъ врага; но на ряду съ ослабленіемъ страха передъ физической силой замѣтно колеблется и падаетъ престижъ власти, начальства. Непосредственныя столкновенія съ полиціей убѣждаютъ рабочихъ, что полиція является только одной изъ частей сложнаго правительственнаго механизма, который всей своей тяжестью ложится на нихъ, давитъ и препятствуетъ свободному развитію рабочаго движенія. И вотъ въ рабочихъ кругахъ начинаетъ постепенно расти чувство смутнаго недовольства правительствомъ, зрѣетъ неосознанная враждебность къ существующему строю. Такое настроеніе, захватившее даже массы, легко, по малѣйшему поводу, переходитъ въ открытый протестъ, открытое выступленіе, которое именно благодаря своему массовому характеру пріобрѣтаетъ колоссальное демонстраціонное и агитаціонное значеніе и еще больше революціонизируетъ массу — свидѣтельницу и участницу выступленій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря несознательности массъ, эти протесты получаютъ характеръ чисто стихійнаго проявленія недовольства, лишь незначительно углубляютъ сознаніе участниковъ и совершенно не оставляютъ слѣдовъ въ смыслѣ расширенія или созданія организаціонной базы. Наиболѣе яркимъ и типичнымъ проявленіемъ такого стихійнаго недовольства массъ

будутъ, конечно, такъ называемыя Ростовскія событія, имѣвшія мѣсто въ Ростовѣ-на-Дону 5—15 ноября 1902 года. И здѣсь первый толчекъ дало незначительное явленіе — забастовка одного изъ цеховъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ съ предъявленіемъ экономическихъ требованій. Забастовка какъ-то сразу охватила всѣ мастерскія; сразу же стали устраиваться массовыя сходки съ рѣчами на политическія темы; а перенесенныя черезъ нѣсколько дней за городъ, сходки превратились въ настоящіе народные митинги. На митинги стекается буквально весь городъ. Несмотря на то, что формально забастовка не всеобщая, фактически нормальное теченіе жизни нарушено — фабрики не работаютъ, торговля прервана. Въ теченіе нѣсколькихъ дней власти совершенно парализованы, подавлены внезапностью событій, ихъ грандіозностью и не рѣшаются пустить въ ходъ войска; а чтобы замаскировать свое безсиліе, «разрѣшаютъ» игнорирующей ихъ массѣ собираться. Это наглядное проявленіе силы и мощи открытаго выступленія массъ воодушевляетъ и питаетъ настроеніе ростовскаго пролетаріата; но съ того момента, какъ собранія стали невозможными, движеніе, не направленное къ опредѣленной цѣли и лишенное своего естественнаго центра, разсѣивается и какъ-то само собою затихаетъ.

Такимъ образомъ, переживавшійся соціалъ-демократической интеллигенціей совмѣстно со всѣмъ буржуазнымъ обществомъ поворотъ къ политикѣ находилъ себѣ оправданіе и обоснованіе и въ настроеніи рабочаго класса. Движенія въ родѣ ростовскаго являлись лучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу потенціальной революціонности рабочаго класса, лучшимъ аргументомъ противъ экономизма съ одной стороны, противъ террористическаго народничества съ другой. И, однако, нельзя было закрывать глаза на то, что революціонное настроеніе и склонность къ революціоннымъ вспышкамъ еще не свидѣтельствуетъ о готовности къ сознательному политическому движенію, что политическое рабочее движеніе находится еще въ періодѣ младенчества, на такой ступени развитія, когда пролетаріатъ не только не ду-

маетъ выставлять какихъ-либо политическихъ требованій, но не всегда даже поднимается до сознательнаго порицанія даннаго строя. Политической борьбѣ рабочаго класса предстояло еще пройти долгій путь усложненія и углубленія, долгій путь уясненія и фиксированія своихъ цѣлей, чтобы затѣмъ въ результатѣ накопленія и обобщенія опыта притти, наконецъ, къ сознательному выбору и комбинированію средствъ. А вѣдь мы видѣли, что какъ разъ перспектива медленнаго и длительнаго процесса роста и созрѣванія политическаго рабочаго движенія отпугивала интеллигенцію отъ марксизма, толкала ее къ союзу съ иными общественными силами, заставляла ее хвататься за другія средства. И вмѣсто того, чтобы предоставить интеллигенцію ея судьбѣ и заняться углубленіемъ и организаціей рабочаго движенія, соціалъ-демократія ставитъ себѣ основной задачей удержать бѣглецовъ, доказать имъ, что единственный вѣрный, отвѣчающій историческому ходу вещей путь къ цѣли — союзъ съ пролетаріатомъ, и убѣдить ихъ, что этотъ путь не такъ страшенъ и долгъ, какъ это кажется на первый взглядъ. Поэтому ея роль въ данный періодъ свелась къ активному участію въ размежеваніи демократической интеллигенціи, съ тѣмъ, чтобы именемъ марксизма отвоевать для дѣла рабочаго класса возможно бóльшее число сознательныхъ сторонниковъ. Экономическое рабочее движеніе вызвало къ жизни новыя силы, пробудило демократическую интеллигенцію, но соціалъ-демократы-экономисты оказались не въ состояніи ни подчинить ее своему вліянію ни даже отстоять отъ ея нападокъ принципъ самостоятельной классовой борьбы пролетаріата. Эту задачу и взялись выполнить политики въ лицѣ своего боевого органа «Искры». Періодъ «Искры» былъ періодомъ борьбы за вліяніе на революціонную интеллигенцію. Она подводила подъ философскія, общественныя и даже литературныя симпатіи и теченія классовый фундаментъ, облекала ихъ въ политическія формулы и тѣмъ содѣйствовала политической дифференціаціи интеллигенціи. Вся ея идейная работа велась именно въ этой плоскости, сводилась къ теоретической проповѣди марксизма, къ вербовкѣ среди

интеллигенціи принципіальныхъ сторонниковъ классовой борьбы пролетаріата.

Въ отличіе отъ марксистовъ 90-хъ годовъ, боровшихся противъ субъективистскихъ представленій о роли личности въ исторіи, «политики» указываютъ интеллигенціи на ея провиденціальную роль — внесеніе сознанія въ стихію рабочаго движенія; такое внесеніе сознанія извнѣ, разумѣется, ускоряетъ темпъ развитія революціоннаго рабочаго движенія и приблизитъ моментъ побѣды. Даже излюбленные интеллигенціей террористическіе пріемы борьбы — и они могутъ найти себѣ мѣсто въ комбинаціи съ революціоннымъ движеніемъ пролетаріата. Однимъ словомъ, какъ самая постановка задачи организаціи политической борьбы, такъ и тѣ методы, которыми соціалъ-демократы взялись за ея осуществленіе, свидѣтельствовали о томъ, что они брали ее не таковой, какъ она выростала органически передъ рабочимъ классомъ, а таковой, какъ она возникла въ иной соціальной сферѣ, въ той, куда вросла своими корнями и русская соціалъ-демократическая интеллигенція — среди буржуазной демократіи. Выясненіе, освѣщеніе и конкретизированіе этой задачи передъ самимъ пролетаріатомъ оставалось совершенно въ сторонѣ. Вотъ что говоритъ объ этомъ періодѣ Аксельродъ: «Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ революціонныхъ событій 1901 года въ лагерѣ самихъ соціалъ-демократовъ начинаетъ распространяться безсознательная тенденція къ политическому обезличиванію пролетаріата, къ превращенію его въ объектъ и орудіе революціи, въ политически безформенную массу, играющую роль не самостоятельнаго носителя ея, а боевой физической силы, управляемой внѣ и надъ ней стоящей политической организаціей»*). Среди соціалъ-демократической интеллигенціи находитъ почву и политическій романтизмъ; появляются теченія, желающія примирить марксизмъ съ терроромъ (группа Свобода); Конференція Бунда предлагаетъ отвѣчать терроромъ на

*) П. Б. Аксельродъ. „Двѣ тактики". Изд. „Новый Міръ", 1910 г., стр. 9—10.

примѣненіе тѣлесныхъ наказаній къ демонстрантамъ. Со страницъ «Вѣстника Русской Революціи» раздается даже призывъ соціалъ-демократа къ объединенію соціалъ-демократіи со всѣми остальными революціонными организаціями. «Что же насъ разъединяетъ?» спрашиваетъ онъ съ недоумѣніемъ. А въ Саратовѣ и на Уралѣ организовались даже, какъ бы свидѣтельствуя о полномъ отсутствіи разногласій, объединенныя группы соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ, также стоявшія за терроръ. Но всего интереснѣе, что въ настольной книгѣ соціалъ-демократовъ-практиковъ, открывшей эпоху политицизма — «Что дѣлать» Ленина — появляются слѣдующія весьма характерныя строки: «... Въ Россіи теоретическое ученіе соціалъ-демократіи возникло совершенно независимо отъ стихійнаго роста рабочаго движенія, возникло какъ естественный и неизбѣжный результатъ развитія мысли у революціонно-соціалистической интеллигенціи... Стихійное рабочее движеніе есть трэдъ-юніонизмъ, есть Nur-Gewerkschaftlerei, а трэдъ-юніонизмъ означаетъ какъ разъ идейное порабощеніе рабочихъ буржуазіей. Поэтому наша задача — задача соціалъ-демократіи — состоитъ въ борьбѣ со стихійностью, состоитъ въ томъ, чтобы совлечь рабочее движеніе съ этого стихійнаго стремленія трэдъ-юніонизма подъ крылышко буржуазіи и привлечь его подъ крылышко революціонной соціалъ-демократіи» (стр. 21 и 28). Здѣсь мы встрѣчаемъ ту же переоцѣнку роли интеллигенціи, ту же идеализацію ея, какъ потенціальнаго носителя соціализма, то же недовѣріе къ рабочему классу, какое характерно для всей буржуазно-демократической интеллигенціи. Этой книгой, имѣвшей небывалый успѣхъ у соціалистической интеллигенціи, русская марксистская ортодоксія выдала себѣ свидѣтельство о бѣдности. Для нея критеріемъ соціалистичности являлось не положеніе класса въ производствѣ, а степень его теоретической подготовленности и интенсивности его революціоннаго настроенія. Это было лишь обобщеніемъ и возведеніемъ въ принципъ того наблюденія, что политическое рабочее движеніе въ первичной своей стадіи не

вырабатываетъ опредѣленныхъ лозунговъ и даже не чувствуетъ въ нихъ потребности, а впослѣдствіи воспринимаетъ тѣ лозунги и ту формулировку ихъ, съ которымъ идетъ къ нему давно уже пришедшая къ этимъ лозунгамъ теоретическимъ путемъ соціалистическая интеллигенція. Благодаря такому взгляду, между пролетаріатомъ и другими классами населенія проводилась грань чисто количественная, по степени революціонности, а не по качеству и основаніемъ ея. «Рабочая демократія своими политическими требованіями не принципіально, а только по степени отличается отъ буржуазной демократіи» писалъ тотъ же Ленинъ въ февралѣ 1902 года, забывая, что наша программа-minimum есть не просто механическая сумма требованій, а объединенная общимъ принципомъ совокупность ихъ.

Квинтъ-эссенцію политической борьбы соціалъ-демократы «политическаго періода» видѣли въ демонстраціяхъ, а лейтъ-мотивомъ политической агитаціи являлось утвержденіе, что рабочій классъ есть наиболѣе революціонный, наиболѣе могучій изъ всѣхъ общественныхъ классовъ Россіи и что всѣ силы его должны быть направлены на одну цѣль — сверженіе бюрократическаго строя, побѣда надъ которымъ невозможна безъ его активнаго участія. Такая агитація носила не соціалъ-демократическій, а радикально-демократическій характеръ, совершенно не уясняя пролетаріату внутренняго единства его политической и классовой борьбы. Всякая стачка цѣнилась лишь постольку, поскольку ее надѣялись превратить въ политическій протестъ, создать изъ нея поводъ для политической демонстраціи. Словомъ, работа соціалъ-демократическихъ организацій политическаго періода была въ очень слабой степени соціалъ-демократической и даже больше того — являлась въ значительной мѣрѣ отрицаніемъ специфическихъ задачъ соціалъ-демократіи. Сводясь преимущественно къ организаціи всевозможныхъ политическихъ демонстрацій — прекраснаго средства для политическаго пробужденія, но дававшихъ очень мало для дѣйствительнаго классоваго воспитанія пролетаріата — она могла лишь революціонизировать умы и

настроеніе рабочихъ въ антиправительственномъ направленіи, но ни въ коемъ случаѣ не служить для нихъ школой нагляднаго обученія классовой борьбѣ. «Искра» не сталкивала, да и не могла при бѣдности нашей политической практики столкнуть пролетаріатъ лицомъ къ лицу со всѣмъ *буржуазнымъ міромъ. У соціалъ-демократіи не было ни* силъ, ни умѣнья, ни сознанія необходимости ввести хотя бы передовыхъ рабочихъ въ кругъ конкретныхъ политическихъ вопросовъ, которые составляютъ дѣйствительное содержаніе русской общественности. Проповѣдуя политическую борьбу, она въ то же время не бросала въ массу дѣйственныхъ политическихъ лозунговъ, а оперировала готовыми шаблонами, годными для всѣхъ временъ и народовъ и поэтому никого не просвѣщавшими и не воодушевлявшими. «Приходилось», пишетъ Ф. Данъ, «въ значительной мѣрѣ ограничиваться чисто «схематической» абстрактной агитаціей противъ абсолютизма, какъ принципа государственнаго строя, съ одной стороны, противъ капитализма, какъ принципа общественно-экономическаго устройства — съ другой. И обѣ эти категоріи выступали не столько, какъ облеченныя въ кровь и плоть явленія русской политической дѣйствительности, взаимно связанныя многообразными и часто весьма трудно поддающимися анализу нитями, а скорѣе какъ логическія обобщенія, какъ теоретическія формулы. И поскольку пытались связывать политическую и экономическую агитацію, эта связь строилась не столько на дѣйствительномъ изученіи реальныхъ взаимоотношеній различныхъ классовъ и жизни русскаго народа, съ ихъ сложной, имѣющей историческіе корни идеологіей, съ одной стороны, и самодержавія — съ другой, сколько опять-таки на общихъ положеніяхъ о правительствѣ, поддерживающемъ имущіе классы противъ неимущихъ» *). Это явленіе привело къ очень важнымъ и печальнымъ послѣдствіямъ. Между тѣмъ какъ экономизмъ суживалъ свои задачи до обслуживанія исклю-

*) „Изъ исторіи рабочаго движенія и соціалъ-демократіи въ Россіи 1900—1904 г.г.“, стр. 25.

чительно экономическихъ и профессіональныхъ нуждъ рабочихъ, «политики» подходили вплотную къ экономической жизни рабочихъ только тогда, когда пахло забастовкой со всѣми ея послѣдствіями; между тѣмъ какъ основнымъ принципомъ организаціоннаго строительства экономистовъ *была самодѣятельность рабочихъ (они придерживались* демократизма во что бы то ни стало и проповѣдывали теорію стадій), у политиковъ развился культъ «профессіональнаго революціонера». «Дайте намъ организацію революціонеровъ, и мы перевернемъ Россію» говоритъ Н. Ленинъ въ «Что дѣлать» (стр. 97). Въ созданіи штата хорошихъ профессіоналовъ-революціонеровъ съ газетой въ роли организаціоннаго центра политики видятъ альфу и омегу партійной работы. Партію они склонны были разсматривать, какъ техническую агентуру при газетѣ, и сводить политическую работу партіи къ обсужденію политическихъ вопросовъ въ партійной литературѣ. Съ нескрываемымъ пренебреженіемъ относятся они къ далеко не многочисленнымъ и робкимъ попыткамъ экономистовъ пойти навстрѣчу пробуждавшейся потребности рабочихъ въ созданіи первыхъ элементарныхъ классовыхъ организацій — легальныхъ кассъ взаимопомощи. Такъ, напримѣръ, Л. Мартовъ пишетъ: «Мы думаемъ, что работа надъ революціонно-активными элементами должна быть пріурочена къ выработкѣ изъ рабочихъ профессіоналовъ-революціонеровъ, наиболѣе цѣнныхъ членовъ партіи... Такая организаціонная работа революціонеровъ на нашъ взглядъ гораздо важнѣе, чѣмъ организація профессіональныхъ кассъ, которой до сихъ поръ занимались нѣкоторые комитеты» *). Въ процессѣ борьбы съ экономизмомъ политики не только отвыкли отъ руководства экономической и профессіональной борьбой пролетаріата, но и по существу стали относиться къ ней подозрительно, сомнѣваясь въ ея «политической благонадежности». Соціалъ-демократической интеллигенціи приписыва-

*) Предисловіе Л. Мартова къ „Письму къ товарищамъ-пропагандистамъ“.

лась роль «революціонной бациллы», и въ практической работѣ процвѣталъ тотъ образъ дѣйствій, который такъ удачно впослѣдствіи былъ названъ Троцкимъ «замѣстительствомъ пролетаріата». Организація интеллигентовъ-революціонеровъ подставляла себя на мѣсто пролетаріата. Отъ его имени она засѣдала во всевозможныхъ партійныхъ учрежденіяхъ, отъ его имени выступала передъ обществомъ, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать выработкѣ и проявленію его классовой воли.

Съ исчезновеніемъ экономизма комитеты фактически прекратили попытки созданія широкихъ рабочихъ организацій. На сцену вновь выдвигаются узкія организаціи, повторяется старая исторія вылавливанія отдѣльныхъ единицъ изъ рабочихъ. Отожествляя экономизмъ съ оппортунизмомъ и борясь съ нимъ не на жизнь, а на смерть, «Искра» старалась захватить въ свои руки руководящія практическія коллегіи-комитеты, наполнивъ ихъ своими клевретами, надѣленными неограниченной властью. И если экономистамъ, во имя развитія самодѣятельности рабочихъ и для того, чтобы быть въ курсѣ желаній и настроеній рабочаго класса, нужно было все время подчеркивать и послѣдовательно проводить въ организаціи принципъ демократизма, то искровцамъ съ ихъ убѣжденіемъ въ стихійности и несознательности самостоятельнаго рабочаго движенія, съ ихъ теоріей о внесеніи сознанія извнѣ, съ ихъ боязнью оппортунизма, жизненно необходима была централистическая организація. При этомъ предполагалось, что чѣмъ уже будетъ эта послѣдняя, тѣмъ лучше она сохранитъ идейную чистоту, тѣмъ больше она будетъ гарантирована отъ вторженія и вліянія оппортунизма, тогда какъ выборность отдаетъ руководящіе органы движенія въ руки наименѣе революціонныхъ, наименѣе сознательныхъ элементовъ. Поэтому же всякія попытки къ областному объединенію или къ созданію популярныхъ мѣстныхъ органовъ клеймились, какъ проявленіе оппортунизма. И такимъ путемъ и на такомъ теоретическомъ фундаментѣ постепенно создался штатъ профессіональныхъ революціонеровъ съ конспиративными навыками, непосред-

ственно не связанныхъ съ мѣстнымъ рабочимъ движеніемъ, составлявшихъ партійную аристократію. Къ нимъ фактически перешло руководство партіей, и они смѣло могли сказать: «партія — это мы». Завоеваніе комитетовъ почти всегда сопровождалось не только вынужденнымъ уходомъ старыхъ, наиболѣе опытныхъ работниковъ, обслуживавшихъ мѣстную идейную работу, но и разрывомъ съ существовавшими ранѣе рабочими организаціями. Искровцы производили организаціонный переворотъ, лишали «низы» ихъ права «выборовъ» и рѣшающаго голоса въ дѣлахъ комитета. Переходъ къ интенсивной политической агитаціи, централизуемой въ рукахъ комитета, лишалъ рабочія организаціи возможности приложенія своихъ силъ, и онѣ или бросались въ оппозицію или прямо отстранялись отъ партіи. Но процессъ ухода передовыхъ рабочихъ прошелъ почти незамѣтно для «руководящихъ» партійныхъ элементовъ, не вызвалъ въ мѣстныхъ организаціяхъ не только тяжелаго кризиса, но даже сколько-нибудь крупнаго потрясенія: до такой степени къ тому времени всѣ свыклись съ подмѣномъ идеи организаціи класса идеей организаціи партіи, т. е. стройной и централизованной подпольной организаціи. «Комитеты потеряли потребность опираться на рабочихъ, послѣ того, какъ нашли опору въ принципахъ централизма».

Такой укладъ организаціи въ связи съ увлеченіемъ политицизмомъ и неправильными представленіями о взаимоотношеніи партіи и класса велъ фатально къ проникновенію въ соціалъ-демократію бунтарско-народническихъ взглядовъ на рѣшительную борьбу со старымъ порядкомъ, казавшуюся вопросомъ близкаго будущаго. Вмѣсто представленія о сложномъ процессѣ ликвидаціи феодально-бюрократическаго строя и превращенія освобождающагося рабочаго класса въ ходѣ участія въ этомъ процессѣ въ открытую и организованную силу складывалось бланкистское воззрѣніе — надежда на рѣшающій взрывъ, подготовленный и выполненный властнымъ центромъ, ведущимъ за собой стихійно поднявшіяся массы. И этотъ упрощенный взглядъ въ свою очередь отразился на характерѣ работы, носившей громкое названіе

политической. Подготовка революціи, подготовка пролетаріата къ диктатурѣ представлялась въ видѣ подготовки диктатора — всемогущей революціонной организаціи, политическое господство класса въ видѣ организаціоннаго господства надъ классомъ. Отсюда перенесеніе центра тяжести въ вопросы внутренняго устройства партіи, тотъ культъ «организаціоннаго вопроса», который и позволилъ ему вскорѣ стать яблокомъ раздора внутри с.-д. интеллигенціи и дать толчекъ къ расхожденію идейныхъ теченій. Не удивительно, что при такомъ положеніи вещей соціалъ-демократія скоро утратила и то незначительное вліяніе на массы, которое было пріобрѣтено въ періодъ экономизма, и выродилась въ типичную замкнутую интеллигентскую организацію, непосредственное общеніе которой съ массами исчерпывалось относительно рѣдкими моментами демонстрацій.

«Весь организаціонный прогрессъ такъ называемаго политическаго періода русской соціалъ-демократіи сводился именно къ тому, что количественно и качественно выростали кружки, превращаясь въ «комитеты», укрѣпляли свои межкружковыя связи, выдѣляли обще-партійныя функціи, въ то же самое время сохраняя — за ничтожными изъятіями — свой исключительно интеллигентскій составъ, растеривая даже и то малое, что связывало ихъ съ пролетаріатомъ въ предшествующій періодъ экономизма» *).

То противорѣчіе между соціалъ-демократіей и рабочимъ движеніемъ, которое существовало съ момента ея возникновенія не только не было изжито, но, наоборотъ, еще больше усугубилось, приняло еще болѣе рельефныя очертанія.

«Комитетская работа въ необычайно жалкомъ состояніи. Организаціонныя связи съ массой ничтожны. Политическаго «контакта» съ массой почти нѣтъ вовсе. Рѣчи о пролетаріатѣ, какъ авангардѣ обще-демократическаго движенія, все болѣе и болѣе начинаютъ рѣзать ухо, какъ политическая фальшь. Для всякаго соціалъ-демократа, умѣющаго политически мыслить, должно быть изъ всего этого ясно,

*) **Потресовъ.** „Этюды о русской интеллигенціи", стр. 302.

что въ нашей работѣ существуетъ какой-то глубокій порокъ, либо унаслѣдованный нами отъ «экономизма», либо же благопріобрѣтенный въ періодъ «Искры», «порокъ», который не даетъ намъ выпрямиться во весь ростъ» *). Этотъ порокъ лежалъ, какъ намъ кажется, въ отсутствіи объективныхъ условій для живой органической связи между соціалъ-демократической интеллигентской организаціей и рабочимъ классомъ, сознательной представительницей котораго она теоретически являлась. А вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣзкій поворотъ россійской соціалъ-демократіи къ политикѣ, вызванный не сознаніемъ недопустимости искусственнаго расчлененія рабочаго движенія на его отдѣльные элементы, не сознаніемъ необходимости внести серьезные коррективы въ узкую практику экономизма, а стихійнымъ потокомъ общедемократическаго движенія, не могъ остаться безъ послѣдствій. Пренебреженіе къ повседневной экономической борьбѣ, увлеченіе широкими революціонными перспективами, и чисто политическая, не захватывавшая въ то же время массъ, агитація подготовили почву для пышнаго расцвѣта насажденій полицейскаго рабочелюбія, разныхъ «чисто рабочихъ» и чисто экономическихъ организацій. По ироніи судьбы этимъ-то организаціямъ, а не представителямъ «сознательныхъ» элементовъ — соціалъ-демократическимъ комитетамъ, пришлось дать первый толчекъ широкому массовому движенію 1903 года.

VI.

Никому не дано остановить ходъ историческаго развитія. Тѣмъ болѣе нельзя было остановить ростъ политическаго сознанія массъ полицейскими преградами. Въ то время, какъ бюрократія принуждена была хвататься за всевозможныя средства для полицейскаго закабаленія рабочихъ, историческая стихія вырывала у нея плоды побѣды и превращала ея хитросплетенныя сѣти въ орудіе политическаго воспитанія массъ.

*) **Троцкій.** „Наши политическія задачи", стр. 27

Прокатившаяся въ связи съ промышленнымъ подъемомъ 1896—1899 г.г. волна экономическихъ забастовокъ въ моментъ экономической депрессіи смѣнилась временнымъ затишьемъ. Но не надолго. Начиная уже съ 1901 по 1904 кривая количества забастовокъ и участниковъ въ нихъ поднимается все выше и выше. Такъ по официальнымъ даннымъ, опять-таки не полнымъ *), оказывается:

Года.	Число заведеній.	Число участниковъ.
1899	185	57.498
1900	125	29.389
1901	164	32.218
1902	123	36.671
1903	550	86.832

При полномъ отсутствіи гласности, систематическомъ вычеркиваніи цензурой свѣдѣній о рабочемъ движеніи, при почти полномъ отсутствіи профессіональныхъ организацій, огромное большинство стачекъ протекало стихійно, не привлекая къ себѣ даже общественнаго вниманія.

Въ эпоху кризиса экономическая стачка вообще теряетъ свою остроту и силу, является притупленнымъ орудіемъ; а при полной неорганизованности русскаго пролетаріата стачки не только не улучшали положенія рабочихъ, но превращались въ безплодную и безсмысленную трату силъ и энергіи. Сплошь и рядомъ рабочимъ не удавалось даже сохранить тѣ условія труда, которыя были завоеваны упорной борьбой въ предшествующій періодъ промышленнаго расцвѣта. Падала заработная плата, ухудшались условія труда, рабочихъ тысячами выбрасывали за ворота. Призракъ голода въ городѣ, боязнь высылки въ столь же голодную деревню создавали атмосферу сильнаго недовольства существующимъ положеніемъ.

*) Достаточно сказать, что во время „всеобщей“ стачки 1903 г. на югѣ Россіи число стачечниковъ можно было опредѣлить цифрой около 200.000, между тѣмъ, по официальнымъ даннымъ на всемъ пространствѣ Имперіи ихъ зарегистрировано 86.832 человѣка!

Не удивительно, что постепенно, если еще не въ темныхъ, некультурныхъ, зараженныхъ вѣковыми предразсудками массахъ, то уже среди ея отдѣльныхъ членовъ, начало распространяться все болѣе и болѣе ясное пониманіе необходимости выйти за предѣлы чисто экономической борьбы. Само правительство своими дѣйствіями наталкивало ихъ на сознаніе, что бѣдствія, обрушивающіяся непрерывнымъ потокомъ на рабочій классъ, тѣсно связаны съ общими основами современнаго строя. Недаромъ рабочіе въ 1901—2 г.г. такъ охотно откликались на призывы къ демонстраціямъ, сочувственно относились къ студенческимъ «бунтамъ». Всякому наблюдателю дѣлалось ясно, что здѣсь накопился горючій матеріалъ, взрывъ котораго способенъ потрясти все зданіе старой Россіи. Правительство, какъ и общество, чувствовало наростающую мощь пролетаріата и ломало себѣ голову надъ средствами, могущими предотвратить опасность. Лучшее средство — соціальныя реформы, говорили доброжелательные совѣтчики. И вотъ въ глубинѣ министерскихъ канцелярій закипѣла работа; изъ архивовъ вытаскиваются старые законопроекты, на спѣхъ подновляются и выпускаются въ свѣтъ въ качествѣ послѣдняго слова государственнаго соціализма. Это законъ 2/VI 1903 г. о вознагражденіи потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ и законъ о фабричныхъ старостахъ. Не останавливаясь на нихъ подробнѣй, скажемъ только, что ни возложить на промышленниковъ сколько-нибудь серьезную отвѣтственность, ни дать рабочимъ фабричное самоуправленіе правительство не могло да и не желало. Оно видѣло въ фабричномъ законодательствѣ только одно изъ средствъ полицейскаго закабаленія рабочихъ, и эта политическая пружина вызвала появленіе законовъ 1903 года.

Законъ 2/VI долженъ былъ явиться «лучшимъ оплотомъ противъ пагубныхъ ученій»; отъ него ждали «значительнаго уменьшенія успѣха соціалъ-демократической пропаганды». По существу же этотъ законъ представлялъ копію наиболѣе устарѣвшихъ западно-европейскихъ законовъ этого типа. Помимо обычной оговорки о «грубой неосторожности» законъ въ трогательной заботѣ о карманѣ промышленниковъ по-

ощряетъ мировыя сдѣлки и устанавливаетъ прямо смѣхотворныя нормы для исчисленія вознагражденія. Что же касается закона о фабричныхъ старостахъ, то ясно, что ничто такъ не противно духу полицейскаго государства, какъ самоуправленіе — тѣмъ болѣе фабричное самоуправленіе рабочихъ. Поэтому институтъ старостъ былъ факультативнымъ, въ зависимости отъ желанія хозяина предпріятія, сами старосты пропускались чрезъ двойной фильтръ — хозяина и администраціи, а полномочія ихъ были сужены до невозможности. Старосты — «уполномоченные» рабочихъ по «дѣламъ, касающимся исполненія условій найма, а также быта рабочихъ» — могли лишь доводить до свѣдѣнія фабриканта о пожеланіяхъ рабочихъ; требованія фабричныхъ старостъ не имѣютъ для предпринимателей никакой обязательной силы.

Могло ли это жалкое законодательное крохоборство хоть сколько-нибудь удовлетворить рабочихъ, успокоить ихъ? Въ этомъ мало было увѣрено и само правительство. Убѣдившись на примѣрѣ законодательства 80-хъ годовъ, что однѣми реформами нельзя остановить рабочее движеніе, оно задается смѣлой мыслью отвести грозившій ему катастрофой потокъ съ предначертаннаго ему исторіей пути въ другое русло и использовать его въ цѣляхъ борьбы съ революціонной интеллигенціей. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что проснувшееся въ пролетаріатѣ стремленіе къ организаціонному строительству становилось съ каждымъ годомъ все настоятельнѣе и не могло найти себѣ приложенія въ рамкахъ соціалъ-демократической подпольной организаціи. Рабочіе живо ощущали потребность заполнить пропасть, существовавшую между рабочимъ движеніемъ и подпольной интеллигентской организаціей; они не могли не сознавать, что многія изъ ихъ потребностей остаются неудовлетворенными, благодаря отсутствію соотвѣтствующихъ организацій.

Преступное игнорированіе соціалъ-демократической интеллигенціей профессіональныхъ нуждъ рабочаго класса, презрительное отношеніе къ его экономической борьбѣ, полное пренебреженіе къ обществамъ взаимопомощи открывало

возможность проповѣди «чисто рабочаго», чуждаго всякой политики движенія.

Духовнымъ отцомъ полицейскаго соціализма безусловно нужно назвать московскаго оберъ-полицмейстера Д. Ф. Трепова. Его извѣстный докладъ московскому генералъ-губернатору Великому Князю Сергѣю Александровичу былъ манифестомъ грядущей зубатовщины... «Если повседневныя нужды рабочихъ эксплуатируются революціонерами для борьбы съ правительствомъ, то не слѣдуетъ ли правительству вырвать какъ можно скорѣе это оружіе изъ рукъ революціонеровъ и взять на себя выполненіе этой работы?» пишетъ онъ и заканчиваетъ... «Правительство достаточно сильно, чтобы урегулировать отношенія между хозяиномъ и рабочими... Отношенія между рабочими и хозяиномъ должны находиться подъ ближайшимъ наблюденіемъ полиціи». Зубатовъ явился только практическимъ выполнителемъ этой программы, правда, весьма самостоятельнымъ и талантливымъ. Его многочисленные агенты повели усиленную агитацію экономическаго характера. Завербованные имъ рабочіе ходили съ открытыми листами, выданными московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ, съ фабрики на фабрику и выступали здѣсь защитниками рабочихъ, дѣйствуя отъ имени «Союза московскихъ рабочихъ». Могущество московской администраціи обезпечивало ей безнаказанность и заставляло фабрикантовъ безропотно терпѣть такое незаконное вторженіе. Невозможная эксплуатація, царившая въ московскомъ промышленномъ раіонѣ, полное игнорированіе фабричныхъ законовъ давали этимъ агитаторамъ обильный матеріалъ. Обсчитанный, обманутый, недополучившій, а часто и совсѣмъ не получившій своего заработка темный рабочій былъ абсолютно лишенъ возможности какими-либо законными способами отстоять свое попранное право. И инспекція, и мировые судьи почти всегда отказывали жалобщикамъ-рабочимъ «за неимѣніемъ точныхъ данныхъ». Зубатовцамъ легко было на почвѣ такого отношенія предпринимателей къ рабочимъ выступить обличителями капитала, показаться безкорыстными защитниками справедли-

вости, вытаскивая на свѣтъ Божій эту тьму нарушеній. Не трудно было имъ добиться и положительныхъ результатовъ для рабочихъ, такъ какъ произволъ предпринимателя получалъ теперь широкую огласку и требованія рабочихъ были законны даже съ формальной точки зрѣнія. Конечно, и отеческая заботливость высшихъ административныхъ сферъ о рабочихъ оказала значительное вліяніе на благопріятный для послѣднихъ исходъ конфликтовъ и жалобъ. И даже независимо отъ этого такая агитація не могла пройти для рабочихъ безслѣдно. Повысилось общее настроеніе; усилилось активное желаніе улучшить свое положеніе и потребность задуматься надъ нимъ, найти ему объясненіе. А наличность достигнутыхъ благодаря полицейскому вмѣшательству положительныхъ результатовъ создавала увѣренность въ правильности избраннаго пути. Этимъ-то и воспользовались зубатовцы, чтобы перейти къ широкой систематической идейной пропагандѣ и одновременно организаціонно закрѣпить пріобрѣтенное вліяніе.

Агенты Зубатова въ короткій срокъ раскинули повсюду сѣть рабочихъ обществъ. Офиціальной цѣлью послѣднихъ было удовлетвореніе духовныхъ потребностей рабочихъ. Однако, подъ этими невинными съ виду лекціями и собесѣдованіями скрывалась вполнѣ опредѣленная полицейская пропаганда. Красной нитью проходила здѣсь та мысль, что самодержавное правительство не только не врагъ рабочихъ, но что при извѣстныхъ условіяхъ оно можетъ стать даже ихъ опорой и защитникомъ въ борьбѣ съ хищничествомъ предпринимателей: для этого рабочимъ необходимо лишь тщательно отгородиться отъ всякихъ антиправительственныхъ тенденцій. Чтобы разжечь примитивную классовую ненависть и направить ее не столько противъ предпринимателей, сколько противъ радикальной интеллигенціи, были пущены въ ходъ рѣшительно всѣ средства. Однимъ изъ нихъ, и пожалуй наиболѣе дѣйствительнымъ, было рѣзкое подчеркиваніе въ пику соціалъ-демократіи лозунга чисто рабочаго движенія, вплоть до созданія такъ называемой Независимой рабочей партіи.

Первый опытъ былъ сдѣланъ въ районѣ еврейскаго рабочаго движенія, въ Минскѣ, гдѣ уже и до того часть приказчиковъ подпала подъ вліяніе ставленника Зубатова — жандармскаго полковника Васильева. Презрѣніе и ненависть офиціальныхъ сферъ къ еврейству нисколько не помѣшали русской охранѣ взяться за дѣло защиты еврейскаго рабочаго отъ эксплуатаціи. Въ 1901 г. здѣсь была основана ею Еврейская независимая рабочая партія, ставившая себѣ задачу содѣйствовать экономической борьбѣ рабочихъ, рѣшительно отказываясь отъ всякой примѣси политики и рѣзко протестуя противъ Бунда. Достойно вниманія, что успѣхъ независимцевъ совпалъ съ поворотомъ Бунда къ политикѣ. Еще до появленія зубатовцевъ среди еврейскихъ рабочихъ образовалась группа соціалистовъ, проповѣдывавшихъ индифферентизмъ къ политикѣ.

Въ слѣдующемъ году было основано въ Москвѣ «Общество взаимнаго вспомоществованія рабочихъ въ механическомъ производствѣ». Главари этого общества дѣйствовали подъ непосредственнымъ руководствомъ московскаго Охраннаго Отдѣленія. Да и явной полиціи, въ лицѣ московскаго оберъ-полиціймейстера, были предоставлены уставомъ широкія полномочія, вплоть до назначенія членовъ правленія изъ числа избранныхъ общимъ собраніемъ кандидатовъ. Учредители очевидно надѣялись, что рабочіе, привлекаемые въ о-во *легальными собраніями, лекціями* и пр., не станутъ особенно тщательно знакомиться съ уставомъ. Зубатовцы мечтали о цѣлой сѣти такихъ обществъ; *они видѣли въ нихъ прекрасное орудіе для управленія* рабочимъ движеніемъ, для использованія его въ цѣляхъ охраненія и упроченія существующаго порядка. На собраніяхъ *московскаго общества рабочимъ твердили о покровительствѣ* правительства, о необходимости ограничиться борьбой чисто экономическаго характера. Тутъ же полицейскіе *ораторы громили соціалъ-демократію, какъ партію буржуазную*, не имѣющую ничего общаго съ рабочимъ классомъ. Смѣлость ораторовъ доходила до того, что они публично читали и критиковали выдержки изъ «Искры». Не обошлось

здѣсь и безъ духовенства: оно тоже поспѣшило возложить свою лепту на алтарь закрѣпощенія рабочаго класса, примиренія его съ правительствомъ. Духовенство служило молебны, устраивало совмѣстное пѣніе молитвъ; московскій митрополитъ благословлялъ собравшихся; учителя читали курсы русской исторіи въ патріотическомъ духѣ. Дѣло пропаганды среди рабочихъ ставилось такъ широко, было облечено въ такую заманчивую оболочку, что агентамъ Зубатова удалось привлечь сюда даже нѣкоторыхъ московскихъ профессоровъ и общественныхъ дѣятелей. Понимая, что для бóльшаго успѣха этого движенія необходимы дѣятели, близко стоящіе къ рабочимъ, вышедшіе изъ ихъ среды, зубатовцы постарались воспитать группу передовыхъ по своему интеллектуальному развитію рабочихъ и привязать ихъ всякими правдами и неправдами къ дѣлу политическаго обезвреживанія рабочаго движенія. Достигнуть этого было не трудно. Среди высланныхъ и находящихся подъ надзоромъ полиціи рабочихъ Охрана безъ особаго затрудненія могла найти выдающихся по своей энергіи и смѣтливости людей, возможно, что и искренно раскаявшихся въ своихъ заблужденіяхъ и надѣявшихся, что отказавшись отъ политики рабочій классъ скорѣе добьется улучшенія своего положенія. На нихъ-то Охрана и обратила вниманіе, изъ нихъ-то и постаралась организовать штатъ энергичныхъ помощниковъ. Такъ выдвинулись Афанасьевы, Слѣповы и другіе, ставшіе во главѣ «О-ва механическихъ рабочихъ» въ Москвѣ. Они намѣчали темы лекцій, руководили собраніями, представительствовали въ районахъ и слѣдили за благонадежностью рабочихъ. Въ Москвѣ еженедѣльно по воскреснымъ днямъ, при массовомъ стеченіи рабочихъ читались профессорами Озеровымъ, Ремизовымъ и др. лекціи по различнымъ областямъ рабочаго вопроса: общества взаимопомощи, жилищный вопросъ и т. п.

Впечатлѣніе, производившееся этими собраніями на рабочихъ, несомнѣнно должно было быть огромнымъ. Впервые имъ предоставлена была возможность на «законномъ» основаніи совмѣстно собираться, впервые они могли съ бóльшей

или меньшей откровенностью повѣдать другъ другу свое горе. Здѣсь отводили они душу, сюда шли они со своими нуждами...

Чтобы продемонстрировать свою успѣшную дѣятельность, зубатовцы организовали 19/II 1902 г. эффектную манифестацію — шествіе рабочихъ къ памятнику Александра II. У самаго памятника одинъ изъ наиболѣе видныхъ зубатовцевъ, Слѣповъ, произнесъ передъ тысячной толпой рабочихъ рѣчь, въ которой говорилъ о намѣреніи правительства ввести 8-часовой рабочій день и національзировать фабрики.

По мѣрѣ того, какъ зубатовскія организаціи становились массовыми (а онѣ не могли не стать таковыми, такъ какъ легальность ихъ дѣлала ихъ желаннымъ пріютомъ для искавшей объединенія массы), имъ приходилось отъ культурной просвѣтительной работы и красивыхъ словъ перейти къ непосредственной организаціи экономической борьбы рабочихъ. Агенты Зубатова и тайно и явно вели среди рабочихъ агитацію на почвѣ ихъ экономическаго положенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ они старались строго держаться рамокъ законности. Требованія, предъявлявшіяся въ этотъ періодъ рабочими, въ подавляющемъ большинствѣ своемъ — какъ это признано фабричной инспекціей — сводились къ требованію соблюденія существующихъ фабричныхъ законовъ; вмѣсто обычныхъ въ стихійныхъ экономическихъ движеніяхъ «дѣйствій скопомъ» мы видимъ систематическое обращеніе рабочихъ къ фабричной инспекціи и т. д.

Но поскольку въ рабочихъ подъ вліяніемъ одержанныхъ побѣдъ росла увѣренность въ своихъ силахъ, они не могли уже удержаться въ узкой плоскости «законности». Даже для самихъ дѣятельныхъ зубатовцевъ грань между законнымъ и незаконнымъ иногда стиралась. Агентъ-рабочій Янчиковъ, арестованный на одной изъ фабрикъ московскаго уѣзда, заявилъ: «Рабочіе объ отводѣ имъ помѣщеній (для отдѣленій союза) спрашивать не станутъ разрѣшеній ни у хозяина, ни въ конторѣ, ни у станового пристава, а выберутъ сами подходящее мѣсто и будутъ сами тамъ собираться. Въ случаѣ же притѣсненій они сами обратятся

къ министру». Въ заключеніе Янчиковъ сказалъ, что прошло то время, когда были рабовладѣльцы и рабы... теперь и рабы будутъ жить какъ господа. Препровожденный въ Москву, онъ сейчасъ же былъ освобожденъ. (А. Морской, Зубатовщина, стр. 79). И вотъ тутъ-то и обнаружилось, *насколько опасна, насколько обоюдоостра была затѣянная* правительствомъ игра. Принимая въ серьезъ увѣренія агентовъ Зубатова, что правительство въ борьбѣ труда съ капиталомъ стоитъ всецѣло на сторонѣ перваго, одушевленные, какъ надеждой на эту могущественную поддержку, такъ и вѣрой въ правоту своего дѣла, рабочіе заволновались — и отъ словъ начали переходить къ дѣлу. Въ концѣ концовъ московское Охранное Отдѣленіе рѣшилось на такой опасный для бюрократическаго правительства экспериментъ, какъ явное покровительство рабочимъ и давленіе на предпринимателя во время забастовки на фабрикѣ Гужона. Но тутъ-то оно совершенно неожиданно натолкнулось на противодѣйствіе крупнаго капитала. Предприниматели не поняли «видовъ» правительства, да и не желали производить на свой счетъ какіе бы то ни было соціальные эксперименты. Платформа полицейскаго соціализма, откровенно развернутая передъ ними Зубатовымъ въ историческомъ собесѣдованіи 26 іюля 1902 г. въ ресторанѣ Тѣстова*), не могла соблазнить ихъ. *Во вмѣшательствѣ полиціи въ отношенія между хозяевами и рабочими*, въ предвѣщаемомъ Зубатовымъ «расширеніи правъ фабричныхъ рабочихъ внѣзаконнымъ путемъ» капиталъ увидѣлъ покушеніе на свою самостоятельность, призракъ государственнаго соціализма и рѣшительно возсталъ *противъ грозившаго ему со стороны зубатовскаго* рабочелюбія потрясенія. Энергичный протестъ московскихъ фабрикантовъ, солидаризировавшихся съ Гужономъ и сумѣвшихъ подчеркнуть опасную сторону зубатовщины, сказавшуюся, напр., въ демонстраціи 19 февраля, заставилъ высшія *сферы прекратить дѣятельность Зубатова.*

Въ то время, какъ въ Москвѣ зубатовская политика

*) Подробности см. М. Лунц. „Полицейскій соціализмъ“, стр. 281 и сл. („Сборникъ статей“. М. 1909).

разбилась о препятствія, лежавшія въ высшихъ соціальныхъ и политическихъ сферахъ, на Югѣ ее смела стихійная сила, ею же вызванная и вышедшая изъ повиновенія ей.

Руководимая достойнымъ ученикомъ Зубатова Шаевичемъ, экономическая забастовка части одесскихъ рабочихъ явилась прологомъ волны массовыхъ забастовокъ, охватившихъ кромѣ Одессы еще рядъ крупнѣйшихъ городовъ южной Россіи (Баку, Екатеринославъ, Кіевъ и др.), сопровождавшихся уличными выступленіями и кровопролитными столкновеніями съ полиціей и войсками. Центромъ всего движенія оставалась Одесса. Руководство движеніемъ находилось здѣсь сначала въ рукахъ независимцевъ. *Организованное Шаевичемъ при одобреніи Охраны рабочее общество* благодаря своей открытой дѣятельности и широкому характеру своихъ экономическихъ требованій пустило глубокіе корни въ массахъ. Программа его и теперь еще могла бы оставить позади программы нашихъ профессіональныхъ союзовъ. Напримѣръ, въ ней имѣлся пунктъ о помощи рабочимъ при забастовкахъ, который тщательно вычеркивается сейчасъ изъ уставовъ регистрируемыхъ обществъ. Достигшее значительныхъ размѣровъ (3 тыс. членовъ), правильно функціонирующее общество представляло во всѣхъ отношеніяхъ крупную силу.

Дѣятельность Шаевича не ограничилась Одессой, а распространилась на Херсонъ, Николаевъ и Елисаветградъ. Во главѣ организаціи стоялъ въ каждомъ городѣ независимый рабочій комитетъ, составленный изъ представителей организованныхъ на демократическихъ началахъ профессіональныхъ союзовъ. Одесскій союзъ началъ свою дѣятельность со вмѣшательства въ распорядокъ ремесленныхъ мастерскихъ, хозяевъ которыхъ онъ приглашалъ *для объясненій.*

Ходившіе откуда-то среди рабочихъ фантастическіе слухи, что Шаевичъ «важная персона», уполномоченная еще болѣе важной персоной выяснить условія труда рабочихъ и оградить ихъ отъ *чрезмѣрной эксплуатаціи* предпринимателей, усиливали въ глазахъ широкой массы вѣру

въ значеніе и во всемогущество организаціи. Тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе произвело на массу, выступившую въ полной увѣренности въ правомѣрность своихъ дѣйствій, полицейское усмиреніе. Благодаря пропагандѣ независимцевъ, у рабочихъ сложилось убѣжденіе, что стачка, проводимая безъ всякаго намека на политику, является въ глазахъ администраціи вполнѣ законной и допустимой. Отсюда рѣзко враждебное отношеніе къ прокламаціямъ нелегальныхъ организацій, къ рѣчамъ ихъ ораторовъ. Независимцамъ не стоило большого труда натравливать массу забастовщиковъ на «демократовъ». И только въ послѣдніе дни, подъ вліяніемъ репрессій, подъ тяжестью пораженія и разочарованія, масса стала болѣе доступной революціонному воздѣйствію*). Надо отдать однако справедливость и

*) Вотъ что пишутъ о этихъ событіяхъ партійные органы: „Очень интересной въ смыслѣ характеристики движенія оказалась роль революціонныхъ организацій. Эти организаціи, безъ сомнѣнія, много потрудившіяся и много сдѣлавшія въ интересахъ подъема самосознанія рабочихъ массъ, на этотъ разъ оказались позади движенія и потому были безсильны руководить имъ. Особенно рѣзко сказалось это обстоятельство въ Одессѣ, одно время оказавшейся совершенно во власти рабочихъ. Казалось, что революція произведена, но вожаки движенія не могли обдумать, что надо дѣлать на другой день послѣ революціи, и всѣ плоды блестящей побѣды были сорваны враждебной рукой. Въ Баку почти наканунѣ всеобщей стачки Комитетъ (мѣстный комитетъ соціалъ-демократіи) рѣшаетъ не поднимать о ней вопроса „въ виду ея невозможности“. Въ Николаевѣ Комитетъ пытается отсрочить движеніе до болѣе благопріятнаго момента, но оказывается безсильнымъ передъ боевымъ настроеніемъ рабочихъ“ (Освобожденіе № 5. 1903 г.).

Надо сознаться откровенно, организаціи обѣихъ революціонныхъ партій въ Россіи, увы! слишкомъ еще слабы, чтобы руководить такими грандіозными движеніями массъ; онѣ не имѣютъ достаточныхъ силъ даже для того, чтобы въ полной мѣрѣ использовать такія движенія въ случаѣ ихъ возникновенія“. („Революціонная Россія“ № 32. 1903 г.).

„Какъ неудовлетворительна до сихъ поръ организація нашихъ силъ, видно изъ того факта — который намъ надо имѣть мужество признать громко и открыто — что руководство „всеобщими стачками“ принадлежало нашимъ комитетамъ далеко не въ той степени, въ какой это желательно и необходимо“. („Искра“ № 45).

„Повторилась старая исторія: организація позади движенія“. Искра“ № 45).

соціалъ-демократической организаціи: застигнутая врасплохъ событіями, она смотрѣла на нихъ, какъ на нѣкоторое облегченіе доступа къ массамъ, которое нужно использовать какъ можно шире; но содержаніе ея агитаціи въ эти дни ничѣмъ не отличалось отъ повседневной, не находилось во внутреннемъ родствѣ съ духомъ совершающихся событій. Да и врядъ ли соціалъ-демократическая организація отдавала себѣ отчетъ въ значеніи происходящаго. Стачечное движеніе, послужившее фономъ для грандіозныхъ іюльскихъ событій, тянулось еще съ мая, не вызывая съ ея стороны ни малѣйшей попытки взять въ свои руки руководство движеніемъ или просто такъ или иначе вмѣшаться въ него. Болѣе того: соціалъ-демократія сознательно сторонилась экономическаго движенія, какъ бы опасалась стать на одну доску съ независимцами, работать въ одной плоскости съ ними. Поэтому-то она въ іюльскіе дни стояла растерянная и безпомощная передъ грозной и чуждой стихіей, не понимая, что именно волнуетъ ее, какъ къ ней подойти, чѣмъ повліять. Соціалъ-демократическая агитація все время была агитаціей «по поводу», механическимъ придаткомъ къ движенію. Все это привело къ тому, что многіе рабочіе совершенно искренно сваливали вину за свое пораженіе, за свои неудачи на «политиковъ», «демократовъ». Вынужденные стать на работу, не добившись никакихъ уступокъ, рабочіе чувствовали себя оплеванными. Изъ рабочей среды раздавались раздраженные голоса противъ комитета, соціалистовъ, «образованныхъ». «Не нападай они на правительство, не требуй въ своихъ листкахъ и рѣчахъ низверженія самодержавія — и рабочіе безъ сомнѣнія выиграли бы стачку», передаетъ общее настроеніе и мнѣнія рабочихъ екатеринославскій корреспондентъ «Искры».

Событія 1903 г., вызвавшія въ умахъ рабочихъ переломъ въ сторону рѣзко враждебнаго отношенія къ правительству, должны были наглядно показать, что всякая массовая организація рабочихъ, независимо отъ того содержанія, которое привносится въ нее со стороны, является орудіемъ сплоченія пролетаріата въ революціонную силу. Зубатовщина дала

рабочимъ готовую организацію, но не смогла наполнить ее «охранительнымъ» содержаніемъ. Содержаніе было вложено въ нее самой жизнью, жизненными условіями рабочаго класса, неизбѣжно толкавшими его на борьбу противъ существующаго порядка. Въ самой идеѣ зубатовщины коренилось непримиримое внутреннее противорѣчіе — желаніе укрѣпить абсолютизмъ путемъ организаціи рабочей демократіи; и отъ этого противорѣчія она погибла. Этотъ горькій опытъ пошелъ на пользу правительству, и съ тѣхъ поръ оно такъ же безпощадно давило всякія попытки созданія широкихъ рабочихъ организацій на легальной почвѣ, какъ и прочія проявленія общественной самодѣятельности и учрежденія, служившія опорными пунктами организаціи общественныхъ силъ. Поняло этотъ урокъ правительство, но не поняла его соціалъ-демократія; она не уловила таящейся во всякой открытой массовой организаціи революціонной силы. Внутри нея продолжалъ господствовать чистый политицизмъ, вѣра въ спасительность узкихъ, замкнутыхъ организацій, полное пренебреженіе къ профессіональной работѣ. Вмѣсто того, чтобы связаться со стихіей, поставить себѣ задачей внесеніе въ нее сознанія и организованности, углубленіе и расширеніе движенія, соціалъ-демократія продолжала свою чисто просвѣтительную по существу работу политической пропаганды въ небольшихъ кружкахъ. Наиболѣе значительнымъ моментомъ своей дѣятельности она попрежнему считала устройство демонстрацій, несмотря на то, что рабочіе, за исключеніемъ непосредственныхъ членовъ организаціи, почти совершенно перестали принимать въ нихъ участіе. Она не считаетъ нужнымъ пойти навстрѣчу безсознательному тяготѣнію массъ къ открытымъ широкимъ организаціямъ; она не пробуетъ организовать борьбу рабочихъ за ихъ законныя права, уступивъ добровольно, безъ боя, это поле битвы зубатовцамъ. Вмѣсто борьбы съ идейнымъ вліяніемъ зубатовцевъ въ ихъ собственныхъ организаціяхъ, она ограничивается тѣмъ, что настоятельно совѣтуетъ сознательнымъ рабочимъ не посѣщать зубатовскихъ собраній и не общаться со всѣми

такъ или иначе затронутыми зубатовской пропагандой. Она до такой степени вѣритъ въ свою провиденціальную миссію, что внутреннія дѣла соціалъ-демократической организаціи кажутся ей важнѣй и нужнѣй, кажутся имѣющими бо́льшее историческое значеніе, чѣмъ проявленія революціоннаго рабочаго движенія. Въ этомъ отношеніи характеренъ разсказъ П. Б. Аксельрода о равнодушіи засѣдавшаго лѣтомъ 1903 г. соціалъ-демократическаго съѣзда къ разыгравшимся на югѣ Россіи событіямъ и о недоумѣніи, проявленномъ членами съѣзда, когда онъ предложилъ нѣкоторымъ изъ нихъ отправиться на мѣсто событій для руководства ими. По настоянію Аксельрода это предложеніе все же офиціально обсуждалось на съѣздѣ и было имъ отвергнуто.

Плоть отъ плоти буржуазной Россіи, не только по соціальному происхожденію, но и по проникающему ее духу, соціалъ-демократическая интеллигенція искренно вѣрила, что только нелегальная соціалъ-демократическая организація можетъ дать пролетаріату классовое воспитаніе и руководить имъ въ политической борьбѣ; она искренно считала себя призванной внести соціалистическое начало въ стихійное рабочее движеніе. Опытъ іюльскихъ дней не помѣшалъ ей продолжать съ восторгомъ привѣтствовать ту великую истину, что всякое рабочее движеніе, совершающееся не подъ крылышкомъ соціалъ-демократіи, есть по существу движеніе буржуазное, трэдъ-юніонистское (см. «Что дѣлать»).

VII.

Основная предпосылка существованія партіи — внутренняя связь съ массами — совершенно не обязательна для политической секты. Въ качествѣ такой секты съ преобладающимъ интеллигентскимъ составомъ и психологіей соціалъ-демократія была гораздо чувствительнѣе къ колебаніямъ настроенія въ обществѣ, чѣмъ въ рабочей средѣ. Поэтому вмѣсто синтеза политической и экономической работы она пошла по пути односторонняго преобладанія политики. Къ 1902—3 г. г. чистый экономизмъ, почти совер-

шенно уничтоженный вслѣдствіе своего несоотвѣтствія потребностямъ переживаемой эпохи, доживалъ, можно сказать, свои послѣдніе дни. Благодаря своимъ организаціоннымъ связямъ во всѣхъ центрахъ рабочаго движенія «Искра» фактически являлась общерусской газетой, руководительницей дѣйствующихъ революціонеровъ и воспитательницей молодого поколѣнія. Полемика «Искры» съ с.-р-ами по аграрному вопросу и о террорѣ, съ Бундомъ по національному вопросу, съ экономистами по теоріи рабочаго движенія еще много лѣтъ спустя служила идейнымъ фундаментомъ, а часто и единственнымъ идейнымъ багажемъ практическихъ работниковъ соціалъ-демократовъ. Торжествуя по всей линіи, «политическое» направленіе почувствовало, что настала пора подвести итоги кампаніи, организаціонно закрѣпить свою побѣду. Въ то время, какъ будучи еще въ меньшинствѣ, искристы сознательно не шли навстрѣчу объединительнымъ попыткамъ рабочедѣльцевъ, теперь начинается усиленная работа по созыву II-го партійнаго съѣзда. Экономисты не были въ состояніи оказать хоть малѣйшее вліяніе какъ на ходъ подготовительныхъ работъ къ съѣзду, такъ и на составъ самого съѣзда; II-ой съѣздъ былъ всецѣло дѣтищемъ «Искры» и вдохновляемаго ею Организаціоннаго Комитета. Призывъ къ устройству съѣзда былъ подхваченъ на мѣстахъ съ горячимъ сочувствіемъ. Потребность въ объединеніи, въ созданіи общепартійныхъ центровъ была всеобщей. Правда, большинство организацій представляло себѣ объединеніе, какъ призваніе властной руки, которая отнынѣ будетъ направлять ихъ движенія; но именно потому «быстрота и натискъ», съ которой дѣйствовалъ Организаціонный Комитетъ, встрѣчала повсюду общее одобреніе.

Какъ всякій побѣдитель, искровцы жестоко расправились съ побѣжденными. Организаціонный Комитетъ постарался лишить представительства на съѣздѣ тѣ немногія организаціи экономистовъ, которыя еще существовали къ этому времени. Не постѣснялся онъ разъяснить даже такую организацію, какъ Воронежскій комитетъ, единственный комитетъ, сплошь состоявшій изъ рабочихъ, и одесскую оппозиціонную группу «Рабочая Воля». Какъ въ силу конспиративныхъ соображеній, такъ и все той же боязни проникновенія на съѣздъ оппортунистовъ, къ выборамъ делегатовъ былъ привлеченъ только личный составъ комитетовъ. Партійная периферія не принимала участія въ предварительномъ обсужденіи вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію съѣзда. Не получили приглашенія на съѣздъ представитель россійской соціалъ-демократіи въ Интернаціональномъ *Соціалистическомъ Бюро Кричевскій и* авторъ *серьезнаго* критическаго разбора проекта программы Рязановъ. Однимъ словомъ, демократическая по своимъ объективнымъ задачамъ идейная группа пустила въ ходъ всѣ средства, чтобы подтасовать партійное общественное мнѣніе и наложить на взгляды своего кружка штемпель партіи.

На съѣздѣ были представлены 4 заграничныхъ и 22 русскихъ организаціи. Изъ 55 членовъ съѣзда только 4 вышли *изъ рабочей среды. Экономисты располагали всего тремя* голосами, принадлежавшими делегатамъ Союза Русскихъ Соціалъ-демократовъ заграницей Мартынову и Акимову и петербуржцу Брукэру. Какія же задачи стояли передъ съѣздомъ? Въ первую очередь онъ долженъ былъ подробнѣй развить и теоретически обосновать тѣ основныя положенія, которыя были превозглашены въ манифестѣ I съѣзда; онъ долженъ былъ дать партіи новую программу и въ процессѣ *ея выработки окончательно отмежеваться отъ оппортунизма* въ русской соціалъ-демократіи, т. е. отъ экономизма. И, наконецъ, отъ него ожидалось созданіе централизованной общерусской организаціи, профессіональныхъ революціонеровъ, съ центромъ, объединяющимъ въ своихъ рукахъ руководство политической борьбой. Съѣздъ прежде всего занялся обсужденіемъ предложеннаго Искрой проекта программы, представлявшаго, за ничтожными исключеніями, какъ въ *своей теоретической части*, такъ и въ *программѣ*— минимумъ компиляцію положеній программъ западно-европейскихъ соціалистическихъ партій. Не встрѣтивъ существенныхъ возраженій, если не считать Мартыновской критики, направленной преимущественно противъ положеній

Ленина объ отношеніи между стихійнымъ рабочимъ движеніемъ и соціалъ-демократіей, проектъ былъ принятъ съѣздомъ почти безъ всякихъ измѣненій; лишь аграрная часть программы вызвала оживленные и страстные дебаты и была принята при 20 воздержавшихся. А между тѣмъ, какъ разъ *аграрная программа* — *пресловутые отрѣзки* — была единственнымъ вполнѣ самобытнымъ элементомъ искровскаго проекта! Перейдя къ организаціонному «творчеству», съѣздъ не отказалъ себѣ въ удовольствіи смести и послѣднее укрѣпленіе экономистовъ, распустивъ ихъ организацію «Союзъ Русскихъ Соціалъ-демократовъ Заграницей». Однако, расправившись съ экономистами, отклонивъ всѣ ихъ поправки къ программѣ, сами искровцы раскололись по организаціонному вопросу на два лагеря — мягкихъ и твердыхъ. Разногласія были вызваны попыткой части искровцевъ (мягкихъ) и дѣятелей «Южнаго Рабочаго» нѣсколько смягчить централистическій характеръ организаціоннаго устава. Твердые, потерпѣвъ пораженіе по вопросу о формулировкѣ условій членства въ партіи, быстро организовались и рѣшили оградить себя впредь отъ такого рода сюрпризовъ. Воспользовавшись образовавшимся подъ конецъ съѣзда, благодаря уходу Бунда и делегатовъ «Союза», большинствомъ, они въ свою очередь разгромили мягкихъ, не допустивъ ихъ въ центральныя учрежденія. И сравнительно ничтожныя разногласія между мягкими и твердыми, — хотя въ нихъ уже вырисовывались контуры двухъ основныхъ соціалъ-демократическихъ направленій — западнаго — меньшевистскаго и нашего самобытнаго народническаго — большевистскаго, — послужили началомъ къ оформленію фракцій, а въ дальнѣйшемъ привели и къ расколу. Вполнѣ справедливое и *понятное желаніе большинства съѣзда обезпечить* за собою преобладаніе въ центральныхъ учрежденіяхъ вызвало почему-то рѣзкое недовольство и возмущеніе мягкихъ. Несомнѣнно, что лидерами большинства руководило не личное властолюбіе, а искреннее убѣжденіе въ непогрѣшимости намѣченной ими партійной линіи. Разумѣется, это совершенно не оправдываетъ тѣхъ пріемовъ, которые

были пущены въ ходъ большинствомъ съѣзда для одолѣнія своихъ недавнихъ союзниковъ. Распря на съѣздѣ кончилась тѣмъ, что представители «мягкихъ» отказались войти въ составъ центральныхъ учрежденій и объявили имъ священную войну.

Вопросы программные, и не столько они, сколько организаціонные вопросы, отняли у съѣзда почти все его время; съѣзду не удалось намѣтить даже основныя тактическія линіи. Ближе къ истинѣ, пожалуй, все же будетъ, если мы скажемъ, что на направленіе работъ съѣзда оказалъ вліяніе не недостатокъ времени, а политически бездѣйственный характеръ соціалъ-демократіи, обусловленный ея оторванностью отъ массъ, ея сектантской замкнутостью. Жизнь не ставила еще предъ соціалъ-демократіей крупныхъ политическихъ задачъ, не требовала у нея отвѣта на основные соціальные вопросы. Къ тому же, что выдвигалось жизнью, къ мелкому строительству, она чувствовала органическое отвращеніе; мысль ея витала въ эмпиреяхъ и не могла сосредоточиться, понять всю важность кропотливой повседневной работы. Соціалъ-демократія проповѣдывала, а не дѣйствовала и потому не ощущала потребности въ выработкѣ тактики. Подготовляясь къ съѣзду, мѣстныя организаціи совершенно оставляли въ сторонѣ тактическіе вопросы, не выносили по нимъ рѣшеній. То же повторилось и на самомъ съѣздѣ. Тѣ немногія резолюціи по отдѣльнымъ вопросамъ политической и рабочей жизни, которыя были вынесены съѣздомъ на спѣхъ, безъ серьезнаго обсужденія, были вызваны скорѣе желаніемъ копировать практику западно-европейскихъ партій, чѣмъ стремленіемъ внести нѣкоторый коррективъ въ одностороннюю практику искровскаго періода. Единственный вопросъ *практической политики*, вызвавшій *оживленный обмѣнъ* мнѣній — отношеніе къ либераламъ — получилъ во внесенныхъ и принятыхъ съѣздомъ резолюціяхъ — Плеханова и Старовѣра — постановку, свидѣтельствовавшую о томъ, что русскіе соціалъ-демократы плохо разбираются въ конкретной политической обстановкѣ. Обѣ резолюціи въ своихъ общихъ положеніяхъ крайне неопредѣленны и рас-

плывчаты, а въ резолютивной части казуистичны и врядъ ли способны служить дѣйствительными директивами. Одинаково недѣйственны, одинаково кабинетны и Старовѣровское требованіе, чтобы «либеральныя или либерально-демократическія теченія» ясно и недвусмысленно заявили, что «въ своей борьбѣ съ... *правительствомъ они становятся рѣшительно* на сторону россійской соціалъ-демократіи» и Плехановское сведеніе всего вопроса къ разоблаченію Струве и «Освобожденія». Тогда, какъ Плехановъ не видитъ въ либерализмѣ исторической силы, Старовѣръ исходитъ изъ противоположнаго взгляда и заранѣе заботится объ условіяхъ, на которыхъ соціалъ-демократія могла бы дѣйствовать совмѣстно съ этой силой. Однако, самыя эти условія сводятся въ концѣ-концовъ къ тому, что либерализму предлагается отказаться отъ собственной сущности.

Область рабочей политики затрагивалась лишь двумя резолюціями — о профессіональной борьбѣ и о фабричныхъ старостахъ. Резолюція о профессіональной борьбѣ состоитъ изъ двухъ частей: въ первой признается необходимость руководства повседневной экономической борьбой рабочихъ, вторая посвящена зубатовщинѣ. Резолюція эта производитъ впечатлѣніе, будто вся она написана и принята именно подъ вліяніемъ растущей опасности — зубатовщины. По крайней мѣрѣ оцѣнка значенія профессіональной борьбы сдѣлана чрезвычайно бѣгло; не отмѣченъ такой основной моментъ, какъ значеніе профессіональной борьбы для роста солидарности и активности еще отсталыхъ въ политическомъ отношеніи рабочихъ массъ. Съѣздъ еще не можетъ подняться до признанія самодовлѣющей цѣнности профессіональныхъ организацій. Больше того — резолюція совершенно не останавливается на значеніи профессіональныхъ организацій — какъ, напримѣръ, кассъ взаимопомощи — въ экономической борьбѣ рабочаго класса, не призываетъ рабочихъ къ устройству ихъ. Резолюція все время говоритъ лишь объ экономической борьбѣ рабочихъ, при чемъ «ортодоксальность» доведена здѣсь до абсурда. Резолюція отмѣчаетъ, «что эта борьба (профессіональная), *поскольку она развивается внѣ связи съ политической борьбой пролетаріата*, руководимой соціалъ-демократіей, ведетъ къ дробленію пролетарскихъ силъ и къ подчиненію рабочаго движенія интересамъ имущихъ классовъ». Благодаря такому непониманію роли и значенія рабочихъ организацій, резолюція, потративъ *много словъ на описаніе опасности и вредности зубатовщины*, даетъ лишь одно практическое указаніе въ дѣлѣ борьбы съ ней — разоблачать, вмѣсто того, чтобы рекомендовать борьбу съ зубатовцами внутри созданныхъ ими организацій, съ тѣмъ, чтобы постепенно овладѣть послѣдними. Болѣе правильна тактическая позиція резолюціи о фабричныхъ старостахъ, рекомендующая «всѣмъ организованнымъ товарищамъ принимать участіе въ выборахъ фабричныхъ старостъ согласно новому закону». Но весь смыслъ этого участія въ выборахъ сводился все къ тому же простому использованію соотвѣтствующихъ законовъ не для организаціи рабочей массы, а «для разоблаченія тактики властей и капиталистовъ». Принимая эти резолюціи, съѣздъ какъ бы исполнялъ необходимую для рабочей партіи формальность; особаго значенія онъ имъ не придавалъ. И большевики и меньшевики впослѣдствіи ровно ничего не сдѣлали, чтобы претворить въ жизнь свои рѣшенія: имъ было не до того...

Главной задачей съѣзда было реальное объединеніе соціалъ-демократическихъ организацій; но не даромъ его иниціаторами были люди, говорившіе: «прежде, чѣмъ объединиться, надо размежеваться». На съѣздѣ они такъ усердно принялись за размежеваніе, что въ концѣ концовъ не съ кѣмъ было объединяться. Бундъ вышелъ изъ партіи, латышская соціалъ-демократія и Соціалъ-демократія Польши и Литвы отказались войти въ нее и въ довершеніе всего русская часть партіи раскололась на двѣ непримиримо-враждебныя фракціи — большинство и меньшинство. Расколъ на съѣздѣ силой вещей повлекъ за собой расколъ внутри организацій, въ периферіи. Россійская соціалъ-демократія могла позволить себѣ эту роскошь, такъ какъ ея внутреннія переживанія совершенно не отражались на ходѣ и характерѣ рабочаго движенія.

Борьба искровцевъ съ экономистами смѣнилась борьбой большевиковъ съ меньшевиками. Вокругъ комитетовъ снова *разгорѣлись ожесточенныя распри*; *въ цѣломъ рядѣ* организацій часть партійной интеллигенціи и передовыхъ рабочихъ отдѣлилась отъ комитетовъ и образовала самостоятельныя параллельныя группы.

На первый взглядъ кажется поразительнымъ, что такой глубокій и продолжительный расколъ могъ произойти изъ-за расхожденія по одному пункту организаціоннаго устава, расхожденія несущественнаго и въ значительной степени обусловленнаго личными отношеніями. Партійные документы, относящіеся къ этой эпохѣ, все время пестрятъ взаимными обвиненіями въ раскалываніи партіи изъ-за чисто личныхъ, а не принципіальныхъ побужденій. И если даже допустить, что въ основѣ расхожденія дѣйствительно лежали *идейныя разногласія, а не личные мотивы, то и тогда* безпристрастный изслѣдователь долженъ будетъ признать, что эти разногласія были не настолько существенны, чтобы оправдать расколъ. Такое явленіе, немыслимое въ нормальной партіи, имѣющей предъ собой реальныя политическія задачи и тѣсно связанной съ рабочей массой, объясняется, конечно, специфическимъ характеромъ россійской соціалъ-демократіи и ея стремленіемъ замѣнить отсутствовавшую политическую работу борьбой съ воображаемымъ оппортунизмомъ. Ей казалось, что огражденіе пролетаріата отъ «организаціоннаго оппортунизма» или «бонапартистскаго централизма» враждебной фракціи есть воистину историческая задача. Если не останавливаться на начальномъ моментѣ расхожденія, а *взять его во всемъ его развитіи*, то окажется, что въ форму несущественныхъ разногласій по организаціонному вопросу лишь облекались другія, дѣйствительно принципіальныя разногласія, по мѣрѣ оформленія и обостренія которыхъ и обнаружилась наличность въ русской соціалъ-демократіи двухъ совершенно противоположныхъ идейныхъ теченій. Линія этого принципіальнаго расхожденія — различное пониманіе сущности соціалъ-демократической партіи — должна ли она быть организаціей

дѣйствующихъ массъ или организаціей профессіональныхъ революціонеровъ, воздѣйствующихъ на массы; считаемъ ли мы нормальнымъ политическую самодѣятельность пролетаріата или постоянную опеку надъ нимъ интеллигентской организаціи.

Принципіальная подоплека фракціонныхъ разногласій *была впервые вскрыта въ талантливыхъ фельетонахъ* П. Б. Аксельрода въ «Искрѣ», указавшаго, что за этими незначительными съ виду разногласіями скрываются въ сущности два совершенно различныхъ міровоззрѣнія. Большевистскій бюрократическій централизмъ изображался имъ, какъ слѣдствіе мелко-буржуазнаго происхожденія соціалъ-демократіи и стремленія ея къ духовной и политической опекѣ надъ пролетаріатомъ. Съ другой стороны онъ выяснилъ, что централизмъ не только не гарантируетъ пролетаріата отъ мелко-буржуазной идеологіи, а, наоборотъ, способствуетъ ея развитію и внѣдрѣнію въ ряды соціалъ-демократіи и стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ основной задачей соціалъ-демократіи — развитіемъ самодѣятельности пролетаріата. И *въ неуклонномъ стремленіи впередъ по пути развитія этой самодѣятельности* видѣлъ онъ возможность оздоровленія соціалъ-демократіи и успѣхъ будущаго рабочаго движенія.

Борьба этихъ совершенно противоположныхъ другъ другу направленій и составляетъ всю исторію внутренняго развитія соціалъ-демократической организаціи за все время ея существованія. Основное различіе во взглядахъ, въ связи съ различнымъ пониманіемъ объективнаго значенія *совершающагося въ Россіи историческаго переворота*, привело къ тому, что по цѣлому ряду конкретныхъ политическихъ вопросовъ каждое изъ теченій давало діаметрально противоположное рѣшеніе. Такимъ образомъ, на историческую сцену выступили два соискателя на званіе истинныхъ защитниковъ и выразителей объективныхъ интересовъ пролетаріата, говорившихъ оба именемъ марксизма — большевизмъ и меньшевизмъ.

VIII.

Какими же объективными условіями были вызваны къ жизни эти два враждебныя теченія? Что касается большевизма, то его стремленіе къ замкнутой организаціи, страсть къ революціонной фразѣ, недовѣріе къ рабочей массѣ и вѣра въ соціалистическую непогрѣшимость профессіональныхъ революціонеровъ — все это оружіе далеко не новое: оно было взято изъ арсенала 70-хъ годовъ. Напрасно большевики выдавали его за новое; на самомъ же дѣлѣ оно только перекрашено въ марксистскіе цвѣта. Возьмите народовольческія статьи и рѣчи и замѣните въ нихъ народовольческую терминологію марксистской и вы увидите, что по существу нѣтъ почти никакой разницы между большевизмомъ и народовольчествомъ. Мы говоримъ «почти», такъ какъ между тѣмъ и другимъ нельзя, конечно, установить полнаго тождества. Измѣнились обстоятельства, появились на сцену новыя общественныя силы, появилась потребность въ иной идеологіи. Какъ и народовольцы, большевики видѣли въ крѣпкой, построенной по плану организаціи деміурга, творца революціи, который, вооружившись правильной теоріей и накопленнымъ годами конспиративнымъ опытомъ, явится авангардомъ въ революціонной борьбѣ. Но въ отличіе отъ народовольцевъ они понимали историческую роль пролетаріата и ставили себѣ основной задачей подчинить его своему воздѣйствію. Какъ видимъ, большевизмъ есть лишь дальнѣйшее развитіе старой искровской школы — политицизма-ленинизма тоже, и дѣйствительно, въ «Что дѣлать» мы находимъ заложенными всѣ основные элементы большевистской идеологіи; а вѣдь старая «Искра» все время занималась популяризаціей и конкретизаціей основныхъ положеній этого произведенія. Объективная задача искризма, а вслѣдъ за нимъ и большевизма была выработка такой идеологіи, которая давала бы разночинной интеллигенціи возможность примирить въ своемъ сознаніи вѣру въ собственную руководящую и творческую роль съ необходимостью служить классовымъ интересамъ пролетаріата. Обра-

щаясь къ экономистамъ, Ленинъ говоритъ: «Вы хвастаетесь своей практичностью, а не видите того, знакомаго всякому русскому практику факта, какія чудеса способна творить въ революціонномъ дѣлѣ энергія не только кружка, но даже отдѣльной личности. Кружку кустарей, конечно, не доступны политическія задачи, покуда эти кустари не сознали своего кустарничества и не избавились отъ него... Но кружку корифеевъ, въ родѣ Алексѣева, Мышкина, Халтурина и Желябова доступны политическія задачи въ самомъ дѣйствительномъ смыслѣ этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку ихъ горячая проповѣдь встрѣчаетъ откликъ въ стихійной пробуждающейся массѣ, поскольку ихъ энергія подхватывается и поддерживается энергіей революціоннаго класса» *). Еще ярче выступаетъ внутреннее родство большевизма съ семидесятниками въ слѣдующей очень интересной выдержкѣ: «Та превосходная организація, которая была у революціонеровъ 70-хъ годовъ и которая намъ всѣмъ должна была служить образцомъ», писалъ Ленинъ все въ томъ же «Что дѣлать», «создана землевольцами... Видѣть въ боевой и революціонной организаціи что-либо специфически народовольческое нелѣпо и исторически и логически, ибо всякое революціонное направленіе, если оно только дѣйствительно думаетъ о серьезной борьбѣ, не можетъ обойтись безъ такой организаціи. Не въ томъ состояла ошибка народовольцевъ, что они постарались привлечь къ своей организаціи всѣхъ недовольныхъ... Въ этомъ состоитъ, наоборотъ, ихъ великая историческая заслуга. Ошибка же ихъ была въ томъ, что они опирались на теорію, которая въ сущности была вовсе не революціонной теоріей, и не умѣли или не могли неразрывно связать своего движенія съ классовой борьбой внутри развивающагося капиталистическаго общества. И только самое грубое непониманіе марксизма могло породить мнѣніе, что возникновеніе массоваго стихійнаго рабочаго движенія избавляетъ насъ отъ обязанности создать такую же хорошую,

---

*) „Что дѣлать“, стр. 80—81.

какая была у землевольцевъ, создать еще несравненно лучшую организацію революціонеровъ. Напротивъ, это движеніе именно возлагаетъ на насъ эту обязанность, ибо стихійная борьба пролетаріата и не сдѣлается настоящей классовой борьбой его до тѣхъ поръ, пока эта борьба не будетъ руководимой крѣпкой организаціей революціонеровъ». Мы уже видѣли изъ предыдущаго анализа большевизма, что «крѣпкая организація революціонеровъ» нужна ему для *предохраненія пролетаріата отъ буржуазнаго вліянія*. «Почему же, — спроситъ читатель, — стихійное движеніе, движеніе по линіи наименьшаго сопротивленія идетъ къ господству буржуазной идеологіи?» Именно этотъ вопросъ намъ и хотѣлось задать Н. Ленину. Доказать это положеніе — значитъ разъ навсегда положить предѣлъ всякимъ разговорамъ о самодѣятельности, признать необходимость интеллигентской опеки. И вотъ *отвѣтъ*: «*По той простой причинѣ, что буржуазная идеологія* по происхожденію своему гораздо старше, чѣмъ соціалистическая, что она болѣе разработана, что она обладаетъ неизмѣримо бо̀льшими средствами распространенія». Не знаемъ, удовлетворилъ ли этотъ отвѣтъ читателя «Что дѣлать», но насъ онъ совершенно не удовлетворяетъ. Принявъ его, пришлось бы отказаться отъ того краеугольнаго положенія марксизма, что «*бытіе опредѣляетъ сознаніе*», *что каждый* классъ въ ходѣ историческаго процесса дорабатывается до идеологіи, соотвѣтствующей его объективному классовому положенію и классовымъ интересамъ. Буржуазная идеологія не страшна соціалъ-демократіи не потому, что она сильнѣй буржуазіи, а потому, что буржуазная идеологія по существу непріемлема для пролетаріата, въ корнѣ противорѣчитъ его *классовымъ интересамъ*. И *соглашаясь* съ Ленинымъ, что буржуазная идеологія обладаетъ гора̀здо бо̀льшими средствами ра̀спространенія, чѣмъ пролетарская, мы укажемъ, что это не мѣшаетъ пролетаріату Западной Европы все въ бо̀льшей и бо̀льшей степени проникаться пролетарской идеологіей, становиться на точку зрѣнія классовой борьбы.

Въ другомъ мѣстѣ *Ленинъ рѣзко протестуетъ противъ*

отожествленія революціонной организаціи съ организаціей рабочихъ, говоря, что «организація рабочихъ должна быть, во-первыхъ, профессіональной; во-вторыхъ, она должна быть возможно болѣе широкой; въ-третьихъ, она должна быть *возможно менѣе конспиративной*». И *противопоставляя* во всѣхъ этихъ отношеніяхъ организацію рабочихъ революціонной организаціи, Ленинъ очевидно не представляетъ себѣ революціонной рабочей организаціи, ведущей революціонную политическую борьбу. Рабочая организація по Ленину не можетъ заниматься иной дѣятельностью, какъ трэдъ-юніонистской, а политическая борьба есть монополія организаціи профессіональныхъ революціонеровъ. Такимъ образомъ, практическіе выводы Ленина очень близко подходятъ къ основнымъ положеніямъ «credo». Крайности сходятся... И единственной гарантіей того, что стоящая надъ массой революціонная организація будетъ неуклонно итти по пути истинной пролетарской политики и дѣятельность ея будетъ находиться въ полномъ соотвѣтствіи съ классовыми интересами пролетаріата, является правильная теорія. А между тѣмъ, какъ разъ практическое осуществленіе соціалъ-демократіей культа профессіональной революціонной организаціи, для которой пролетаріатъ лишь объектъ воздѣйствія и въ лучшемъ случаѣ среда для вычерпыванія благороднаго человѣческаго матеріала, мало-по-малу разрушало эту гарантію. Разъ процессъ воспитанія революціонера сводится къ накопленію конспиративнаго опыта, опыта борьбы съ политической полиціей, то накопленіе политическаго опыта, умѣніе ставить и разрѣшать политическія задачи, умѣніе подходить къ массамъ — все это отступаетъ на задній планъ. И это не можетъ, конечно, не отразиться на идейномъ содержаніи работы. Теорія «хожденія во всѣ классы», теорія о стихійномъ характерѣ рабочаго движенія и интеллигенціи, какъ носителѣ соціалистическаго сознанія — все существеннѣйшія отступленія отъ марксизма — впервые формулированы въ «Что дѣлать», а отсюда переходятъ на столбцы «Искры» и всасываются въ практику соціалъ-демократическихъ организацій. Здѣсь ле-

жать корни всѣхъ тѣхъ политическихъ, тактическихъ и организаціонныхъ ошибокъ, которыми награждалъ соціалъ-демократію, въ видѣ директивъ, большевизмъ въ пореволюціонный періодъ. «Хожденіе во всѣ классы» дало въ результатѣ лѣвоблокизмъ, а теорія стихійности и сознательности довела его до отрицанія самочинныхъ рабочихъ организацій и борьбы съ открытымъ рабочимъ движеніемъ. Чѣмъ же объяснить, что теченіе, искренно считающее себя соціалъ-демократическимъ, въ самыхъ основахъ своей теоріи отклоняется отъ азбучныхъ истинъ марксизма? Да, во-первыхъ, тѣмъ, что большевизмъ мыслитъ не матеріалистически, а идеалистически, а во-вторыхъ, теорія его слагалась въ такой моментъ, когда пролетаріатъ еще представлялъ изъ себя незрѣлую массу, и ряды соціалъ-демократіи заполнялись интеллигенціей, которой, конечно, всегда грозитъ опасность невольно, незамѣтно для себя, удариться въ буржуазность, уклониться въ сторону мелко-буржуазной революціонной идеологіи, — якобинства, анархизма и т. п. — продолжая прикрывать ее привычной марксистской фразеологіей. И если большевизмъ все же имѣлъ успѣхъ среди рабочихъ и въ до- и въ пореволюціонную эпоху, то это объясняется тѣмъ, что и сами рабочіе на извѣстной ступени своего развитія далеко не чужды якобинства. Къ духовному облику такой еще не рѣзко отграниченной, промежуточной соціальной группы, какъ русскій рабочій классъ, гораздо больше подходилъ нашъ самобытный, съ народнически-народовольческимъ привкусомъ марксизмъ, чѣмъ западно-европейскій пролетарскій соціализмъ. Не только въ силу сохранившейся связи съ деревней, но и въ силу общихъ политическихъ условій русскій рабочій представлялъ изъ себя чрезвычайно благопріятную почву для усвоенія примитивныхъ теорій большевизма.

Гораздо глубже была теорія меньшевизма: она почти совершенно освободилась отъ элементовъ якобинства и опиралась на опытъ западно-европейскаго рабочаго движенія. Но одно было у него общее съ большевизмомъ: онъ также былъ лишь теченіемъ интеллигентской мысли. Совершенно

лишено почвы представленіе, будто въ лицѣ меньшевизма появилось, наконецъ, въ русской соціалъ-демократіи здоровое пролетарское начало. Не отъ сознательныхъ рабочихъ соціалъ-демократовъ исходила оппозиція большевизму, а отъ части интеллигентовъ-искристовъ, испугавшихся послѣдствій этой узкой теоріи. Убѣдившись, что позиція старой Искры теоретически приводитъ, въ концѣ концовъ, къ бланкизму, а на практикѣ къ изоляціи соціалъ-демократіи отъ массъ и устрашившись перспективы пустоты и идейнаго и организаціоннаго безсилія, она бросилась искать противоядія. Въ первую очередь меньшевизмъ борется въ плоскости организаціоннаго вопроса противъ бюрократическаго централизма за принципъ организаціоннаго демократизма, какъ средство сближенія между партійными верхами и периферіей, а затѣмъ и за такое измѣненіе политической практики, которое бы повысило активность массъ и связало бы ее духовно и организаціонно съ соціалъ-демократіей. Критически оглядываясь на все прошлое, меньшевизмъ долженъ былъ признать, что въ борьбѣ съ экономизмомъ палка была перегнута въ другую сторону. Устами П. Б. Аксельрода онъ констатируетъ, что «въ теченіе періода «такъ называемаго экономизма» движеніе наше пріобрѣло глубокіе корни въ пролетаріатѣ, революціонизировало настроеніе и даже сознаніе значительныхъ круговъ его, подняло ихъ революціонную активность». Выработанная меньшевизмомъ подъ вліяніемъ самокритики и тяготѣнія къ массамъ линія соціалъ-демократической работы приближалась къ тому синтезу политическаго и экономическаго момента, необходимость котораго ощущалась уже къ концу экономическаго періода. Меньшевики не дѣлали себѣ иллюзій ни относительно буржуазнаго характера русской революціи, ни относительно степени политической сознательности массъ и считали, что лучшимъ методомъ организаціи послѣднихъ вокругъ опредѣленныхъ политическихъ лозунговъ является втягиваніе ихъ въ различныя открытыя кампаніи и использованіе всякой уступки самодержавнаго режима для планомѣрнаго массоваго натиска. И вотъ, несмотря на то, что практиче-

ская работа меньшевиковъ гораздо больше отвѣчала принципамъ и духу соціалъ-демократіи, несмотря на то, что они стремились не къ воздѣйствію на пролетаріатъ, а къ развитію въ немъ самодѣятельности, они пользовались въ массахъ меньшимъ успѣхомъ, меньшими симпатіями, чѣмъ большевики. Въ томъ-то и заключался весь трагизмъ меньшевизма, что въ Россіи не было еще достаточныхъ условій для его воплощенія въ жизнь, что примитивная политическая обстановка давала мѣсто лишь примитивной политической практикѣ и что поскольку меньшевизмъ выступалъ на сцену, онъ или обрекался на политическое безплодіе или долженъ былъ въ своей практической дѣятельности итти по стопамъ столь ненавистнаго ему большевизма. Въ то время, какъ субъективно меньшевики стремились, опираясь на теорію и факты западно-европейскаго рабочаго движенія, вызвать самостоятельное политическое движеніе въ нашемъ пролетаріатѣ, объективныя тенденціи, коренившіяся въ самой русской дѣйствительности, усиленно толкали ихъ навстрѣчу якобинству, давая матеріалъ лишь для такого революціоннаго настроенія и революціонной активности массъ, которыя въ лучшемъ случаѣ обезпечивали радикальной интеллигенціи возможность выступить, опираясь на нихъ, въ борьбѣ за политическое преобразованіе. Это противорѣчіе цѣпко держало въ своихъ объятіяхъ меньшевизмъ, препятствуя все время его росту. Условія возникновенія и развитія меньшевизма тяготѣли на немъ, задерживали его естественную эволюцію и не давали ему ни въ области теоріи, ни въ области практической дѣятельности дойти до логическаго конца. «Начавъ съ малаго, съ критики бюрократическаго централизма, организація меньшевиковъ въ процессѣ своего собственнаго развитія размотала клубокъ своихъ организаціонныхъ и тактическихъ разногласій съ большевиками и подошло къ ихъ основамъ. Но оно подошло, не сказавши послѣдняго слова. Его кружковая природа была ему помѣхой, кружковыя традиціи связывали его установленными формами, задерживая на половинѣ пути въ его критикѣ, а точка зрѣнія, представленная сравни-

тельно болѣе послѣдовательно и полно въ литературѣ «меньшинства» еще искажалась, дробилась, размѣнивалась на частности въ своемъ практическомъ примѣненіи. Линія наименьшаго сопротивленія кружковой среды, такъ сказать, ея линія стихійнаго тяготѣнія проходила, несмотря на всѣ поучительные удары исторіи, не въ направленіи развитія меньшевистской идеологіи и тѣмъ менѣе развитія меньшевистской практики» *).

Кратко формулируя все нами сказанное о большевизмѣ и меньшевизмѣ, мы сказали бы, что въ соціалъ-демократіи борятся два теченія: реалистическое, поставившее во главу угла своей дѣятельности организацію пролетарскаго движенія посредствомъ развитія коллективной самодѣятельности рабочихъ, и другое — романтическое, уповающее на стихію, полагающее, что разъ имѣется налицо рабочій классъ и дана соціалистическая доктрина, то все остальное само собою приложится; требуется лишь сплоченная группа единомыслящихъ соціалъ-демократовъ для руководства классовой политикой пролетаріата.

Само собою разумѣется, что говоря о вліяніи той или иной фракціи на рабочихъ, мы имѣемъ въ виду лишь тотъ узкій кругъ рабочихъ, который или входилъ въ составъ соціалъ-демократической организаціи или непосредственно соприкасался съ ней. А при подпольномъ существованіи организаціи сфера дѣятельности ея естественно не могла быть широкой. Соціалъ-демократія того времени, пожалуй, какъ по своему духовному облику, такъ и по своему соціальному составу, носила скорѣе интеллигентскій, чѣмъ пролетарскій характеръ; въ силу цѣлаго ряда, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ причинъ, она впитывала въ себя лишь отдѣльныя единицы рабочаго класса.

Отвлеченной политической агитаціей, отвлеченными политическими лозунгами соціалъ-демократы предреволюціонныхъ годовъ не могли, конечно, снискать себѣ въ рабочей массѣ того сочувствія, того обаянія, какимъ нѣкогда пользо-

*) Потресовъ. „Этюды о русской интеллигенціи", стр. 310.

вались у нея экономисты. Къ тому же тотъ огромный рискъ, съ которымъ сопряжено было участіе въ подпольной организаціи, требовалъ исключительнаго подбора лицъ. Въ подполье шла экзальтированная революціонная молодежь, увлеченная тѣмъ ореоломъ, которымъ обыкновенно окутывается все исключительное, все таинственное, и такъ же скоро уходила изъ него, какъ и приходила туда. Но зато о тѣхъ немногихъ, кто оставался въ немъ, можно смѣло сказать, что это были революціонеры съ головы до ногъ, это тѣ, кто не могъ примириться съ существующимъ строемъ, кто готовъ былъ ради борьбы съ нимъ на тяжелыя жертвы и лишенія. Несомнѣнно, эти рабочіе были не рядовые, а лица высоко стоящія надъ массой, лица исключительныя по своему интеллектуальному развитію. Для нихъ подполье было не только боевой организаціей, оружіемъ борьбы; нѣтъ, оно являлось для нихъ также и единственнымъ культурнымъ центромъ, гдѣ они могли получить отвѣтъ на всѣ волнующіе и интересующіе ихъ вопросы. Они-то и служили какъ бы связующимъ звеномъ между рабочей массой и интеллигентской организаціей, были необходимой опорой ея существованія. Правда, опора была не совсѣмъ надежная. Интеллигентные рабочіе не могли быть зеркаломъ желаній и настроеній рабочей массы. Часто безсознательно они свои желанія принимали за желанія всѣхъ рабочихъ, и эти поспѣшныя обобщенія клались потомъ въ основу тактическихъ плановъ партіи. Воспитанные интеллигенціей, организованные рабочіе раздѣляли всѣ ея предразсудки и предубѣжденія противъ повседневной практической работы; вмѣстѣ съ ней они относились скептически ко всѣмъ организаціоннымъ начинаніямъ рабочей массы. Между соціалъ-демократической организаціей и широкой массой рабочихъ постепенно терялась связь и раскрывалась глубокая пропасть. Пропасть эта все расширялась и углублялась, такъ какъ сознательные рабочіе, войдя въ организацію, очень скоро пропитывались царившей въ ней атмосферой фракціонной борьбы и кружковаго политиканства и совершенно отрывались отъ массъ. А наиболѣе выдающіяся личности,

которыя рано или поздно бросали свою профессію и превращались въ профессіоналовъ, скоро совсѣмъ переставали отличаться по своей психикѣ отъ интеллигентовъ-подпольщиковъ. Тѣ же сознательные рабочіе, которые сохранили связь съ массой и тщетно ждали отъ партіи указанія на нужное этимъ массамъ живое политическое дѣло, а сами были слишкомъ инертны, чтобы измѣнить характеръ дѣятельности партіи, попросту бѣжали изъ подпольной организаціи. Сама же рабочая масса жила своей отдѣльной, совершенно обособленной отъ организаціи жизнью; ей были неинтересны и чужды ея теоретическіе турниры.

IX.

Періодъ 1901—05 г. г. былъ для соціалъ-демократіи временемъ тщетныхъ попытокъ руководить рабочимъ классомъ: несмотря на всѣ старанія она никакъ не могла уловить его настроенія, стать во главѣ рабочаго движенія. Для ея комитетовъ были совершенно неожиданными событія, стихійно разразившіяся на Югѣ — іюльскія стачки въ 1903 г. Очутившись лицомъ къ лицу съ массовымъ рабочимъ движеніемъ, она не сумѣла овладѣть имъ и придать ему планомѣрный, сознательно-классовый характеръ. Вмѣсто того, чтобы понять это движеніе, она стала идеализировать его, усматривая въ немъ «нѣчто новое въ міровой исторіи — безусловную солидарность». Полная неподготовленность къ движенію, полное непониманіе его значенія, неумѣніе трезво взглянуть и правильно оцѣнить его какъ нельзя лучше демонстрировали отчужденность соціалъ-демократіи отъ рабочаго класса, ея непролетарскій характеръ. Всѣ призывы, всѣ шаги соціалъ-демократіи, разсчитанные на сочувствіе широкихъ массъ и ихъ выступленіе, въ большинствѣ случаевъ или оканчивались полной неудачей или увлекали за собой ничтожное количество рабочихъ. Главныя формы проявленія политической активности — демонстраціи — скоро утратили въ глазахъ рабочихъ притягательную силу. Подготовка ихъ велась конспиративными организаціями, безъ

непосредственнаго участія низовъ; абстрактность лозунговъ, во имя которыхъ онѣ устраивались, дѣлала излишней какую-либо спеціальную предварительную агитацію, а демонстрація сама по себѣ не была такимъ актомъ длительной борьбы, который требовалъ бы отъ массъ напряженныхъ и организованныхъ усилій. Такимъ образомъ, демонстраціи не только не уничтожали, а наоборотъ, усугубляли противорѣчіе между рабочимъ движеніемъ и партійной организаціей.

Соціалъ-демократія продолжала тратить гораздо больше усилій на фракціонную борьбу, чѣмъ на углубленіе и организацію стихійнаго рабочаго движенія. Оторванные отъ массъ, расколотые на двѣ враждующія фракціи, соціалъ-демократы искренно полагали, что критика центральныхъ учрежденій и борьба съ ними столь же важна для рабочаго класса, сколько та или иная выдвинутая жизнью политическая кампанія. Обѣ фракціи были пропитаны организаціоннымъ фетишизмомъ. И для большевиковъ и для меньшевиковъ организація являлась чѣмъ-то самодовлѣющимъ. Выработка «хорошаго устава» играла у обѣихъ фракцій приблизительно такую же роль, какъ у соціалистовъ-утопистовъ хорошіе проекты совершенной организаціи общества. Вербуя себѣ сторонниковъ изъ рабочихъ, каждое теченіе прежде всего старалось выработать изъ нихъ не соціалъ-демократовъ, а хорошихъ, посвященныхъ во всѣ закулисныя тайны фракціонеровъ. То та, то другая сторона фигурировала передъ рабочими въ самомъ непригляднomъ видѣ. Комитеты, эти главные органы практической дѣятельности соціалъ-демократіи, сплошь заполненные интеллигентами, подчиненные заграничному штабу, всецѣло отдавались служенію фракціоннымъ интересамъ и личному честолюбію отдѣльныхъ вождей. Эти внутрипартійныя войны, ни на минуту не прекращаясь, тянутся на всемъ протяженіи предреволюціоннаго періода. «Трое или пять членовъ комитета представляютъ въ своемъ лицѣ единство и волю общественнаго рабочаго организма. Они принимаютъ рѣшенія, они дѣлаютъ новое направленіе въ партіи, сдаютъ въ архивъ

экономизмъ, пускаютъ въ оборотъ централизмъ, признаютъ «Искру», отрицаютъ «Искру», словомъ, творятъ внутрипартійную политику. Подъ ними — міръ детальныхъ работниковъ, которые набираютъ прокламаціи, собираютъ деньги, раздаютъ брошюры... разумѣется, если дѣлающій направленіе комитетъ въ состояніи доставить брошюры. За послѣдніе 3—4 года интенсивныхъ внутрипартійныхъ треній жизнь очень многихъ комитетовъ представляетъ рядъ coups d'état, въ стилѣ нашихъ дворцовыхъ переворотовъ XVIII столѣтія. Гдѣ-то наверху, высоко-высоко, кто-то кого-то куда-то заточаетъ, смѣняетъ, кого-то душатъ, кто-то себя кѣмъ-то превозглашаетъ — въ результатѣ на комитетской вышкѣ торжествующе появляется флагъ съ надписью «ортодоксія», «централизмъ», «политическая борьба». Такъ зло высмѣиваетъ Троцкій партійную дѣйствительность. (Наши политическія задачи, стр. 65).

Рѣзкая фракціонная борьба доходила до того, что повторялась старая исторія съ захватами комитетовъ, знакомая намъ со временъ борьбы политиковъ съ экономистами. Господствовавшее въ какой-либо мѣстной организаціи теченіе старалось всячески уберечь свой комитетъ отъ нежелательныхъ элементовъ, не давая ходу ни работникамъ изъ враждебной фракціи, ни еретической литературѣ. Пошла полоса проведенія во что бы то ни стало резолюцій одобренія или порицанія большинству II съѣзда; затѣмъ она смѣнилась борьбой за центральныя учрежденія и, наконецъ, вскорѣ разгорѣлась новая борьба за и противъ созыва III съѣзда. Положеніе это усугубилось еще тѣмъ, что отдѣльныя центральныя учрежденія оказались въ рукахъ разныхъ фракцій. Вскорѣ же послѣ II-го съѣзда между редакторами «Искры» — Плехановымъ и Ленинымъ — возникли существенныя разногласія по вопросу о привлеченіи меньшевиковъ къ участію въ редакціи. Непримиримому Ленину, стоявшему за полный бойкотъ меньшевиковъ, пришлось выйти изъ редакціи, а оставшемуся единственнымъ редакторомъ Плеханову не оставалось ничего другого, какъ кооптировать опальныхъ меньшевиковъ:

Аксельрода, Засуличъ, Мартова и Старовѣра. Такимъ образомъ, центральный и притомъ единственный органъ оказался всецѣло въ рукахъ меньшевиковъ. Зато Центральный Комитетъ, несмотря на всѣ колебанія, оставался вѣренъ знамени большевизма. Создавалось какое-то нелѣпое и, вмѣстѣ съ тѣмъ, трагическое положеніе: высшія инстанціи взаимно парализовали дѣятельность другъ друга. И не только ни одна изъ фракцій не имѣла возможности торжествовать по всей линіи, но и всякое положительное начинаніе того или иного теченія не могло претвориться въ жизнь, такъ какъ обязательно наталкивалось на противодѣйствіе одинаково сильной враждебной фракціи. И въ то время, какъ партія раздиралась такимъ образомъ на части, рядовые партійные рабочіе спокойно смотрѣли на то, какъ ихъ комитеты изъ большевистскихъ становились меньшевистскими и обратно, какъ они принимали резолюціи, то въ пользу меньшинства, то противъ него. О сущности меньшевизма и большевизма они имѣли самое смутное понятіе и, главное, находились въ полномъ невѣдѣніи относительно того, какое отношеніе имѣютъ эти споры къ вопросамъ убогой мѣстной практики.

Между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ усложнялась политическая ситуація, стала обнаруживаться истинная принципіальная основа фракціонныхъ разногласій. Изъ-подъ соціалъ-демократической оболочки большевизма уже проглядывала бланкистская сущность его. Для защиты своихъ тактическихъ взглядовъ большевики основали собственный органъ «Впередъ» и тѣмъ открыто консолидировались въ особую фракцію. Не довольствуясь этимъ и желая положить конецъ господствовавшему въ партіи неустойчивому равновѣсію, они стали энергично добиваться третьяго съѣзда. Междоусобная война, поглощая весь интересъ и силы соціалъ-демократіи, чрезвычайно затрудняла выполненіе лежавшей на партійныхъ организаціяхъ практической работы. Даже начавшаяся русско-японская война ничего не измѣнила въ этомъ отношеніи. Соціалъ-демократическая литература попрежнему продолжаетъ удѣлять гораздо бóльшее

вниманіе внутрипартійнымъ дѣламъ, чѣмъ актуальнымъ политическимъ вопросамъ. То же и, пожалуй, даже въ бóльшей степени, можно сказать и о дѣятельности мѣстныхъ организацій. Партійный механизмъ не дѣлалъ живой и необходимой работы. «Машина не дѣйствовала, она скрипѣла, она судорожно двигала своими отдѣльными частями и не трогалась съ мѣста, какъ цѣлое... Внутри партіи производилась хлопотливая работа ломки — перестройки, налаживанія и прилаживанія частей, но во внѣ ея колеса вертѣлись безпомощно въ воздухѣ, не забирая массы, ради приведенія которой въ дѣйствіе вѣдь только и существовалъ старый партійный аппаратъ» *).

Нельзя, однако, незначительное вліяніе партіи объяснять исключительно тѣмъ, что партійная работа тормозилась фракціонными разногласіями. Основной причиной почти полной безрезультатности соціалъ-демократической работы является рѣзкое несоотвѣтствіе между ея содержаніемъ и духовнымъ уровнемъ и запросами массъ. Рабочая масса какъ для соціалъ-демократіи, такъ и для всѣхъ остальныхъ политическихъ партій Россіи, была неразгаданнымъ сфинксомъ. О ней можно было утверждать что угодно, причислять къ какому угодно лагерю. Несомнѣнно лишь, что въ политическомъ отношеніи рабочіе въ общемъ еще представляли консервативную, полную косныхъ политическихъ предразсудковъ массу. Но поскольку она для улучшенія своего экономическаго положенія, для ослабленія тяготѣвшей надъ ней эксплуатаціи прибѣгала къ непосредственнымъ выступленіямъ противъ предпринимателей, вплоть до такого революціоннаго метода борьбы, какъ стачка, она вступала въ открытый конфликтъ съ существующимъ строемъ, подрывала его основы. Рабочее движеніе не находило себѣ нормальныхъ выходовъ; политическія условія мѣшали ему вылиться въ сознательныя и организованныя формы. И вполнѣ естественно, что натыкаясь на эти преграды, рабочее движеніе

*) Потресовъ. „Этюды о русской интеллигенціи", стр. 303—304.

стихійно стремится сдвинуть ихъ со своей дороги. Только этимъ и можно объяснить нѣкоторыя крупныя вспышки 900-хъ г.г., въ особенности ростовскія событія 1902 г., сыгравшія, какъ указано выше, большую роль въ *моральной побѣдѣ политическаго направленія въ соціалъ-демократіи*. Движеніе не носило яркаго и сознательнаго антиправительственнаго характера и имѣло значеніе, главнымъ образомъ, какъ симптомъ наростанія политическаго недовольства среди широкихъ массъ. Небольшой группѣ сознательныхъ рабочихъ удалось воспользоваться этимъ настроеніемъ массы и превратить движеніе въ политическую демонстрацію. Насколько оно было въ сущности неглубоко, показываетъ слабое участіе ростовскаго пролетаріата въ іюльскомъ движеніи 1903 г. и во всероссійскомъ — послѣ 9-го января. А что это *не просто случайность, подтверждается* примѣромъ Харькова, гдѣ чрезвычайно удачно прошла маевка 1900 г. и который затѣмъ вплоть до осени 1905 г. оставался все время чрезвычайно пассивнымъ. Понесенныя рабочими пораженія не только не усиливали ихъ активности, а какъ разъ наоборотъ отбрасывали ихъ въ лагерь реакціи. Корреспондентъ «Искры», указывая на неудачное выступленіе ростовскихъ рабочихъ послѣ 9-го января, считаетъ основной причиной неудачи «отсутствіе прочнаго революціоннаго воспитанія массъ». Какъ разъ рабочіе владикавказскихъ *желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, сыгравшіе въ 1902 году* активную и центральную роль, теперь въ январѣ 1905 г. «стали консервативнымъ элементомъ».

Конечно, преслѣдованія рабочихъ за стачки подготовляли благопріятную почву для агитаціонной работы революціонныхъ организацій и толкали отдѣльныхъ болѣе вдумчивыхъ лицъ въ ряды партіи. Но для широкой массы партійная программа, революціонные политическіе лозунги все еще оставались мертвой буквой, и работа соціалъ-демократіи, поскольку она не была связана съ вопросами мѣстнаго рабочаго движенія, представлялась ей странной, безцѣльной, иногда вредной и ужъ во всякомъ случаѣ чужой.

X.

Обыкновенно какъ друзья, такъ и недруги рабочаго класса относятъ начало россійской революціи къ такъ называемому петербургскому кровавому воскресенію (9 января 1905 г.). Однако, всякое пріурочиваніе начала извѣстнаго соціальнаго процесса къ какому-нибудь опредѣленному моменту или событію будетъ искусственнымъ и потому ошибочнымъ. Установить болѣе или менѣе точно это начало — задача совершенно невозможная, невыполнимая. Вѣдь революція въ сущности есть только разрѣшеніе *того конфликта*, который зрѣетъ въ теченіе долгаго времени въ результатѣ противорѣчій между хозяйственными потребностями страны и ея отсталымъ политическимъ строемъ, формами и учрежденіями. И по мѣрѣ того, какъ оперялась россійская буржуазія и хозяйственныя отношенія страны перестраивались на капиталистическій ладъ, все яснѣе вырисовывалась реакціонная роль самодержавнаго правительства. Безконтрольное хозяйничаніе бюрократіи шло въ разрѣзъ съ потребностями народно-хозяйственнаго организма, мѣшало его дальнѣйшему процвѣтанію и росту. Вокругъ правительства сгущалась атмосфера всеобщаго недовольства, смутно ощущалась необходимость перелома.

Русско-японская война, обнажившая всѣ язвы русскаго соціальнаго и политическаго строя, явилась тѣмъ толчкомъ, который привелъ въ движеніе находившіяся до тѣхъ поръ въ связанномъ состояніи революціонныя силы. Затѣянная самодержавнымъ правительствомъ съ цѣлью отсрочить часъ расплаты и укрѣпить свой падающій престижъ, она лишь приблизила моментъ катастрофы. Правда, вначалѣ земскіе и буржуазные круги шумно демонстрировали свой патріотизмъ. Земскія собранія и городскія думы съ какою-то бѣшеной щедростью жертвуютъ сотни тысячъ рублей на *нужды арміи, на усиленіе флота*. Но отмирающій организмъ полицейско-бюрократической Россіи не могли спасти никакія чрезвычайныя мѣры: вмѣсто ожидаемыхъ побѣдъ пораженія

слѣдовали за пораженiями. Вмѣстѣ съ тѣмъ уже во 2-ой половинѣ 1904 г. экономическая жизнь страны подверглась глубокимъ потрясенiямъ. Война пошатнула крестьянское земледѣльческое и промысловое хозяйство. Отъ недостатка спроса сократилось производство мануфактурной, каменноугольной и друг. отраслей промышленности. Чрезвычайно угнетенно прошла Нижегородская ярмарка, усилились крахи коммерческихъ и въ особенности экспортныхъ фирмъ. Биржу охватилъ паническiй страхъ, ухудшились наши вексельный и денежный рынки. Подъ влiянiемъ военнаго разгрома, попраннаго самолюбiя, а главное, экономическаго кризиса быстро замерли патрiотическiя манифестацiи и смѣнились мало-по-малу оппозицiоннымъ настроенiемъ. Война открыто называлась авантюрой, общее негодованiе рѣзко вырывалось наружу. Всѣ слои населенiя пришли въ движенiе. Политическiй соблазнъ проникъ даже въ такiя консервативныя группы, какъ духовенство и офицерство. Концентрируя всѣ свои силы на политикѣ репрессiй, правительство тѣмъ не менѣе, подъ влiянiемъ полнаго финансоваго истощенiя и подорваннаго заграничнаго кредита, стало отступать. По иронiи судьбы, не кто иной, какъ Плеве — вдохновитель еврейскихъ погромовъ — вынужденъ былъ издать циркуляръ о прiостановкѣ выселенiя евреевъ изъ мѣстъ внѣ черты осѣдлости, мотивируя его нежеланiемъ плодить напрасно недовольство. А вмѣстѣ съ тѣмъ, волна общественнаго недовольства поднималась все выше и выше. Всякое общественное начинанiе превращалось въ антиправительственную демонстрацiю. При такихъ условiяхъ дальнѣйшее проведенiе прямолинейной политики Плеве становилось немыслимымъ, и актъ 15 iюля лишь ускорилъ смѣну режима. Убiйство Плеве доставило глубокое удовлетворенiе тѣмъ общественнымъ кругамъ, которые всегда готовы видѣть корень зла въ опредѣленной личности (на этотъ разъ въ Плеве — зломъ генiи русской бюрократiи) и возлагали всѣ свои надежды на перемѣну личнаго режима. Дѣйствительно, правящiя сферы подъ впечатлѣнiемъ краха дальневосточной авантюры, и общественнаго ропота и гнѣва рѣшили немного ослабить

возжи, чтобы возвратить себѣ симпатiи имущихъ классовъ. Миссiя эта была возложена на князя Святополкъ-Мирскаго, провозгласившаго эпоху довѣрiя, эпоху весны. Русскiй либерализмъ поспѣшилъ воспользоваться моментомъ, чтобы сорганизоваться въ общественную силу и въ то же время воздѣйствовать на правительство путемъ организованныхъ проявленiй общественнаго мнѣнiя. Этимъ цѣлямъ послужили земскiй съѣздъ 6-го ноября и банкетная кампанiя. Какъ бы слабы и блѣдны ни были формулированныя тамъ и тутъ требованiя, но всѣ они исходили изъ основного положенiя — необходимости коренной политической реформы. Да и самая форма выступленiй — доступныя собранiя, открытыя рѣчи и заявленiя, собравшiйся вопреки запрещенiю съѣздъ, новый тонъ, взятый печатью — волновали, возбуждали, подымали настроенiе широкихъ круговъ интеллигенцiи и либеральнаго земства, впервые сплоченно выступившихъ на открытой политической аренѣ.

Русскiй либерализмъ, которому впервые послѣ столькихъ лѣтъ реакцiи удалось болѣе или менѣе возвысить свой голосъ, торжествовалъ и ждалъ дальнѣйшаго проявленiя бюрократическаго довѣрiя; а чтобы не испугать правительство, дѣлавшее по его мнѣнiю первые робкiе конституцiонные шаги, онъ устами Стаховича сталъ умолять революцiонныя организацiи воздержаться отъ какихъ-либо активныхъ выступленiй и не толкать правительства въ объятiя реакцiи. Но тамъ, гдѣ все клокочетъ и грозитъ взрывомъ, нельзя открывать клапаны, если не хочешь, чтобы вышли всѣ пары; свобода для верхнихъ слоевъ силою вещей влечетъ за собою свободу и для низшихъ. Когда правительство это поняло, поняло, что оно играло съ огнемъ, то было уже поздно: на ряду съ умѣренными элементами общества сдвинулась съ мѣста и болѣе демократическая оппозицiя. Несмотря на тѣ препятствiя, которыя чинили устроители банкетовъ — общественные дѣятели, — городская демократiя все въ бóльшемъ и бóльшемъ количествѣ заполняла банкетныя собранiя. Однако, ноябрьское движенiе оставалось движенiемъ либеральной буржуазiи, земцевъ и радикальной

интеллигенціи. Соціалъ-демократическая организація старалась, правда, принимать въ ней участіе «отъ имени революціоннаго пролетаріата», энергично настаивая на бо̀льшей рѣзкости и опредѣленности политическихъ требованій, на включеніи пунктовъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, свободѣ стачекъ, Учредительномъ Собраніи; кое-гдѣ даже были попытки самостоятельнаго выступленія революціонныхъ организацій (демонстраціи въ Кіевѣ, Москвѣ, Петербургѣ), но въ общемъ и цѣломъ низы оставались иногда любопытствующими, иногда волнующимися, но всегда только пассивными зрителями. Для широкой массы пролетаріата вся эта банкетная кампанія съ рѣчами и спорами, вертѣвшимися вокругъ деталей политической программы, была чужда и непонятна, и разумный самъ по себѣ призывъ «Искры» къ использованію рабочими банкетной кампаніи не могъ стать политически дѣйственнымъ лозунгомъ. Да соціалъ-демократія и не имѣла въ виду оказать своимъ вмѣшательствомъ давленіе на оппозиціонные элементы, побудить ихъ къ болѣе яркимъ политическимъ дѣйствіямъ, къ *организаціонному оформленію общественныхъ силъ; ей нужно* было подчеркнуть классовую самостоятельность пролетаріата, противопоставить его, какъ классъ революціонный по существу, трусливой буржуазіи; фактически же участіе соціалъ-демократіи свелось къ простому противопоставленію революціонно-демократическаго крыла освободительнаго движенія либерально-оппозиціонному крылу его. Политическіе *результаты предпринятой соціалъ-демократіей кампаніи были* ничтожны, ибо не было на лицо того, что единственно могло произвести впечатлѣніе на буржуазію и правительство — не было массоваго выступленія рабочихъ. Вся кампанія была построена на знакомомъ намъ принципѣ замѣстительства: соціалъ-демократическая интеллигенція выступала, грозила, требовала отъ имени пролетаріата, а пролетаріатъ отсутствовалъ. *И это вполнѣ понятно: лозунги и требованія соціалъ-демократіи* еще не были лозунгами пролетаріата; политическое сознаніе его было еще не настолько высоко, чтобы осмыслить ихъ, сдѣлать ихъ своими. Эти лозунги не

претворялись для него въ плоть и кровь и не могли поэтому вызвать его на открытое выступленіе.

Прошедшая совершенно незамѣтно и не оставившая послѣ себя никакихъ слѣдовъ въ пролетаріатѣ земская и банкетная кампанія, по плану «Искры», имѣла зато большія послѣдствія для самой соціалъ-демократической организаціи. Она показала, что корень фракціонныхъ разногласій кроется не въ организаціонномъ вопросѣ, а гораздо *глубже, въ области вопросовъ политическихъ и тактическихъ.* Въ первой же кампаніи, имѣвшей цѣлью воздѣйствіе на ходъ политическаго движенія, сказались какъ бланкизмъ большевизма, такъ и принципіальная марксистская выдержанность меньшевизма — и вмѣстѣ съ тѣмъ его органическій порокъ — безпочвенность при данныхъ соціально-политическихъ условіяхъ. Тогда какъ меньшевизмъ *предлагалъ планъ дѣйствій, разсчитанный на использованіе* первыхъ проявленій открытой борьбы либерализма съ абсолютизмомъ для мобилизаціи пролетаріата въ качествѣ самостоятельной силы на открывшейся политической аренѣ, большевизмъ ограничивался отвлеченными положеніями о необходимости неуклонной борьбы пролетаріата противъ правительства, совершенно игнорируя конкретную политическую *ситуацію. Большевикамъ представлялся въ перспективѣ* мощный натискъ рабочихъ массъ, но вопросъ о томъ, какимъ путемъ втянуть эти массы въ политическую борьбу, чтобы этотъ натискъ оказался не стихійнымъ порывомъ, а сознательнымъ актомъ, совершенно не тревожилъ ихъ. Рабочимъ манифестаціямъ, связаннымъ съ выступленіями либеральной оппозиціи, имѣющимъ цѣлью оказать на нее *давленіе, они противопоставляютъ открытую пропаганду* передъ массами во время ея стихійныхъ выступленій.

Земская кампанія, какъ она понималась иниціаторами ея, была разсчитана на извѣстную политическую зрѣлость русской соціалъ-демократіи. Однако, соціалъ-демократическіе работники — какъ большевики, такъ и меньшевики — думали и стремились не столько къ оказанію давленія на *буржуазію, сколько къ разоблаченію ея.* Мысль о коорди-

нированіи дѣйствій соціалъ-демократіи и либеральной оппозиціи, навязывавшаяся всѣмъ ходомъ событій, не приходила въ голову даже самому правовѣрному меньшевику. Интеллигентская организація больше всего дорожила своей классовой чистотой и боялась запятнать ее соприкосновеніемъ съ либеральной буржуазіей. Въ результатѣ и большевистскія и меньшевистскія организаціи одинаково реагировали на ноябрьское оппозиціонное движеніе: «разоблаченіемъ» политической непослѣдовательности буржуазіи отъ имени россійскаго пролетаріата. Первая же политическая кампанія, самостоятельно выработанная меньшевиками и достойная по своей политической зрѣлости любой европейской рабочей партіи, оказалась безжизненной и потерпѣла неудачу, а несложная и прямолинейная пропаганда большевизма пришлась какъ разъ по плечу немногочисленному слою сознательныхъ рабочихъ и «сочувствующей» интеллигенціи. Несложное содержаніе, облекаемое въ революціонную фразу, надолго утвердило за большевиками славу революціоннаго крыла соціалъ-демократіи.

Политическая близорукость либеральныхъ круговъ была такъ велика, что безразличіе массъ не внушало имъ опасеній и сомнѣній въ силѣ и значительности движенія; они серьезно думали, что своими резолюціями заставляли самодержавіе капитулировать. И, понятно, ошибались. Бюрократія сходитъ съ исторической сцены не убѣжденная, а побѣжденная. Какъ только правительство убѣдилось, что «свобода», вмѣсто того, чтобы пріобрѣсти ему поддержку имущихъ слоевъ, служитъ опорнымъ пунктомъ организаціи демократіи, оно сейчасъ же измѣнило фронтъ. Вмѣсто жданной коренной реформы государственнаго управленія былъ опубликованъ 12 декабря 1904 года знаменитый указъ, возвѣщающій, что все остается по старому. Указъ этотъ былъ столь же неожиданнымъ, сколько и тяжелымъ ударомъ для разгоряченнаго воображенія размечтавшихся либераловъ. Намѣчая цѣлый рядъ реформъ въ области управленія, онъ совершенно не упоминалъ о какомъ-либо преобразованіи центральной государственной власти, о привле-

ченіи какого-либо представительнаго элемента. Это молчаніе было глубоко знаменательно: оно говорило о томъ, что правительство желаетъ укрѣпить свое положеніе палліативами, но произвести эту работу вполнѣ самостоятельно, не ища опоры въ опредѣленныхъ общественныхъ слояхъ и ничѣмъ не поступаясь въ ихъ пользу. Сверхъ того, черезъ два дня послѣдовало правительственное сообщеніе, угрожавшее земствамъ карами за поднятіе вопросовъ, не подлежащихъ ихъ компетенціи...

Либеральная буржуазія, либеральные земцы были поражены; почва ускользала изъ-подъ ихъ ногъ. Ихъ кампанія не привела ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, а иныхъ средствъ воздѣйствія въ ихъ распоряженіи не было... Но какъ разъ въ этотъ моментъ выступила на сцену новая общественная сила, сдвинувшая и правительство, и общество съ созданной указомъ 12-го декабря позиціи, сразу же переведшая напряженное состояніе въ острый кризисъ: заговорилъ пролетаріатъ. Правда, бакинская массовая забастовка, которую мы здѣсь имѣемъ въ виду, не была еще той стихіей, которая разрѣшила бы кризисъ, разрядила бы атмосферу; это былъ лишь первый громовой ударъ, предвозвѣстникъ грядущихъ январьскихъ раскатовъ.

XI.

Во внѣшней исторіи русскаго освободительнаго движенія 9 января представляется грандіознымъ внезапнымъ взрывомъ, никѣмъ не ожидавшимся, ничѣмъ не подготовленнымъ. Однако, болѣе внимательное изученіе настроеній рабочей массы показываетъ, что взрыву предшествовала долгая и упорная работа подземныхъ силъ — работа мысли и чувства пролетаріата. И не Гапонъ и его общество создали 9-ое января, а пожалуй они скорѣе сами явились порожденіемъ этого внутренняго процесса.

Мы уже указывали, что во время земской и банкетной кампаніи рабочіе (если не считать той небольшой кучки, которая входила въ составъ революціонныхъ организацій)

оставались пассивными зрителями происходящаго; но все же неправильно было бы думать, что общее оживленіе не коснулось ихъ. Именно на этомъ фонѣ общественнаго возбужденія прошла такъ дружно, съ такимъ подъемомъ и произвела такое сильное впечатлѣніе бакинская декабрьская забастовка; именно въ эти осенніе мѣсяцы 1904 года гапоновское «Общество русскихъ фабрично-заводскихъ рабочихъ» стало превращаться въ массовую рабочую организацію. Оно возникло еще въ 1903 году. Какъ и зубатовскія общества, оно было вызвано къ жизни потребностью широкихъ массъ въ открытой широкой организаціи. Возникши по иниціативѣ нѣкоторыхъ интеллигентныхъ рабочихъ — рабочихъ безусловно честныхъ и чувствовавшихъ потребность въ культурномъ общеніи, это общество развивалось вмѣстѣ съ развитіемъ массъ. Первое время гапоновское общество привлекало лишь незначительный кругъ сѣрыхъ, отсталыхъ элементовъ, съ почтеніемъ относящихся ко всякому «умственному» слову. Организаціонное и идейное руководство находилось въ рукахъ такъ наз. «штабныхъ», людей, искренно желавшихъ служить дѣлу рабочаго класса, довольно развитыхъ, нерѣдко раздѣлявшихъ взгляды соціалъ-демократіи, но считавшихъ необходимымъ по тактическимъ соображеніямъ примѣняться къ условіямъ времени. Они глубоко сожалѣли о своемъ расхожденіи съ официальной соціалъ-демократіей, но находили, что путь открытаго выступленія хоть и ослабляетъ видимую радикальность, но скорѣй приведетъ къ желанной цѣли — освобожденію рабочаго класса. Между штабомъ и Гапономъ часто происходили недоразумѣнія. Штабъ категорически потребовалъ отъ Гапона разрыва съ Охраннымъ Отдѣленіемъ, и по его настоянію были удалены изъ о-ва сторонники извѣстнаго зубатовца Ушакова. По мѣрѣ роста вліянія о-ва на рабочихъ, тренія между Гапономъ и штабомъ усиливались. Несмотря на такія благопріятныя условія для борьбы за вліяніе и руководство обществомъ, партійные рабочіе съ презрѣніемъ отворачивались отъ него, какъ отъ чего-то мелкаго, недостойнаго ихъ вниманія, стоявшіе же въ сто-

ронѣ отъ партіи культурные и сознательные рабочіе вначалѣ смотрѣли на него съ нѣкоторой опаской, какъ на зубатовское, и сторонились его. О томъ же, чтобы воспользоваться имъ, какъ орудіемъ воздѣйствія на массу, въ цѣляхъ политическаго воспитанія, не думали ни тѣ ни другіе. Осенью 1904 года картина рѣзко измѣнилась. Когда военные разгромы, открытые разговоры о хищеніяхъ и злоупотребленіяхъ, о бездарности и безотвѣтственности центральной власти, общіе толки о свободѣ заставили рабочихъ особенно остро почувствовать свое безправіе и экономическое рабство, когда волна общественнаго оживленія охватила и ихъ, они пошли не на либеральные банкеты, не на устраиваемыя революціонными организаціями демонстраціи: они пошли — вѣрнѣй повалили — въ гапоновское общество. Къ концу декабря Собраніе имѣло уже 11 отдѣловъ и около 8000 членовъ. Тамъ рабочіе чувствовали себя въ своей рабочей средѣ, тамъ могли они свободно, безъ стѣсненія и контроля говорить о своихъ наболѣвшихъ нуждахъ, отъ самыхъ мелкихъ до крупныхъ и важныхъ, встрѣчая откликъ, вниманіе и сочувствіе. И они говорили, высказывались... Иной потребности, потребности въ дѣйствіи, въ борьбѣ они пока не ощущали. И лишь по мѣрѣ того, какъ росла притягательная сила гапоновской организаціи, какъ она превращалась въ массовую организацію, рабочіе начинали сознавать, что они сейчасъ нѣчто большее, чѣмъ простое собраніе людей, что они въ состояніи оказывать давленіе, защищать другъ друга, сопротивляться. Въ раскаленной атмосферѣ политическаго возбужденія, общенаціональнаго недовольства разорительной войной, рабочіе силой вещей не могли оставаться пассивными зрителями; недовольство заражало и ихъ. Это соотвѣтственно отразилось на дѣятельности гапоновскаго общества. Либерализмъ правительственной весны даетъ Гапону возможность пойти навстрѣчу настроенію рабочихъ; мало-по-малу онъ расширяетъ программу бесѣдъ и собраній въ рабочихъ отдѣлахъ. Ораторы все чаще и чаще связывали экономическія требованія рабочихъ съ необходимостью коренныхъ

политическихъ реформъ. Аудиторія, еще недавно совсѣмъ равнодушная къ политикѣ, враждебно встрѣчавшая ораторовъ, выходившихъ за предѣлы узкаго круга бытовыхъ интересовъ, теперь неистово апплодируетъ тѣмъ, кто рѣзко бичуетъ полицейскій режимъ. Чувствовалось, что при первомъ же конфликтѣ вся накопившаяся энергія выльется наружу... Вотъ почему незначительный инцидентъ на Путиловскомъ заводѣ — увольненіе двухъ членовъ Общества — вызвалъ такое энергичное вмѣшательство Нарвскаго отдѣла, а къ забастовавшимъ путиловцамъ въ 1—2 дня дружно присоединился весь рабочій Петербургъ. Ими руководило не одно только чувство солидарности, общности интересовъ, но и — неосознанное, конечно — стремленіе заявить всему внѣшнему міру то, что они раньше говорили другъ другу. Изъ этого стремленія и родилась идея Гапона о петиціи и шествіи къ царю и упала на благодарную почву политическаго суевѣрія массы.

Въ развитіи январьскаго движенія петиція сыграла ту роль, что заставила массу перевести свой вопль и ропотъ на языкъ конкретныхъ требованій. Значительная доля этой работы была выполнена соціалъ-демократическими рабочими и агитаторами, вовлеченными въ движеніе забастовкой. Они вносили въ текстъ гапоновской петиціи бо́льшую опредѣленность и принципіальность, выясняли рабочимъ необходимость и смыслъ политическихъ лозунговъ и довели постепенно массу до усвоенія такого крайняго лозунга, какъ Учредительное Собраніе.

Здѣсь будетъ у мѣста сказать нѣсколько словъ о роли соціалъ-демократіи въ январьскіе дни. Ничто такъ ярко и наглядно не показало той пропасти, которая отдѣляла соціалъ-демократію отъ рабочаго класса, какъ январьскія событія 1905 г. Они рельефнѣй всего демонстрировали ту разобщенность, которая существовала между ними, еще разъ подчеркнули, что только широкая организація, тѣсно связанная съ рабочими массами и основанная на ихъ самодѣятельности, можетъ обладать необходимой гибкостью, чтобы оріентироваться въ быстро смѣняющихся политическихъ ситуаціяхъ и настроеніяхъ. Событія громадной важности, всколыхнувшія даже низы рабочихъ и ставшія отправнымъ пунктомъ широкаго революціоннаго движенія, явились для соціалъ-демократіи полной неожиданностью. Замкнутая въ своей скорлупѣ, она не замѣтила ни зарожденія, ни развитія движенія; огромная эволюція, совершавшаяся въ умахъ пролетаріата, совершенно ускользнула отъ ея вниманія. Рабочій классъ и «рабочая партія» говорили въ этотъ историческій моментъ на разныхъ языкахъ. «Выходецъ изъ пропитанной всѣми предразсудками суевѣрія, невѣжества и холопства среды русскаго духовенства священникъ Георгій Гапонъ», а не соціалъ-демократія, работавшая въ пролетаріатѣ болѣе десяти лѣтъ, становится вдохновителемъ и руководителемъ рабочаго движенія. Соціалъ-демократія не только сторонилась отъ гапоновскаго общества, но даже удерживала рабочихъ отъ участія въ немъ, призывала къ бойкоту его. Только тогда, когда призывъ гапоновскаго общества сдѣлалъ то, о чемъ не смѣла и мечтать соціалъ-демократія со своей революціонной пропагандой, когда весь Петербургъ забастовалъ, какъ одинъ человѣкъ, и въ помѣщеніяхъ гапоновскихъ отдѣловъ стали раздаваться рѣчи о борьбѣ и свободѣ, когда вся атмосфера была уже насыщена электричествомъ, соціалъ-демократія направилась сюда. Неудивительно, что рабочая аудиторія сначала встрѣтила соціалъ-демократовъ недовѣрчиво и даже прямо враждебно. Съ большимъ трудомъ имъ удалось расположить къ себѣ аудиторію, добиться отъ нея хоть нѣкотораго довѣрія. Гораздо хуже было то, что они встрѣтились здѣсь съ уже готовой формой движенія, съ уже выработанной программой выступленія, вполнѣ соотвѣтствовавшей психологіи рабочей массы, но съ точки зрѣнія соціалъ-демократіи — нереволюціонной, ложной и пагубной. И, однако, если они желали имѣть хоть малѣйшее вліяніе на ходъ событій, воздѣйствовать на рабочихъ, выясняя имъ смыслъ ихъ же собственныхъ требованій, имъ приходилось считаться съ этими формами, какъ съ данными, мириться съ тѣмъ, что тре-

бованіе Учредительнаго Собранія и другія будутъ обращены въ видѣ мольбы къ самодержавному правительству, какъ къ высшей инстанціи. Мало того: имъ пришлось самимъ призывать рабочихъ къ шагу, который, какъ они не могли не сознавать, долженъ былъ кончиться катастрофой. Стихійная сила массоваго рабочаго движенія поработила соціалъ-демократовъ, растворила ихъ въ себѣ; стихія мстила за себя, за то, что ею такъ долго, такъ упорно пренебрегали.

Январьское историческое выступленіе рабочихъ, со столь же исторической петиціей, совершенно ясно свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что рабочій классъ далеко еще не созрѣлъ для самостоятельной политической роли въ качествѣ опредѣленнаго класса съ рѣзко очерченной классовой позиціей. Движеніе носило характеръ революціонно-демократическій. Его отдѣляло отъ либеральной оппозиціи требованіе Учредительнаго Собранія и формы массоваго народнаго движенія. Но вѣдь и то и другое не является исключительной привилегіей пролетаріата. Не говоря уже о буржуазныхъ революціяхъ Западной Европы, даже у насъ чуткій барометръ настроеній и желаній буржуазнаго общества — студенчество — гораздо раньше провозгласило лозунгъ Учредительнаго Собранія; оно же пустило въ ходъ демонстраціи, какъ обычный способъ протеста. Больше того — требованіе Учредительнаго Собранія включено въ программу либеральнаго Союза Освобожденія; оно входило въ резолюціи собраній разночинной интеллигенціи въ періодъ банкетной кампаніи. Лишь соціалъ-демократія вкладывала въ требованіе Учредительнаго Собранія особый смыслъ, связывала съ нимъ представленіе о революціонной борьбѣ; для рабочихъ же такого сопоставленія не существовало: въ политическомъ сознаніи ихъ, какъ и буржуазнаго общества, тогда еще вполнѣ укладывалось представленіе объ Учредительномъ Собраніи, созванномъ верховной властью. Это видно изъ той петиціи, съ которой обратились рабочіе къ верховной власти: «Государь!.. не откажи въ помощи твоему народу, выведи его

изъ могилы безправія, нищеты и невѣжества, дай ему возможность самому вершать судьбу свою, сбрось съ него невозможный гнетъ чиновниковъ, разруши стѣну между тобой и твоимъ народомъ — и пусть онъ правитъ страной вмѣстѣ съ тобой. Вѣдь ты поставленъ на счастье народа... Государь!.. Повели немедленно, сейчасъ же призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ сословій... пусть каждый будетъ равенъ и свободенъ въ правѣ избранія; а для того повели, чтобы выборъ въ Учредительное Собраніе происходилъ Всеобщей, Тайной и Равной подачей голосовъ...» Въ тотъ моментъ всеобщаго подъема гапоновскую петицію любили называть манифестомъ революціоннаго пролетаріата; но мы видимъ, что петиція въ сущности простодушно повторяетъ избитыя либеральныя фразы насчетъ уничтоженія «средостѣнія» и возможности «сліянія чрезъ голову бюрократіи». «Неискушенная въ политической борьбѣ рабочая масса», пишетъ Ф. Данъ, «не думаетъ еще объ огражденіи своихъ классовыхъ пролетарскихъ интересовъ и услужливо подсовываемую ей славянофильскую труху принимаетъ за чистое золото политической свободы для народа». Такимъ образомъ движеніе пролетаріата въ описываемый періодъ ничѣмъ не отличалось отъ общенароднаго движенія. И это чувствовало буржуазное общество; оно еще не видѣло въ рабочемъ движеніи угрозы себѣ и восприняло разстрѣлъ рабочихъ, какъ ударъ, нанесенный всему освободительному движенію. И въ попыткахъ буржуазной интеллигенціи наканунѣ катастрофы овладѣть движеніемъ, и въ крикахъ протеста и возмущенія, раздавшихся послѣ нея, совершенно отсутствовала обычная для буржуазіи нотка паническаго страха передъ натискомъ массъ.

Если 9-ое января все же сыграло объективно такую колоссальную роль въ революціонномъ и въ особенности въ рабочемъ движеніи, если можно называть его первымъ днемъ революціи, то только потому, что оно подобно войнѣ, показавшей всю матеріальную гниль самодержавнаго правительства, обнажило всю моральную гниль его, потому,

что власть, къ которой пролетаріатъ обращалъ свои просьбы, стала передъ нимъ, какъ рѣзко, непримиримо враждебная сила и, разстрѣлявши его иллюзіи, безповоротно толкнула его на путь революціи. 9-ое января показало революціонную мощь массоваго рабочаго движенія, несовмѣстимость его съ данными формами правленія, даже при самомъ искреннемъ монархизмѣ составляющихъ его единицъ. Въ этотъ день свершился разрывъ русскаго рабочаго класса съ исторической властью, съ этого дня начинается открытое революціонное движеніе его.

XII.

Періодъ съ 9-го января до октябрьской всеобщей забастовки можно назвать революціонной мобилизаціей пролетаріата. Роковое воскресеніе пробудило въ пролетаріатѣ чувство классовой солидарности. Рядъ политическихъ забастовокъ, демонстрацій и самихъ по себѣ мелкихъ экономическихъ конфликтовъ и стачекъ представляются объективному наблюдателю мощнымъ потокомъ, охватывающимъ постепенно всю рабочую Россію, отъ самыхъ передовыхъ до самыхъ отсталыхъ группъ. Лишь мѣстами соціалъ-демократіи удается наложить печать сознательности на эту стихію. Только на окраинахъ, въ районахъ Бунда, латышской С.-Д., П. П. С. и С.-Д. Польши и Литвы, а также и на Кавказѣ соціалъ-демократія идетъ нога въ ногу съ дѣйствительными порывами рабочей массы, во всѣхъ же другихъ мѣстностяхъ движеніе развивалось совершенно независимо отъ ея вліянія. Тамъ, гдѣ существовали кой-какія легальныя организаціи — кассы взаимопомощи и т. д., и онѣ были увлечены общимъ потокомъ рабочаго движенія. Большинство изъ нихъ покидаетъ обывательскую позицію и становится центромъ профессіональной, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и общеполитической борьбы.

Оживились и уцѣлѣвшія со временъ Зубатова легальныя рабочія общества. Нѣкоторыя изъ нихъ, — главнымъ образомъ, московскія, — вѣрныя своимъ традиціямъ, старались удержать возбужденную рабочую массу въ рамкахъ экономической борьбы. Когда появилась извѣстная записка московскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ, зубатовцы устроили для обсужденія ея рядъ легальныхъ собраній, на которыхъ политическимъ требованіямъ промышленниковъ противополагались экономическія требованія рабочихъ. Такъ, напр., требованіе неприкосновенности личности было замѣнено требованіемъ уничтоженія фабричныхъ обысковъ и т. д. Иную позицію заняло свободное отъ зубатовскихъ традицій харьковское «Общество взаимопомощи лицъ, занимающихся ремесленнымъ трудомъ». Резолюція общаго собранія этого О-ва, вынесенная послѣ предварительнаго обсужденія на цѣломъ рядѣ частныхъ собраній, также ставила во главу угла экономическія требованія рабочихъ, но указывала, въ качествѣ необходимой для ихъ осуществленія предпосылки, на политическую свободу и созывъ Учредительнаго Собранія. Харьковская резолюція получила широкую огласку, и къ ней присоединились рядъ рабочихъ обществъ и отдѣльныхъ рабочихъ собраній. Такъ въ Одессѣ на созванномъ независимцами 3 мая собраніи предсѣдатель предложилъ присоединиться къ резолюціи харьковскаго общества; однако, присутствовавшіе соціалъ-демократы внесли контръ-предложеніе — присоединиться къ манифесту выборщиковъ въ комиссію Шидловскаго, и въ результатѣ бурныхъ преній обѣ резолюціи были отвергнуты. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что умѣренность, проявляемая легальными обществами, въ значительной степени объяснялась тѣмъ, что соціалъ-демократы въ свое время не заботились о вхожденіи въ эти общества и о пріобрѣтеніи въ нихъ вліянія. Поэтому въ обществахъ сосредоточились болѣе умѣренные и политически пассивные элементы, достаточно однако устойчивые и самостоятельные, чтобы вести свою линію и не поддаваться соціалъ-демократическому воздѣйствію извнѣ. Отсюда и получалось, что передъ широкой массой соціалъ-демократія и рабочія общества выступали въ качествѣ противниковъ, и часто послѣднія, именно благодаря своему авторитету рабочихъ обществъ,

одерживали верхъ надъ посторонними рабочей массѣ «агитаторами». Не ограничиваясь резолюціями, нѣкоторыя рабочія организаціи начинаютъ подумывать о консолидаціи и организаціонномъ объединеніи рабочаго движенія. Московское «О-во взаимопомощи рабочихъ 9-и производствъ» носится съ мыслью о созданіи союза обществъ взаимопомощи съ исполнительнымъ органомъ во главѣ. Харьковское О-во подняло вопросъ о съѣздѣ представителей рабочихъ обществъ взаимопомощи, и вопросъ этотъ горячо обсуждается въ рабочихъ кругахъ.

Главнымъ пріобрѣтеніемъ этого періода является помимо цѣнныхъ экономическихъ завоеваній то, что рабочіе прошли школу организованныхъ совмѣстныхъ выступленій, усвоили рядъ навыковъ, даваемыхъ опытомъ коллективной борьбы. Всего же важнѣе то, что мощный шквалъ одновременныхъ и однохарактерныхъ забастовокъ на фонѣ событій 9-го января производилъ впечатлѣніе всероссійскаго движенія. Это впечатлѣніе усиливалось тѣмъ единодушіемъ, съ какимъ всюду къ локальнымъ и частнымъ экономическимъ требованіямъ рабочіе присоединяли тѣ или иныя политическія требованія не столько ради возможныхъ результатовъ, сколько изъ желанія демонстрировать свою солидарность съ петербургскими рабочими, часто даже съ прямой ссылкой на 9-ое января и борьбу петербургскихъ рабочихъ. Возросла также и воспріимчивость рабочей массы къ политической агитаціи, возросъ интересъ къ общественной жизни, усилилась напряженность и ожиданіе великихъ событій.

Какъ выступленіе петербургскихъ рабочихъ 9-го января, такъ и послѣдовавшая за нимъ, прокатившаяся по всей Россіи волна массовыхъ забастовокъ и демонстрацій сыграли, конечно, колоссальную роль не только для самихъ рабочихъ, но и вообще для всего россійскаго освободительнаго движенія. Рабочее движеніе вывело либерализмъ изъ того тупика, въ которомъ онъ очутился въ декабрѣ 1904 г., когда въ результатѣ банкетной и резолюціонной атаки на правительство получился указъ 12-го декабря.

Послѣ 9 января буржуазная оппозиція стала въ своихъ организаціонныхъ и политическихъ шагахъ выходить за предѣлы юридическихъ рамокъ полицейскаго государства и перестала прикрывать свою программу легкимъ славянофильскимъ флеромъ. Она открыто и недвусмысленно требуетъ теперь конституціонной реформы, дѣлаетъ попытку выработать рабочую и аграрную программу и безъ стѣсненія грозитъ старой власти ураганомъ народнаго гнѣва. Стоитъ только сравнить резолюціи майскаго съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей съ ноябрьскими 11-ью пунктами, чтобы вполнѣ оцѣнить тотъ переломъ, который произошелъ въ политическомъ настроеніи либеральной буржуазіи. Сравнивая земскую кампанію соціалъ-демократіи съ январьскимъ выступленіемъ рабочей массы, Череванинъ говоритъ: «И когда оглядываешься теперь назадъ, какими жалкими эти выступленія кажутся по сравненію съ историческимъ движеніемъ 9 января, возникшимъ неожиданно для большинства партій, не ставившимъ себѣ цѣлью производить какое-либо давленіе на либераловъ, но въ то же время передвинувшимъ широкіе либеральные и демократическіе круги влѣво, въ сторону болѣе рѣшительныхъ демократическихъ лозунговъ» *).

Среди самого пролетаріата тоже все время шелъ процессъ перерожденія, и массы росли въ своемъ революціонномъ сознаніи, что называется, не по днямъ, а по часамъ. Каждое новое пораженіе русской арміи и флота, каждая жестокая расправа полиціи или войска, такія вспышки, какъ бунтъ черноморскихъ матросовъ, наэлектризовывали пролетарскія массы, усиливали ея убѣжденіе въ неизбѣжности открытаго столкновенія и сознаніе, что ей придется играть въ послѣднемъ активную и далеко не второстепенную роль.

Къ этому времени можно въ сущности отнести первое знакомство рабочей массы съ соціалъ-демократіей, какъ съ реально существующей организаціей; можно уже до нѣ-

---

*) „Пролетаріатъ въ революціи", стр. 21.

которой степени говорить объ идейномъ вліяніи послѣдней. Но это было и оставалось вліяніемъ извнѣ. Въ своемъ большинствѣ рабочіе смотрѣли на соціалъ-демократію, какъ на группу хорошихъ, старающихся для нихъ людей, услугами которыхъ они не прочь воспользоваться, но не чувствовали между ней и собой внутренней связи. Мысль о томъ, что соціалъ-демократическая партія можетъ и должна стать ихъ, рабочей партіей, совершенно не приходила имъ въ голову. Они охотно слушали соціалъ-демократическихъ ораторовъ, охотно читали соціалъ-демократическіе листки, проявляли большой интересъ къ партійнымъ лозунгамъ, но совсѣмъ не считали необходимымъ участвовать въ ихъ проведеніи. Голосуя за то или иное радикальное предложеніе соціалъ-демократіи, масса не столько руководилась яснымъ сознаніемъ, сколько повиновалась революціонному настроенію. Въ ней отсутствуетъ пока стремленіе къ организаціи, къ прочному закрѣпленію тѣхъ связей и зачаточныхъ организаціонныхъ формъ, которыя возникаютъ спорадически въ острые моменты.

Каждая болѣе или менѣе крупная стачка вызывала къ жизни собранія выборныхъ, делегатскіе совѣты и т. д.; но стачка кончалась, жизнь входила въ обычную колею, и совѣты распадались. Созданіе постоянныхъ учрежденій, какъ на паровозостроительномъ заводѣ въ Харьковѣ, на Семяниковскомъ въ Петербургѣ — единичныя явленія. Довольно сильныя тенденціи къ прочному профессіональному объединенію замѣчаются преимущественно среди ремесленныхъ рабочихъ и полу-пролетарскихъ элементовъ: въ Петербургѣ организуются и существуютъ открыто или полулегально союзы конторщиковъ, приказчиковъ, фармацевтовъ, портныхъ, сапожниковъ, часовщиковъ; въ Москвѣ — союзъ рабочихъ и служащихъ городскихъ предпріятій, столяровъ, желѣзнодорожниковъ. Главная же масса русскаго пролетаріата — фабрично-заводскіе рабочіе — остается внѣ рамокъ постоянной организаціи. Только типографскіе рабочіе сумѣли создать всероссійскую сѣть нелегальныхъ профессіональныхъ организацій, сыгравшихъ впослѣдствіи

крупную роль въ возникновеніи и развитіи октябрьскаго движенія. Этой своей неорганизованностью рабочее движеніе 1905 г. отличается отъ движенія буржуазной демократіи, спѣшившей организоваться во всевозможные профессіонально-политическіе союзы и тѣмъ создать себѣ прочные опорные пункты.

Въ то время, какъ для русской провинціи 9-ое января было потрясеніемъ, толкнувшимъ непочатую рабочую массу помимо ея воли и сознанія на арену политической и соціальной борьбы, въ Петербургѣ горькій опытъ рокового воскресенья былъ учтенъ пролетаріатомъ въ выступленіи, связанномъ съ такъ называемой комиссіей Шидловскаго, бюрократическимъ экспериментомъ, которымъ правительство надѣялось расколоть рабочихъ, оторвавъ отъ движенія умѣренные элементы. Это выступленіе — выборы уполномоченныхъ, срывъ комиссіи — слѣдуетъ считать первой политической кампаніей, т. е. сознательнымъ и разсчитаннымъ шагомъ россійскаго пролетаріата, показавшимъ его способность не къ однимъ только вспышкамъ, но и къ планомѣрной политической дѣятельности. Подготовительная работа по выборамъ, сами выборы, собранія и дѣятельность избранныхъ уполномоченныхъ показали, насколько рабочіе поднялись надъ своей январьской точкой зрѣнія, насколько они теперь, даже предъявляя въ сущности тѣ же требованія, что въ петиціи, стоятъ уже на революціонной почвѣ.

Соціалъ-демократія того времени склонна была приписывать себѣ лавры этой кампаніи; но такое утвержденіе нуждается въ очень и очень большихъ оговоркахъ. Начать хотя бы съ того, что въ дѣйствительности всего около 20% выборщиковъ были организованными соціалъ-демократами, а остальные были просто передовые и сознательные рабочіе, часто изъ числа активныхъ членовъ гапоновскихъ отдѣловъ. А главное, выступая передъ рабочими съ пропагандой опредѣленной тактической линіи — предъявленія сенатору Шидловскому ультиматума и срыва

комиссіи, соціалъ-демократы — по крайней мѣрѣ петербургскіе большевики — совершали въ сущности компромиссъ со своей политической совѣстью, приспособлялись къ уровню и настроенію массъ. Ихъ взглядамъ и навыкамъ наиболѣе отвѣчало непримиримо-отрицательное отношеніе къ правительственной *ловушкѣ, т. е. бойкотъ; но предлагать* бойкотъ широкой массѣ, явно ждавшей отъ комиссіи удовлетворенія своихъ наболѣвшихъ нуждъ, облегченія своего положенія, они не смѣли. По словамъ члена III-го съѣзда Лѣскова, Петербургскій комитетъ началъ свою агитацію, когда часть выборщиковъ уже была рабочими избрана, и такимъ образомъ прозѣвалъ нужный моментъ для начала кампаніи противъ какого бы то ни было участія рабочихъ въ комиссіи. «Поневолѣ приходилось агитировать за участіе въ выборахъ и отказъ въ работахъ комиссіи». А взявшій на себя защиту Петербургскаго комитета Филипповъ говоритъ: «Споровъ не было, что надо бойкотировать комиссію. Но ограничиться выпускомъ листковъ о бойкотѣ хотя и отвѣчало бы общему принципу нашей тактики, привело бы къ тому, что выборы прошли бы безъ участія комитета. Избиратели колебались, думали, что комиссія что-нибудь дастъ полезное для рабочихъ, — правительство вѣдь тоже агитируетъ. Стремленіе со стороны рабочихъ участвовать въ выборахъ было несомнѣнно. Намъ предстояло или стоять въ сторонѣ отъ предвыборной агитаціи или показать на дѣлѣ фальшивость и обманчивость правительственной политики. А это можно было сдѣлать лишь принявши участіе въ выборахъ, проведя сознательныхъ рабочихъ въ число выборщиковъ, предъявивъ требованія къ комиссіи, которыя несомнѣнно не будутъ исполнены»*). И мы сильно сомнѣваемся, чтобы даже *такая приспособленная* тактика соотвѣтствовала ожиданіямъ петербургскихъ рабочихъ; врядъ ли послѣдніе провели такъ дружно выборы уполномоченныхъ ради простой демонстраціи. Правильнѣй будетъ думать, что уполномоченные — сливки петер-

*) Протоколы III съѣзда, стр. 151 и 156.

бургскаго пролетаріата — оказались въ бо̀льшей степени, чѣмъ масса, доступными организованной агитаціи и обаянію продуманнаго и революціонно обоснованнаго плана.

Что касается меньшевиковъ, то органъ ихъ «Искра» настоятельно совѣтовалъ использовать комиссію Шидловскаго и выборы въ нее для организаціи всероссійской кампаніи съ цѣлью созданія рабочаго представительства. Несмотря на это, меньшевистская организація Петербурга фактически проводила ту же линію, что и большевики. Ей казался желательнымъ срывъ комиссіи не выборщиками, а депутатами, которые должны были бы въ первомъ же засѣ*даніи комиссіи потребовать созыва Учредительнаго Собранія*. Отказъ выборщиковъ, однако, только обрадовалъ меньшевиковъ, такъ какъ и они считали, что въ сущности слѣдовало бы бойкотировать выборы въ цѣломъ. Правда, имъ не было чуждо сознаніе организующаго значенія выборовъ, но и у нихъ главнымъ мотивомъ, толкавшимъ ихъ къ участію, былъ страхъ оказаться отрѣзанными отъ массъ, недостаточно созрѣвшихъ для усвоенія лозунга бойкота. (См. въ № 92 «Искры», письмо изъ Петербурга).

Какъ бы то ни было, соціалъ-демократія уже видѣла себя мысленно во главѣ революціоннаго пролетаріата, штурмующаго твердыни самодержавія. Все вниманіе, вся работа мысли соціалъ-демократіи сосредоточилось на прогнозѣ будущихъ событій и главнымъ образомъ формъ развязки, политическаго «завтра». Дебаты вертѣлись исключительно вокругъ того, какъ то или другое теченіе представляло себѣ эту развязку. Большевики, какъ послѣдовательные бланкисты, считали, что политическій кризисъ можетъ быть разрѣшенъ только побѣдоноснымъ возстаніемъ, больше того — что революція уже уперлась въ возстаніе. Поэтому очередной политической задачей соціалъ-демократовъ является боевая подготовка возстанія, рабочій же классъ долженъ занять выжидательную позицію, собираться съ силами и ни въ коемъ случаѣ не растрачивать ихъ въ частичныхъ выступленіяхъ. Пролетаріатъ долженъ также *строго блюсти свою классовую самостоятельность*, воздер-

живаться отъ участія въ не-пролетарскихъ организаціяхъ и не создавать внѣ-партійныхъ рабочихъ организацій. «Мы партія класса, и потому весь классъ долженъ дѣйствовать подъ руководствомъ нашей партіи», гордо заявляетъ Ленинъ въ одномъ изъ своихъ произведеній. Такимъ образомъ вся политическая работа большевиковъ сводилась къ простой проповѣди вооруженнаго возстанія. Важно лишь то, что способствуетъ и ускоряетъ возстаніе; откидывается все, что замедляетъ, препятствуетъ его наступленію. Меньшевики также считали возстаніе неизбѣжнымъ и необходимымъ, какъ единственно-возможный исходъ революціоннаго конфликта народныхъ массъ съ классовымъ господствомъ реакціонныхъ соціальныхъ группъ; но они разсматривали его какъ результатъ длительнаго процесса мобилизаціи объективно-прогрессивныхъ общественныхъ силъ— въ первую очередь, конечно, пролетаріата — путемъ цѣлаго ряда частичныхъ выступленій. Такимъ выступленіемъ могли служить какъ митинги и демонстраціи, такъ и экономическія забастовки и, наконецъ, использованіе цѣлаго ряда легальныхъ учрежденій и созданіе нелегальныхъ профессіональныхъ ячеекъ. «Съ точки зрѣнія соціалъ-демократіи, содѣйствовать развитію классоваго сознанія пролетаріата и его классовой борьбы во всемъ его объемѣ, значитъ тѣмъ самымъ скорѣй всего приблизить моментъ народной революціи, значитъ тѣмъ самымъ лучше всего подготовиться къ ея использованію». (Мартыновъ, Двѣ диктатуры, стр. 10). Однако, на практикѣ меньшевики почти ничего не сдѣлали для претворенія своихъ взглядовъ въ жизнь. Наоборотъ, и они отводили большую роль революціонно-романтической пропагандѣ, разглагольствовали о террорѣ, о побѣдоносномъ вихрѣ народнаго гнѣва и т. п.; въ «Искрѣ» мы находимъ статьи о технической сторонѣ возстанія, которымъ было бы мѣсто на столбцахъ большевистскаго «Впередъ». Говоря постоянно объ организаціи общественныхъ силъ путемъ выступленій и наступленій, меньшевистскія организаціи обнаруживали на дѣлѣ полное отсутствіе революціонной инициативы, и ограничива-

лись все время тѣмъ, что пытались овладѣвать стихійными порывами массъ.

Много копій было поломано, много чернилъ было изведено и на споры объ использованіи побѣдоноснаго возстанія. Вопросъ объ участіи соціалъ-демократовъ во временномъ правительствѣ дебатировался въ партійной литературѣ, на III-емъ съѣздѣ и меньшевистской конференціи съ такой серьезностью и съ такой страстностью, какъ будто уже черезъ нѣсколько часовъ предстояло дать практическій отвѣтъ. Конечно, связанные съ этимъ вопросомъ дебаты о характерѣ русской революціи и о роли въ ней пролетаріата представляютъ большую теоретическую цѣнность, тѣмъ болѣе, что въ нихъ кристаллизовались оба основныхъ теченія русской соціалъ-демократической мысли — утопически-бланкистское и болѣе реалистическое, болѣе вѣрное марксизму. Позиція меньшевиковъ можетъ быть кратко опредѣлена слѣдующей формулой: «Партія классовой борьбы пролетаріата, россійская соціалъ-демократія, остается партіей революціонной оппозиціи по отношенію ко всѣмъ политическимъ режимамъ, выражающимъ собою организацію классоваго господства буржуазіи надъ пролетаріатомъ»*). Большевики же представляли себѣ въ результатѣ побѣдоносной революціи диктатуру пролетаріата и крестьянства, властно предписывающихъ буржуазіи опредѣленныя формы буржуазно-демократическаго общественнаго порядка. Но не все важное и цѣнное теоретически имѣетъ и политическую цѣнность; въ моменты политическаго подъема отъ дѣйствительной политической партіи ждутъ не только и не столько теоретическихъ построеній, сколько практическихъ и дѣйственныхъ директивъ. Въ этомъ отношеніи работы собравшихся весной 1905 г. фракціонныхъ съѣздовъ — большевистскаго, именовавшагося себя III-имъ партійнымъ, и меньшевистскаго — такъ называемой «первой обще-русской конференціей партійныхъ работниковъ», совершенно не оправдали ожиданій. Практическое содержаніе резолюцій третьяго

*) Изъ фельетона Л. М. въ „Искрѣ", № 93.

съѣзда исчерпывалось каталогомъ учрежденій и организацій, подлежащихъ бойкоту, и указаніемъ на грядущее вооруженное возстаніе, а меньшевистская конференція, выработанные которой лозунги не имѣли почвы ни въ конкретныхъ условіяхъ рабочаго движенія, ни въ насущныхъ запросахъ самой рабочей массы, дала, такимъ образомъ, лишь рядъ отвлеченныхъ, схематическихъ построеній.

Такъ, напримѣръ, меньшевики гордились своимъ призывомъ къ организаціи нелегальныхъ профессіональныхъ союзовъ, считали его «новымъ словомъ», а между тѣмъ, не говоря уже о внутреннемъ противорѣчіи между задачами профессіональнаго движенія и условіями нелегальнаго существованія, сопряженная съ такимъ строительствомъ кропотливая организаціонная работа была совершенно не по душѣ передовымъ рабочимъ, рвавшимся къ политической и просвѣтительной дѣятельности въ массахъ. Поэтому въ дѣйствительности работа мѣстныхъ организацій шла въ тѣхъ же старыхъ формахъ, пока массовое движеніе не открывало имъ новыхъ формъ и возможностей (сормовскіе и иваново-вознесенскіе клубы подъ открытымъ небомъ, революціонное самоуправленіе на Кавказѣ). Такъ «дѣлала революцію» русская соціалъ-демократія, пока событія всероссійской важности — указъ 6 августа о созывѣ Государственной Думы — не явились пробнымъ камнемъ политической дальнозоркости, политическаго такта соціалъ-демократіи.

XIII.

Цусимскій разгромъ вызвалъ въ высшихъ сферахъ настоящую панику. Съ гибелью Балтійской эскадры гибли послѣднія надежды правительства на болѣе или менѣе благополучной исходъ дальневосточной авантюры. Предстоялъ позорный миръ. Желая хоть нѣсколько смягчить ударъ, нанесенный національному самолюбію, и успокоить взволнованное общественное мнѣніе, правительство издаетъ указъ 6-го августа о созывѣ Государственной Думы. Манифестъ долженъ былъ примирить имущіе классы съ правительствомъ, облегчить имъ примиреніе съ фактомъ крушенія военнаго могущества Россіи. Несмотря на крайнее несовершенство создаваемыхъ имъ представительныхъ учрежденій, указъ 6 августа носитъ характеръ первой принципіальной уступки стараго режима новымъ общественнымъ силамъ. И все же по самому существу своему онъ былъ не въ состояніи разрядить сгущенную политическую атмосферу. Положеніе о Булыгинской Думѣ обдѣляло пролетаріатъ и буржуазную демократію въ пользу имущихъ классовъ, не предоставляя въ то же время послѣднимъ осязательныхъ политическихъ правъ. Законосовѣщательный характеръ Думы дѣлалъ ее непріемлемой даже для умѣреннаго земства. Съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, собравшійся — вопреки настойчивымъ попыткамъ правительства не допустить его — въ Москвѣ 6 іюля, рѣшительно высказался противъ законосовѣщательной Думы, предложивъ организовывать повсемѣстные митинги протеста противъ проекта, вырабатываемаго комиссіей Булыгина. Но все же привлеченные къ представительству элементы получали въ лицѣ Думы опорный пунктъ въ своей дальнѣйшей борьбѣ и тотчасъ же по опубликованіи указа 6 августа обнаружили готовность воспользоваться открывшейся возможностью. Состоявшійся въ сентябрѣ 2-ой съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей опредѣленно высказался за участіе въ выборахъ въ Государственную Думу. Въ этомъ постановленіи отнюдь не было какой-либо измѣны народу, какъ это казалось не въ мѣру прозорливымъ революціоннымъ соціалъ-демократамъ. Если уже нужно было искать измѣну, то не въ этомъ тактическомъ шагѣ, а въ той программѣ, съ которой буржуазія собиралась итти въ Думу.

А нужно отдать справедливость этой программѣ; какъ бы отрицательно ни относиться къ ней, она ясно и опредѣленно говорила о томъ, что первой задачей будущей Думы должно быть преобразованіе самой Думы. Въ совершенно иномъ положеніи оказались пролетаріатъ и буржуазная демократія: имъ Булыгинская Дума по всѣмъ видимостямъ такимъ опорнымъ пунктомъ служить не могла и

казалась даже препятствіемъ, какъ средство консолидаціи консервативныхъ элементовъ. Изъ этого взгляда на Думу, какъ на препятствіе, и возникла злосчастная идея бойкота — вѣрнѣе, срыва Думы въ качествѣ перваго акта народной революціи. На этомъ планѣ бойкота сошлись какъ значительная часть соціалъ-демократіи (вѣрнѣе вся соціалъ-демократія за исключеніемъ меньшевиковъ), такъ и почти всѣ организаціи буржуазной демократіи — Союзъ-союзовъ, соціалисты-революціонеры и т. п. Трудно теперь сказать, насколько жизненнымъ и плодотворнымъ оказалось бы стремленіе направить революціонную энергію народныхъ массъ на борьбу съ попытками верхнихъ общественныхъ слоевъ организовать свое представительство, не было ли бы это преждевременнымъ раскалываніемъ оппозиціонно-революціоннаго лагеря, которое могло лишь значительно обезсилить освободительное движеніе. Сейчасъ насъ здѣсь больше интересуетъ тотъ лозунгъ, который выдвигали въ противовѣсъ срыву Думы меньшевики. Они считали задачей пролетаріата использованіе избирательной кампаніи для выступленія въ качествѣ самостоятельной политической силы, превращеніе ея въ борьбу за свободу выборовъ, за всенародное представительство. Имъ представлялось, что пролетаріатъ долженъ поддерживать участвующую въ выборахъ оппозицію и въ то же время требовать права на представительство и самочинно создавать таковое; подчинять своему вліянію избираемыхъ выборщиковъ и депутатовъ, а затѣмъ и самое Думу и создавать центры этого вліянія — массовыя открытыя организаціи. Поэтому они призывали пролетаріатъ къ самочиннымъ выборамъ и созданію органовъ революціоннаго самоуправленія. Не оспаривая академической правильности этого лозунга, мы утверждаемъ, что онъ былъ несвоевременъ, нереаленъ. Вѣдь все то время, пока развертывался прологъ русской революціи, пока шла мобилизація революціонныхъ силъ, народныя массы и въ частности пролетаріатъ революціонизировался, возбуждался, обучался элементарнымъ пріемамъ политической и соціальной борьбы, но не орга-

низовывался. Распыленность русскаго общества была такъ велика, масса, которой надлежало впервые принять участіе въ открытой политической борьбѣ, была такъ разнообразна по составу и такъ инертна въ сравненіи стоявшими передъ нею историческими задачами, что процессъ «раскачиванія» поглощалъ всю наличную соціальную энергію и не было создано даже зачатковъ *классовой массовой* организаціи. Въ такихъ условіяхъ трудно было разсчитывать на то, что неорганизованныя массы увлекутся лозунгомъ самочинныхъ выборовъ, требовавшимъ для своего проведенія значительнаго политическаго и организаціоннаго опыта, дисциплинированности и способности подчинять свои дѣйствія политическому разсчету. Нужно было обладать немалой дозой маниловщины, чтобъ тактику, разсчитанную на организаціонную и политическую самодѣятельность массъ, рекомендовать политически незрѣлому, организаціонно распыленному, совершенно не привыкшему къ самодѣятельности пролетаріату. Говоря о необходимости «активныхъ... выступленій, имѣющихъ цѣлью поддержать шаги... революціоннаго самоуправленія», «Искра» совершенно правильно сомнѣвается, въ силѣ ли соціалъ-демократическая организація выполнить эту задачу. «Наша подпольная организація — говорила она — не пользуется, да по условіямъ своего существованія и не можетъ пользоваться такимъ вліяніемъ на массы, чтобы одного ея призыва было достаточно для увѣренности въ успѣхѣ задуманнаго дѣла» *) На кого же была, спрашивается, разсчитана вся эта сложная кампанія? Очевидно Искра, такъ трезво и объективно оцѣнившая свою собственную организацію, находилась въ грубомъ самообманѣ относительно политической и организаціонной зрѣлости и самодѣятельности массъ и возлагала на нихъ свои упованія. А большинство соціалъ-демократовъ-практиковъ, мнѣніе которыхъ типично для соціалъ-демократіи въ цѣломъ, не только

*) „Искра". № 108. „Наша тактика и Гос. Дума".

раздѣляли иллюзіи «Искры», но и питали иллюзіи относительно силы и значенія своей собственной партіи. Они были увѣрены, что въ ея лицѣ уже существуетъ организація рабочаго класса и пролетаріату остается только по мѣрѣ своего политическаго пробужденія входить въ нее. У руководящихъ круговъ соціалъ-демократіи не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что однажды пробудившійся къ политической жизни пролетаріатъ видитъ въ соціалъ-демократической партіи своего естественнаго вождя. Однако, грозныя предостереженія недавняго прошлаго должны были разсѣять эти иллюзіи или, по крайней мѣрѣ, заронить серьезное сомнѣніе. Уже кампанія, связанная съ комиссіей Шидловскаго, и отчасти Гапоновская агитація, въ которой видную роль играли рабочіе, вышедшіе изъ рядовъ соціалъ-демократической организаціи, показали, что соціалъ-демократическая партія далеко не охватываетъ даже и тѣхъ элементовъ пролетаріата, которые политически сознательны и отчасти прямо сочувствуютъ ученіямъ и требованіямъ ея. Въ особенности неудача первомайскаго праздника въ Петербургѣ обнаружила истинное отношеніе рабочей массы къ соціалъ-демократической организаціи, подчеркнула дѣйствительную степень политическаго вліянія послѣдней. Петербургская группа партіи рѣшила звать рабочихъ на улицы для устройства массовыхъ митинговъ и демонстрацій. Рабочихъ призывали выходить вооруженными. Группа предвидѣла, что будутъ массовыя столкновенія, и находила возможнымъ дать полиціи и войскамъ достойный отпоръ. Повсюду въ районахъ были организованы штабы, куда должны были стекаться свѣдѣнія о ходѣ сраженія, былъ мобилизованъ медицинскій персоналъ, различнымъ буржуазнымъ и демократическимъ организаціямъ было сдѣлано предложеніе поддержать пролетаріатъ. Общество съ трепетомъ ожидало событій. А герои ожидаемыхъ событій — рабочіе — вмѣсто того, чтобы участвовать въ демонстраціяхъ и сраженіяхъ, группами разъѣзжали въ конкахъ, чтобы видѣть, какъ это соціалъ-демократы будутъ манифестировать по улицамъ Петербурга. Въ общемъ въ

первомайскомъ выступленіи участвовало не болѣе полутора тысячъ человѣкъ, изъ нихъ лишь около половины рабочихъ, остальные же партійные и сочувствующіе интеллигенты. Такая же неудача постигла соціалъ-демократію и въ цѣломъ рядѣ другихъ крупныхъ городовъ. Почти вездѣ, гдѣ были устроены манифестаціи — сообщаетъ «Искра» — въ Петербургѣ, Харьковѣ, Москвѣ, Екатеринославѣ, Ростовѣ, Кіевѣ, — на сборные пункты явились почти только организованные. И это безразличіе было проявлено рабочими послѣ 9 января, послѣ выборовъ въ комиссію Шидловскаго и наканунѣ октябрьской всеобщей забастовки! Неудача первомайской мобилизаціи революціонныхъ силъ произвела на рабочихъ сильное впечатлѣніе. Рабочіе Петербурга послѣ этой неудачи смѣялись надъ партіей, обманувшей ихъ ожиданія, и надъ своей собственной наивностью. Это была какъ бы реакція противъ того благовѣйнаго трепета, съ которымъ относилась раньше большая часть рабочихъ къ партіи и ея законспирированнымъ учрежденіямъ. Петербургскій Комитетъ и въ особенности Центральный Комитетъ представлялись имъ въ видѣ могущественныхъ и грозныхъ повелителей невѣдомой революціонной арміи. Такой же злорадный смѣхъ былъ даже у старыхъ партійныхъ рабочихъ, злившихся на партію за то, что она обѣщала повести за собой массы и никого не повела. «Надѣлала синица шуму, а моря не зажгла», говорили они иронически. Съ другой стороны, и въ широкихъ революціонныхъ кругахъ первомайская неудача заронила сомнѣніе въ подготовленности пролетаріата къ возложеннымъ на него исторіей революціоннымъ задачамъ. На самомъ же дѣлѣ, она говорила, конечно, не объ остановкѣ въ развитіи пролетарскаго движенія, а указывала лишь, что это послѣднее продолжало носить въ политическомъ отношеніи тотъ полусознательный, неопредѣленный характеръ, какимъ отличалось оно въ январьскіе дни. 1-ое мая показало, что грани, отдѣлявшія соціалъ-демократію отъ рабочаго класса, еще не уничтожены, что соціалъ-демократія не стала еще массовой партіей, что ея идейное

вліяніе не доходитъ еще до глубины пролетарскихъ массъ. Въ *рабочихъ массахъ подъ вліяніемъ революціонныхъ событій* происходилъ глубокій процессъ перерожденія, одинъ за другимъ спадали вѣками нагроможденные предразсудки, прояснялось сознаніе. Но весь этотъ процессъ революціоннаго воспитанія массъ шелъ помимо соціалъ-демократіи; она повинна въ немъ лишь въ самой незначительной мѣрѣ. Объективной задачей соціалъ-демократіи должно было быть внесеніе сознательности и организованности въ стихійный процессъ вовлеченія массъ въ борьбу. Она не должна была ждать того момента, когда массы дойдутъ до высшей степени политическаго сознанія. Мѣсто рабочей партіи должно было быть въ рабочей массѣ, въ рабочей стихіи. Только превратившись изъ узкой интеллигентской секты въ широкую рабочую организацію, она могла бы сказать: «моя историческая миссія выполнена — рабочій классъ положилъ начало рабочей партіи». Только тогда и можно было бы серьезно говорить о тѣхъ или иныхъ политическихъ задачахъ, серьезно надѣяться передвинуть либерализмъ влѣво. Но какъ разъ эта работа оказалась не по плечу соціалъ-демократіи. И если объективно историческая стихія не создала еще подходящихъ условій для претворенія этой задачи въ жизнь, не воспитала еще кадра достаточно сознательныхъ элементовъ для выполненія этой задачи, то субъективно соціалъ-демократіи препятствовалъ выполнить эту работу ея первородный грѣхъ, — ея интеллигентское рожденіе, инстинктивная боязнь массъ, боязнь приниженія сознательности и реакціонное вліяніе подполья.

Лишь такой глубокій соціалъ-демократъ, какъ П. Б. Аксельродъ, чувствовалъ необходимость созданія широкой рабочей организаціи, которая, стоя на классовой точкѣ зрѣнія, была бы органомъ проведенія въ рабочей массѣ революціонной политической компаніи. Поэтому въ его представленіи проведеніе самочинныхъ выборовъ связывалось съ работой по созыву рабочаго съѣзда. И намъ кажется, что такой съѣздъ и созданная имъ организація оказались бы наилучшими орудіями рабочаго класса для

давленія на буржуазную оппозицію въ сторону рѣшительной борьбы съ самодержавіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ явились бы первыми органами классовой самодѣятельности пролетаріата. Однако, большинство россійской соціалъ-демократіи не успѣло даже ознакомиться съ идеей Аксельрода, такъ какъ революціонный шквалъ надвигался гораздо быстрѣе, чѣмъ это предполагали авторы разныхъ стратегическихъ плановъ. Въ то время, какъ соціалъ-демократія удерживала рабочихъ отъ активныхъ дѣйствій, думая пріурочить грандіозное выступленіе ихъ къ моменту выборовъ въ Булыгинскую Думу, развертывались московскія событія и подготовлялась желѣзнодорожная забастовка. Неудивительно, что вспыхнувшая внезапно октябрьская забастовка вызвала въ массахъ, не связанныхъ непосредственно съ соціалъ-демократіей, не имѣвшихъ ни политическаго руководителя, ни организаціоннаго центра, потребность въ созданіи собственнаго руководящаго органа. Какъ идея Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, такъ и первые шаги по созданію Совѣта исходили изъ низовъ самой рабочей массы. Уже на второй день забастовки, 13 октября, собираются въ Технологическомъ Институтѣ представители отъ 40 фабрикъ и заводовъ и рѣшаютъ образовать обще-петербургскую организацію для руководства движеніемъ. Отъ имени этого собранія было выпущено воззваніе, опредѣлявшее задачи и функціи новой организаціи. Составъ Совѣта быстро расширялся. Уже въ третьемъ его засѣданіи участвовало 226 депутатовъ отъ 96 предпріятій и 5 профессіональныхъ союзовъ. Лишь post factum соціалъ-демократія, какъ цѣлое, принимаетъ участіе въ окончательномъ образованіи Совѣта и старается пріобрѣсть вліяніе на ходъ его дѣятельности.

Такимъ образомъ весь ходъ революціоннаго рабочаго движенія показывалъ, что соціалъ-демократія не является въ сущности политической руководительницей рабочаго класса, что всѣ революціонныя выступленія послѣдняго лишь проявленія стихійнаго политическаго возбужденія, *охватившаго всю страну. И передъ этимъ стихійнымъ* подъемомъ оказалась не въ силахъ устоять и сама «пред-

ставительница сознательнаго начала»: событія поработили ее, она растерялась передъ ними и растворилась въ открытомъ рабочемъ движеніи.

XIV.

Чувствовала ли сама соціалъ-демократія въ этотъ періодъ разобщенность между собой и рабочими классами? Трудно здѣсь сказать что-либо опредѣленное. Правда, въ моменты крупныхъ политическихъ пораженій и разочарованій она готова была признать истинное положеніе дѣлъ. Такъ, напр., Ф. Данъ говоритъ: «Силою вещей агитація велась почти всегда post factum; разъясняли смыслъ уже происшедшихъ событій, не задаваясь цѣлью подготовить активное и сознательное вмѣшательство пролетаріата въ ту пеструю смѣну событій политической жизни, которыхъ можно было ожидать впереди». (Изъ исторіи рабочаго движенія и соціалъ-демократіи 1900—04, стр. 80).

А въ болѣе поздній періодъ, послѣ первомайской неудачи, меньшевизмъ словами Мартова заявлялъ: «Фактъ налицо: и до 9 января и послѣ него соціалъ-демократія въ Петербургѣ терпитъ неудачу, когда самостоятельно призываетъ пролетаріатъ къ активнымъ революціоннымъ дѣйствіямъ. Она терпитъ неудачу, когда пытается это сдѣлать, опираясь на одинъ голый фактъ охватившаго массы политическаго возбужденія. И она снова терпитъ неудачу, когда, приступая къ организаціи новаго массоваго выступленія, опирается уже на энергичную агитаціонную работу нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ознаменовавшуюся такими успѣхами, какъ провалъ комиссіи Шидловскаго»*). Но «прозрѣніе» соціальдемократіи ни разу не пошло дальше сознанія, что въ данный моментъ она еще не въ состояніи повести за собой рабочія массы. Въ объясненіи этого ненормальнаго явленія вновь проявлялась ея сектантская близорукость: корень всѣхъ своихъ неудачъ она видѣла лишь въ слабости своего организаціоннаго вліянія. Ненормальнымъ функціонированіемъ организаціоннаго аппарата, неисправностью его отдѣльныхъ частей старалась объяснить она свои многочисленныя пораженія. Большой вопросъ — несоотвѣтствіе соціалъ-демократической работы внутреннему состоянію и потребностямъ рабочаго движенія — подмѣнялся маленькимъ «организаціоннымъ вопросомъ». Поэтому «организаціонный вопросъ» въ смыслѣ внутренняго переустройства соціалъ-демократіи и въ революціонный годъ продолжалъ занимать почетное мѣсто и на столбцахъ соціалъ-демократической печати и въ порядкахъ дня всевозможныхъ совѣщаній. Вопросъ ставился обѣими фракціями одинаково: какой строй организаціи облегчитъ сознательнымъ рабочимъ вхожденіе въ нее и обезпечитъ соціалъ-демократіи maximum вліянія на неорганизованныя массы — но отвѣты ихъ были различны. Большевизмъ, страдая маніей строгаго централизма, полагалъ, что все зло отъ организаціонной распыленности; меньшевизмъ же думалъ лѣчить раны соціалъ-демократіи демократизаціей подпольнаго аппарата. И если вторая формула была по себѣ правильнѣй, то благодаря русскимъ условіямъ всѣ прекрасныя фразы о демократизмѣ оставались на бумагѣ, а въ дѣйствительности же, въ работѣ меньшевикамъ приходилось проводить въ своихъ организаціяхъ вмѣсто принципа демократизаціи просто принципъ освѣдомленности, т. е. призрачную демократизацію. Такое противорѣчіе между теоріей и практикой не могло не вызывать среди передовыхъ рабочихъ недовольства, принимавшаго часто — напр., на югѣ — форму организованной оппозиціи. Довольно поучительно въ этомъ отношеніи сообщеніе автора брошюры «Рабочіе и интеллигенція въ нашихъ организаціяхъ»: «Я самъ работалъ недавно въ видномъ комитетѣ, являющимся чуть ли не застрѣльщикомъ меньшинства. И что же... Комитетомъ меньшинства онъ оставался въ принципѣ, на бумагѣ — въ практикѣ же своей ничѣмъ не отличался отъ комитетовъ большинства. Комитетъ писалъ именемъ рабочихъ резолюцію за резолюціей, а между тѣмъ старался не посвящать въ партійный конфликтъ не только средній слой рабочихъ, но и болѣе передовыхъ, которые одни

*) „Искра“: „Первомайскіе успѣхи и неудачи“.

почти являлись работниками организацiи... Когда намъ, рабочимъ, стало невозможно работать при такой политикѣ, которую усвоилъ себѣ централистическiй комитетъ, хотя бы изъ меньшинства, и мы потребовали доступа въ какое-нибудь *руководящее учрежденiе, на насъ обрушились комитетчики* рабочей же организацiи съ обвиненiемъ въ противозаконности, бунтѣ и т. д. И это скромное, вынужденное требованiе намъ пришлось отвоевать такимъ некрасивымъ и печальнымъ въ нашихъ организацiяхъ средствомъ, какъ забастовка, отказъ отъ работы!» Меньшевистская конференцiя предприняла организацiонную реформу въ духѣ демократизма, но не говоря уже о томъ, что она не дошла до конца, а ограничилась предоставленiемъ извѣстныхъ правъ районнымъ ячейкамъ, и эти резолюцiи остались въ большинствѣ случаевъ на бумагѣ.

Вопросъ о взаимоотношенiи партiи и класса былъ подмѣненъ такимъ образомъ вопросомъ организацiоннымъ — о наилучшемъ устройствѣ *соцiалъ-демократической партiи.* Но и въ такой постановкѣ имѣлось все же больное мѣсто, свидѣтельствовавшее о болѣе глубокой внутренней ненормальности. Это вопросъ объ отношенiяхъ между рабочими и интеллигентами внутри организацiй — вопросъ, которому, *казалось бы, меньше всего мѣста въ рабочей партiи.* Однако, онъ существовалъ, и о степени его серьезности и остроты можно лучше всего судить по любопытному документу — только-что упоминавшейся брошюрѣ Рабочаго «Рабочiе и интеллигенты въ нашихъ организацiяхъ». Она полна горькихъ упрековъ по адресу партiйной интеллигенцiи обѣихъ фракцiй. Авторъ указываетъ, что только политическая самодѣятельность пролетарiата, прiобрѣтенiе имъ руководящаго значенiя въ партiи способны гарантировать соотвѣтствiе соцiалъ-демократической практики классовымъ интересамъ пролетарiата, обезпечить истинно пролетарскiй характеръ ея. Но онъ не задумывается надъ наличностью объективныхъ условiй для такого перерожденiя партiи. Грозныя филиппики и горячiе призывы сводятся въ концѣ концовъ къ требованiю введенiя рабочихъ въ комитеты

и порученiя имъ отвѣтственной агитаторской и организаторской работы. Чрезвычайно поучительны также въ этомъ отношенiи работы такъ называемаго III-яго (большевистскаго) съѣзда. Острыя организацiонныя разногласiя на мѣстахъ, тормазившiя партiйную работу, заставили съѣздъ обратить особое вниманiе на организацiонныя неурядицы, организацiонную неприспособленность соцiалъ-демократiи. Собравшись въ дни наростанiя революцiи, съѣздъ занимался преимущественно обсужденiемъ политическихъ и тактическихъ вопросовъ. *И все же ни одинъ пунктъ порядка* дня съѣзда не обсуждался съ такой страстностью, не отнялъ у него такъ много времени, какъ вопросъ объ отношенiяхъ между интеллигентами и рабочими, прiуроченный къ обсужденiю организацiоннаго устава. Да и почти каждый изъ вопросовъ, разсматривавшихся съѣздомъ, рикошетомъ задѣвалъ все то же больное мѣсто. Но и тутъ большевики остались вѣрны себѣ. Наиболѣе смѣлые реформаторы во главѣ съ самымъ Ленинымъ утверждали, что необходимо превращать передовыхъ рабочихъ въ профессiональныхъ революцiонеровъ и выдвигать ихъ въ руководящiя партiйныя коллегiи. Этотъ рецептъ вызвалъ ожесточенныя возраженiя со стороны профессiоналовъ революцiонеровъ-комитетчиковъ, столповъ и соли большевизма. Реакцiонные элементы партiи, постоянно противившiеся всякимъ нововведенiямъ, они и теперь не только за совѣсть, но и за страхъ выступили горячими противниками реформы. И все же нужно признать, что въ данномъ случаѣ ихъ устами *говорила истина:* дѣйствительно, передовые рабочiе, какъ бы развито ни было ихъ классовое сознанiе, были бы неподходящими руководителями конспиративныхъ организацiй, являвшихся исключительно механизмомъ идейной пропаганды. Всѣ эти пренiя и предложенiя, какъ бы ни относиться къ нимъ по существу, несомнѣнно указываютъ на извѣстный переломъ въ большевизмѣ, на ослабленiе свойственнаго ему оптимизма и самодовольства. Да и трудно было соцiалъ-демократу, захваченному революцiоннымъ подъемомъ, не видѣть пропасти между цѣлями, которыя ставила

себѣ россійская соціалъ-демократія, и средствами практической работы, которыми она располагала. Огромный размахъ рабочаго движенія, воспріимчивость рабочихъ къ революціоннымъ лозунгамъ создавали представленіе, что стоитъ только сдѣлать одно усиліе, произвести одну маленькую, но чудодѣйственную реформу, и россійская соціалъ-демократія станетъ властительницей умовъ и сердецъ пролетаріата. И вотъ соціалъ-демократическая мысль тщетно мечется въ поискахъ спасительнаго рецепта...

Нужно ли говорить, что коренной переворотъ въ строѣ соціалъ-демократической организаціи, превращеніе ея изъ организаціи профессіональныхъ революціонеровъ въ подобіе рабочей партіи не могъ произойти въ силу желаній той или иной фракціи; для этого нуженъ длительный процессъ роста самознанія рабочихъ. Между тѣмъ сознаніе рабочихъ не шло дальше демократическаго радикализма. Даже выступая самостоятельно или подъ флагомъ соціалъ-демократіи, рабочіе не выходили изъ рамокъ революціонно-демократической идеологіи, революціонно-демократической программы. Рабочему классу была еще чужда и несвойственна строго выдержанная классовая позиція; онъ еще не сознавалъ своей роли въ историческомъ процессѣ. Недаромъ самостоятельныя рабочія организаціи дореволюціоннаго періода рано или поздно растворялись въ интеллигентскихъ партійныхъ организаціяхъ. Рождаясь изъ инстинктивной потребности въ самодѣятельности, онѣ не были способны поставить себѣ самостоятельную задачу, намѣтить себѣ новые пути, чѣмъ бы оправдалось ихъ обособленное существованіе. Поэтому всѣ возстанія «низовъ» противъ комитетской диктатуры оканчивались пораженіями рабочихъ. И понятно: онѣ предпринимались во имя самодѣятельности рабочаго класса, но въ дореволюціонныхъ политическихъ условіяхъ для нея не было мѣста. Въ силу своего младенческаго возраста пролетаріатъ могъ быть только «полемъ необъятныхъ размѣровъ для приложенія силъ, благодарнѣйшимъ объектомъ для революціоннаго воздѣйствія, но только отнюдь не той формующейся массой,

изъ которой бы непосредственно выростало путемъ естественнаго подбора живое и организованное тѣло соціалъ-демократической партіи». Создавалось какое-то нелѣпо-трагическое положеніе. Среди соціалъ-демократовъ давно уже было аксіомой, что русская революція отличается отъ всѣхъ европейскихъ буржуазныхъ революцій участіемъ въ ней пролетаріата въ качествѣ класса für sich, преслѣдующаго собственные интересы и сознательно противополагающаго себя буржуазіи. Существованіе революціонной соціалъ-демократіи являлось въ ея собственныхъ глазахъ нагляднымъ доказательствомъ существованія сознательнаго пролетаріата, готоваго дѣйствовать подъ ея руководствомъ. События же, наоборотъ, показывали ей, что пролетаріатъ выступаетъ въ революціи помимо нея и часто даже наперекоръ ей. Мало того — массовыя политическія выступленія рабочаго класса въ большинствѣ случаевъ обуславливались политическимъ оживленіемъ буржуазной демократіи, и пролетаріатъ или просто повторялъ или развивалъ ея лозунги*).

Смутно сознавая это противорѣчіе и мучаясь имъ, соціалъ-демократія искала причины его въ себѣ, въ условіяхъ развитія партіи, не сумѣвшей охватить своимъ нелегальнымъ аппаратомъ всѣхъ активныхъ и сознательныхъ элементовъ рабочаго класса. Между тѣмъ истинная причина находилась въ другой плоскости. Обѣ основныя предпосылки соціалъ-демократической концепціи не отвѣчали дѣй-

---

*) Вспомнимъ признаніе Е. Кусковой, что большинство Союза Освобожденія, несмотря на неоднократные протесты нѣкоторыхъ провинціальныхъ кружковъ, твердо держалось правила не вносить раскола въ рабочую среду, не устраивать тамъ своихъ организацій, которыя противопоставляли бы себя соціалъ-демократіи. Имъ руководило при этомъ, конечно, не миролюбіе, а сознаніе того, что рабочее движеніе въ теперешнемъ своемъ видѣ носитъ чисто демократическій характеръ и не содержитъ въ себѣ ничего принципіально враждебнаго буржуазному обществу. Это же сознаніе позволило освобожденцамъ вести съ соціалъ-демократами переговоры о созданіи общаго органа.

ствительности. Такъ называемая *революціонная* соціалъ-демократія представляла не пролетаріатъ, отъ имени и именемъ котораго она выступала, а совершенно иные общественные слои. Устами ея говорила демократическая интеллигенція; всѣ ея метаморфозы — отъ культурничества къ агитаціи, отъ экономизма къ политицизму, — колебанія и шатанія между меньшевизмомъ и большевизмомъ были не чѣмъ инымъ, какъ эволюціей интеллигентской мысли, совершавшейся подъ вліяніемъ общаго процесса соціально-политической эволюціи Россіи и въ особенности подъ вліяніемъ развитія рабочаго и буржуазно-демократическаго движенія. «Россійская соціалъ-демократія» — говоритъ по этому поводу Аксельродъ, — «партія пролетаріата по своей теоретической программѣ, но далеко еще не таковая по составу организаціи. Она только стремится стать политической организаціей рабочихъ массъ, въ дѣйствительности же, по составу своихъ руководящихъ элементовъ, является преимущественно организаціей лишь принципіальныхъ сторонниковъ пролетаріата среди радикальной интеллигенціи. И само *тяготѣніе радикальной интеллигенціи къ соціализму и пролетаріату* объективно и исторически въ конечномъ счетѣ вызывается и обусловливается не классовой борьбой *послѣдняго*, а *общедемократической потребностью... избавиться* отъ пережитковъ крѣпостной эпохи». И съ этой точки зрѣнія вполнѣ понятно, что какъ разъ въ моментъ наивысшаго напряженія в с ѣ х ъ революціонныхъ общественныхъ силъ вся соціалъ-демократія въ цѣломъ совершаетъ въ своей политической дѣятельности уклонъ въ сторону большевизма, т. е. того идейнаго теченія, которое наиболѣе далеко отъ пролетарскаго соціализма и, продолжая сохранять марксистскую окраску, наиболѣе приближается къ идеологіи революціонной буржуазной демократіи. Рабочій же классъ, какъ таковой, оставался безъ политическаго представительства, ибо соціально-политическія условія Россіи не только не содѣйствовали его выдѣленію въ самостоятельное цѣлое, но, наоборотъ, препятствовали политическому расслоенію буржуазныхъ и пролетарскихъ элементовъ демократическаго лагеря. Соціалъ-демократическая теорія революціи отводила пролетаріату непосильную для него роль; онъ не могъ быть не только гегемономъ революціи, но и вообще *сознательнымъ* творцомъ ея: ему предстояла еще трудная и тяжелая работа воспитанія къ политической самодѣятельности, превращенія изъ аморфной массы въ классъ, какъ самостоятельную *политическую и духовную* единицу. Часъ соціалъ-демократической р а б о ч е й партіи еще не пробилъ...

ГЛАВА II.

Пролетаріатъ и буржуазная революція.

I.

Рабочій классъ втягивался въ революцію, въ круговоротъ общественной борьбы по мѣрѣ того, какъ назрѣвалъ общенаціональный конфликтъ, въ которомъ въ силу своего особаго положенія въ капиталистическомъ обществѣ онъ занималъ наиболѣе послѣдовательную демократическую и революціонную позицію. Одинъ фактъ его участія въ конфликтѣ развертывалъ проблему національнаго освобожденія и раскрѣпощенія во всей ея широтѣ и глубинѣ. Роль же гегемона въ наступательномъ движеніи, навязывавшаяся пролетаріату идеологами-соціалъ-демократами, была ему, какъ наглядно показалъ впослѣдствіи ходъ русской революціи и въ частности исторія Петербургскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, совершенно не по силамъ. Какъ производственныя, такъ и общественныя отношенія Россіи созрѣли только для буржуазнаго переворота. Историческая стихія настойчиво толкала всѣ имѣющіяся на аренѣ политической борьбы силы, въ томъ числѣ и рабочій классъ, въ сторону буржуазной революціи.

И еще большой вопросъ, возможно ли въ этотъ періодъ— періодъ абсолютизма — существованіе классовой партіи пролетаріата. Не являлось ли въ сущности наше тогдашнее стремленіе предохранить пролетаріатъ отъ буржуазнаго вліянія и, минуя цѣлый фазисъ въ его соціальномъ и политическомъ развитіи, сразу вывести его на путь самостоятельной политической жизни такимъ же безплоднымъ утопическимъ

мечтаніемъ, какимъ было стремленіе народниковъ 70 годовъ избавить Россію отъ стадіи капитализма и привести ее прямо къ соціалистическому строю? Во всякомъ случаѣ исторія западно-европейскаго рабочаго движенія не знаетъ случая возникновенія рабочей партіи при абсолютизмѣ. Конечно, если подъ партіей понимать группу лицъ, вполнѣ усвоившихъ теорію марксизма и объединившихся для пропаганды этой теоріи и примѣненія ея въ политической борьбѣ, то существованіе такой партіи имѣло свой raison d'être. Но намъ кажется, что нужно смотрѣть на это гораздо шире. Нельзя механически отдѣлять партію отъ класса, интересы котораго она представляетъ. Конечно, партія не можетъ вмѣстить классъ, но она можетъ и она должна вмѣстить активные его элементы. Партіей можно назвать только такую организацію, которая объединяетъ активные и сознательные элементы какого-либо класса, выражаетъ мнѣнія и объективные интересы класса въ цѣломъ и руководитъ его дѣйствіями и выступленіями; т. е. партія — это организованная воля пролетаріата, слагающаяся въ результатѣ свободнаго обсужденія и обмѣна мнѣній на основѣ планомѣрнаго разсчета и оцѣнки объективныхъ отношеній. Но эти-то активные и сознательные элементы, являющіеся необходимымъ ядромъ всякой партіи, не могутъ быть вызваны къ жизни усиліями пропагандистскихъ коллегій. Онѣ могутъ воспитать лишь отдѣльныхъ выдающихся лицъ, но это будутъ не истинные представители своего класса, тѣсно съ нимъ связанные, а выходцы изъ него, отщепенцы. Тѣ же элементы, въ которыхъ можно видѣть дѣйствительныхъ политическихъ представителей класса, естественно выдѣлятся на извѣстной ступени общественнаго развитія. Рабочій классъ вовлекается въ борьбу не съ помощью разсужденій и воззваній, не съ помощью разнообразныхъ теорій, какъ бы революціонны онѣ ни были, а самимъ ходомъ событій, объективной логикой историческаго процесса. Для пролетаріата такой ступенью, когда извѣстные слои его проникаются классовымъ сознаніемъ и становятся способными руководиться въ своихъ

дѣйствіяхъ объективными интересами класса въ цѣломъ, является развитое буржуазное общество — буржуазное не только по своей экономической структурѣ, но и по формамъ политической жизни. Процессъ обособленія пролетаріата въ его собственномъ сознаніи органически связанъ съ предоставленіемъ обществу хотя бы минимума общественно-политической самодѣятельности. Необходимой предпосылкой, необходимымъ стимуломъ его является открытое столкновеніе классовъ, открытая борьба ихъ на общественной аренѣ. Онъ можетъ возникнуть лишь въ тотъ моментъ, когда буржуазія не ограничивается больше ролью хозяина производства, а становится или стремится стать хозяиномъ жизни.

Пока надстройка еще не приспособлена къ фундаменту, пока сословно-бюрократическое государство подавляетъ возможность свободнаго развитія производительныхъ силъ страны и уродливыя формы правленія являются тормазомъ всего живого, буржуазія гордо несетъ знамя прогресса. Лозунги ея звучатъ гордо и красиво; вокругъ ея знамени, знамени свободы, объединяется все, стремящееся впередъ. Вся страна словно дѣлится на два лагеря: по одну сторону все старое, отжившее, по другую — все молодое, все сильное. Разнообразные элементы, очутившіеся въ послѣднемъ лагерѣ, не сознаютъ существующихъ между ними граней или представляютъ ихъ себѣ несущественными. Мракъ абсолютизма какъ бы скрываетъ всѣ противорѣчія между отдѣльными слоями и даже классами населенія и объединяетъ ихъ въ общей борьбѣ во имя прогресса и свободы. Историческая задача раскрѣпощенія капиталистическихъ производственныхъ отношеній поглощаетъ всю общественную энергію. Въ сознаніи общества она претворяется въ рядъ конкретныхъ задачъ, среди которыхъ на первомъ планѣ стоитъ политическое освобожденіе. Борьба съ абсолютизмомъ становится центральнымъ, доминирующимъ пунктомъ для всѣхъ прогрессивныхъ общественныхъ слоевъ; и будущіе антагонисты различаются пока лишь по степени требуемой ими демократизаціи государственнаго строя. Въ частности

пролетаріатъ, вслушиваясь въ рѣчи идеологовъ буржуазіи, всматриваясь въ планъ проектируемаго ими государственнаго зданія, не чувствуетъ тождества ихъ съ эксплуататорами-капиталистами, не видитъ совпаденія между ихъ призывами и классовыми интересами своего антагониста. Да и при неразвитости классового сознанія пролетаріата классовый антагонизмъ между нимъ и буржуазіей стушевывается, затемняется общенаціональной задачей борьбы со старымъ строемъ.

Никто иной, какъ буржуазія, самый сильный и наиболѣе вліятельный классъ, выдвинутъ историческими условіями на смѣну дворянской олигархіи. Будучи носителемъ капиталистическаго производства и создателемъ національнаго хозяйства, она является главнымъ жизненнымъ нервомъ общества, становымъ хребтомъ его. Еще въ нѣдрахъ феодально-бюрократическаго строя она въ процессѣ борьбы съ олигархіей за новыя формы экономическаго уклада слагается постепенно въ не вполнѣ еще опредѣлившуюся и оформившуюся, но значительную и вѣсскую политическую силу. Безъ ея активнаго или хотя бы пассивнаго участія невозможенъ переходъ къ новымъ формамъ государственной жизни. И чѣмъ шире разростается капиталистическое производство, чѣмъ глубже пустило оно корни въ народномъ хозяйствѣ, тѣмъ сложнѣе характеръ революціи и мрачнѣе гроза, нависшая надъ старымъ порядкомъ. И задолго еще до буржуазнаго переворота вольные и невольные пособники буржуазіи постепенно разрушаютъ зданіе старой государственности. Разрушеніе стараго общественнаго уклада идетъ параллельно съ обветшаніемъ старыхъ идей. Создается новая политическая мораль, новые соціальные и политическіе идеалы. Даже искусство служитъ обществу орудіемъ борьбы за новую культуру. Общество постепенно проникается буржуазными идеалами и не замѣчая на нихъ буржуазной печати принимаетъ ихъ за абсолютные. Да и сама буржуазія въ это время не такова, какой мы привыкли ее себѣ представлять. На ней оправдываются слова Маркса: «Ни одинъ классъ гражданскаго общества не мо-

жетъ играть этой роли (NB. вдохновителя освободительнаго движенія), не вызывая на одинъ моментъ въ себѣ самомъ энтузіазма и не заражая этимъ энтузіазмомъ массъ. Въ этотъ моментъ данный классъ братается и сливается съ обществомъ и становится на его мѣсто, чувствуетъ себя и признается всѣми общимъ представителемъ общества... Лишь во имя общихъ правъ общества отдѣльный классъ можетъ претендовать на всеобщее господство». Рабочій классъ сливается съ общимъ національнымъ движеніемъ, совершенно не обособляя себя и не подчеркивая своихъ специфическихъ классовыхъ требованій. Подобно тому какъ пролетаріатъ не можетъ перешагнуть изъ феодальнаго строя въ соціалистическій иначе, какъ пройдя фазу капитализма, фазу буржуазнаго господства, такъ и въ развитіи своего сознанія онъ не можетъ возвыситься до выявленія своей классовой сущности, минуя стадію буржуазнаго революціонаризма. Еще нѣтъ въ наличности тѣхъ объективныхъ условій, которыя явились бы стимуломъ къ классовой группировкѣ, и, наоборотъ, все содѣйствуетъ сліянію подъ общимъ флагомъ демократизма. Разумѣется, мы не имѣемъ здѣсь въ виду разрозненныхъ, диктуемыхъ слѣпымъ классовымъ инстинктомъ выступленій отдѣльныхъ классовыхъ группъ, а говоримъ объ условіяхъ выработки классоваго сознанія. Только тогда, когда начинается сраженіе — революція, когда всѣ классы приходятъ въ движеніе и стараются безплотныя формулы перевести на языкъ конкретной дѣйствительности, когда спадаетъ идеалистическая оболочка и мѣсто ея занимаетъ грубый политическій реализмъ, въ пролетаріатѣ впервые пробуждается стремленіе къ самоутвержденію. Революція впервые вскрываетъ находящіяся въ скрытомъ состояніи классовыя противорѣчія, обнаруживаетъ всю неоднородность и въ значительной степени внутреннюю противоположность разнообразныхъ элементовъ, составляющихъ единое на видъ общенаціональное движеніе. По мѣрѣ того какъ первый фазисъ революціи — низверженіе стараго порядка — приближается къ концу и очередной задачей побѣдителей становится

строительство, созиданіе государственныхъ формъ новаго общественнаго уклада, рѣзко выступаетъ наружу діаметральная противоположность интересовъ вчерашнихъ союзниковъ — буржуазіи и пролетаріата — и закипаетъ глухая борьба. Буржуазія спѣшитъ присвоить себѣ плоды побѣды, овладѣть руководящей ролью въ процессѣ строительства и, пользуясь ею, приспособить воздвигаемое государственное зданіе исключительно для служенія своимъ узко-классовымъ интересамъ. Главная ея забота — не дать укрѣпиться пролетаріату, преградить ему доступъ къ власти. «Свобода, равенство и братство» отправляются въ историческій архивъ, девизомъ буржуазіи становится «порядокъ». Отнынѣ свобода предназначается только для избранныхъ. Буржуазія не даетъ себѣ даже труда маскировать свой узкій классовый эгоизмъ; во всевозможныхъ ограниченіяхъ и урѣзываніи избирательнаго права, въ отрицаніи права коалиціи проявляется онъ въ самомъ неприглядномъ видѣ и вызываетъ у рабочихъ классовую реакцію. Въ рабочихъ оживаетъ классовый инстинктъ, и все настойчивѣй выступаютъ они въ противовѣсъ буржуазіи съ требованіемъ полной демократизаціи государственнаго управленія. Когда же ихъ стремленія встрѣчаютъ отпоръ, когда «друзья» народа препятствуютъ его организаціи и готовы не только возражать противъ его требованій, но и отвергать ихъ и подавлять всякое противодѣйствіе, пролетаріатъ начинаетъ сознавать свое обособленное положеніе; тогда онъ начинаетъ видѣть отдѣляющую его отъ другихъ классовъ пропасть и выдѣляетъ элементы, умѣющіе дать пробуждающемуся классовому сознанію соотвѣтствующее идеологическое обоснованіе. Такимъ образомъ революція есть то горнило, въ огнѣ котораго выплавляются и получаютъ болѣе или менѣе осязательныя формы соціальныя противорѣчія современнаго общества. И все же пролетаріатъ проявляетъ здѣсь больше признаковъ инстинктивнаго недовѣрія къ буржуазіи, чѣмъ сознанія своей исторической роли, разсматриваетъ демократическія требованія, какъ самодовлѣющую цѣнность, а не какъ одинъ изъ этаповъ своей великой классовой борьбы.

Характеръ и темпъ революціи, глубина произведеннаго ею переворота опредѣляются въ конечномъ счетѣ тѣми соціальными условіями, при которыхъ нарождается буржуазное хозяйство и буржуазный политическій строй; другими словами, соціально-политическій размахъ революціи всецѣло зависитъ отъ рамокъ, въ которыхъ властвуетъ капитализмъ. На основѣ взаимоотношеній общественныхъ силъ, произведшихъ революцію, возникаютъ контуры новыхъ политическихъ и соціальныхъ учрежденій, которыя служатъ въ дальнѣйшемъ органами классовой борьбы. И только въ тотъ моментъ, когда побѣда буржуазіи выльется въ типичныя формы конституціоннаго парламентарнаго государства, когда буржуазія, ставъ у власти, приступитъ къ осуществленію своихъ вождѣленій, рабочій классъ окончательно конституируется, становится классомъ для себя. Совмѣстно совершенная революція пробуждаетъ въ рабочихъ, смотрѣвшихъ до того на политику и управленіе, какъ на дѣло имъ чуждое, господское, сознаніе своей причастности къ ходу государственной машины, желаніе и въ дѣльнѣйшемъ проявлять свое вліяніе. Поэтому устраненіе пролетаріата въ формѣ урѣзыванія избирательныхъ правъ народа больно ударяетъ его, какъ вопіющая несправедливость, воспринимается имъ, какъ лишеніе его права на самозащиту; оно заставляетъ его вдуматься въ различія соціальныхъ и политическихъ интересовъ и служитъ стимуломъ къ новой борьбѣ подъ собственнымъ знаменемъ. Это организующее значеніе борьбы за всеобщее избирательное право было вѣрно подмѣчено еще Лассалемъ, сдѣлавшимъ его исходнымъ пунктомъ созданія политической рабочей партіи.

Но не только борьба за избирательное право — и само пользованіе этимъ орудіемъ, въ какомъ видѣ оно бы ни было дано или завоевано, является для пролетаріата незамѣнимымъ средствомъ самопознанія и организаціи. «Безъ всеобщаго избирательнаго права, какъ практическаго орудія къ осуществленію нашихъ требованій, — писалъ Лассаль 30 апрѣля 1863 года Родбертусу, — мы можемъ стать философской школой, религіозной сектой, но никогда не будемъ политической партіей». Предоставленное народнымъ массамъ право рѣшать своимъ голосованіемъ судьбы государства и вмѣстѣ съ тѣмъ судьбы отдѣльныхъ партій и группъ заставляетъ послѣднія сходить съ заоблачныхъ высотъ и говорить на конкретномъ языкѣ нуждъ и требованій, отвѣчать на поставленный ребромъ вопросъ: что ты намъ даешь и что сдѣлаешь для насъ въ будущемъ. Здѣсь ярко и наглядно вскрываются соціальныя противорѣчія, легко познаются друзья и недруги рабочаго класса. Выборы въ представительныя учрежденія и борьба внутри ихъ являются настоящимъ зеркаломъ, въ которомъ отражаются интересы и тактика борющихся классовъ. И тутъ-то однороднымъ элементамъ легче находить другъ друга, чувство одиночества въ буржуазномъ обществѣ и сознаніе общности интересовъ всѣхъ пролетаріевъ становятся соединяющимъ звеномъ и спаиваютъ рабочую партію, партію политическаго дѣйствія рабочаго класса. Избирательная борьба, борьба въ парламентѣ являются, такимъ образомъ, благодарной почвой, на которой растетъ и крѣпнетъ партія пролетаріата. Въ нихъ совершается то конкретное непосредственно практическое противопоставленіе пролетаріата и буржуазіи на общественно-политической аренѣ, какъ враждебныхъ другъ другу соціальныхъ силъ, внѣ котораго не можетъ создаться объединеніе рабочихъ въ классовую партію.

Наблюдая за тѣмъ, какъ строитъ буржуазія новое государственное зданіе, пролетаріатъ убѣждается, что она приспособляетъ его исключительно къ своимъ нуждамъ и притязаніямъ. Для него становится все очевиднѣй, что государственный механизмъ всѣми своими частями работаетъ лишь на пользу буржуазіи и является въ ея рукахъ орудіемъ эксплуатаціи и порабощенія пролетаріата. Онъ, какъ и всѣ остальные классы, для нея лишь сырой матеріалъ; съ ихъ потребностями она считается лишь постольку, поскольку существованіе ихъ необходимо для процвѣтанія капиталистическаго общества, укрѣпленія буржуазнаго господства. Внѣ этого она готова принести въ жертву своему

классовому эгоизму насущнѣйшіе и справедливѣйшіе интересы всего остального населенія. Только тогда пролетаріатъ и научается всегда и во всемъ противопоставлять себя буржуазіи, только тогда онъ сознаетъ непримиримый антагонизмъ между буржуазнымъ обществомъ и его идеалами и начинаетъ стремиться къ классовой организаціи въ цѣляхъ самозащиты и отстаиванія классовыхъ интересовъ. Съ момента утвержденія политическаго господства буржуазіи всякіе, даже самые мелкіе конфликты съ правительственнымъ механизмомъ или отдѣльными его агентами, направлены противъ всей буржуазіи, противъ ея классоваго господства, являются эпизодомъ освободительнаго движенія пролетаріата, какъ класса, направленнаго противъ самыхъ основъ буржуазнаго строя. По мѣрѣ того, какъ развивается капиталистическое хозяйство, не стѣсняемое теперь феодальными узами, растутъ и его тѣневыя стороны и его язвы — безработица, нищета, преступность, проституція, алкоголизмъ, вырожденіе и т. д. Буржуазное общество дифференцируется; пребываніе въ рядахъ имущихъ счастливцевъ становится привилегіей «верхнихъ 10 тысячъ», а средніе слои съ неумолимой жестокостью сталкиваются внизъ, въ ряды пролетаріата. Все новыя и новыя группы населенія попадаютъ въ прямую или косвенную зависимость отъ господина капитала. Вторженіе его не только во всѣ уголки и поры народнохозяйственнаго организма, но и во всѣ области духовной культуры разрушаетъ послѣднія иллюзіи. Всюду властвуютъ деньги, все продается, а кому нечего продавать, тотъ самъ отдается въ рабство. Для раба же капитала одно лишь спасеніе — въ рядахъ сознательно борющагося пролетаріата. Поэтому ростъ самосознанія рабочихъ и силы ихъ классовой организаціи идетъ параллельно съ дифференціацiей буржуазнаго общества, и все новые и новые пролетаризованные элементы вступаютъ на путь классовой борьбы. Чѣмъ мучительнѣй, чѣмъ рѣзче дѣлаются тѣ противорѣчія, въ которыхъ задыхается капиталистическое общество, тѣмъ явственнѣй становится, что единственно возможнымъ разрѣшеніемъ ихъ являются конечныя цѣли

рабочаго движенія. Вотъ почему пролетаріатъ, защищая свои классовые интересы, вмѣстѣ съ тѣмъ становится въ этотъ періодъ двигателемъ прогресса, между тѣмъ, какъ буржуазія, въ роли защитника порядка, давно исчерпала себя. Какъ въ феодальный періодъ буржуазія явилась избранницей новой исторической эпохи, такъ теперь пролетаріатъ, выдвигаемый исторической стихіей, становится предвозвѣстникомъ новой эры. Теперь-то онъ дѣйствительно является сознательнымъ гегемономъ, ведущимъ за собой всѣ остальные слои и группы общества для уничтоженія отжившаго буржуазнаго порядка и соціалистическаго преобразованія общественныхъ отношеній. Такова будущая судьба пролетаріата, и намъ нечего предвосхищать ее и желать видѣть въ немъ гегемона буржуазной революціи.

II.

Наша мысль, что только буржуазное государство со всѣми своими аттрибутами создаетъ необходимую обстановку, въ условіяхъ которой возникаетъ, растетъ и крѣпнетъ классовая партія пролетаріата, подтверждается и исторіей. Анализируя общественныя отношенія любой революціонной эпохи, мы нигдѣ не находимъ пролетаріатъ настолько созрѣвшимъ, чтобы онъ могъ въ лицѣ сложившейся политической партіи сознательно выступить въ защиту своихъ объективныхъ классовыхъ интересовъ. Всѣ западно-европейскія рабочія партіи являются продуктомъ сложившагося буржуазнаго строя, возникли и развивались въ рамкахъ политическаго господства буржуазіи. Въ процессѣ же борьбы за этотъ строй пролетаріатъ нигдѣ не выступаетъ въ качествѣ самостоятельной, обособленной организованной силы. Даже знаменитая французская революція 48 года съ рѣзко подчеркнутымъ участіемъ рабочихъ не даетъ намъ еще права утверждать, что здѣсь выступалъ уже классъ, сознавшій свою историческую миссію. А казалось бы, что именно французскій рабочій, пережившій Великую революцію, предъ которымъ продефилировали въ роли власть

имущихъ всѣ стоящіе выше него общественные классы, который неоднократно уже расплачивался кровью за свою вѣру въ буржуазію, долженъ былъ бы осознать себя. Между тѣмъ, что же говоритъ намъ 48-ой годъ? Парижскій пролетаріатъ, вышедшій побѣдителемъ изъ борьбы съ ненавистной монархіей, не беретъ власть въ свои руки, не *декретируетъ своей воли*, а *предоставляетъ буржуазнымъ* партіямъ пользоваться плодами побѣды. Во временномъ правительствѣ, представлявшемъ изъ себя коалицію буржуазіи всѣхъ оттѣнковъ, было всего два представителя рабочихъ — Альберъ и Луи Бланъ, кооптированныхъ для успокоенія парижской толпы и не представлявшихъ достаточнаго оплота противъ буржуазныхъ тенденцій временнаго правительства. А вѣдь если Парижъ благодаря политической централизаціи господствовалъ надъ Франціей во время революціи, то рабочіе господствовали надъ Парижемъ. Но въ этомъ-то и сказывалось высокое классовое сознаніе парижскаго пролетаріата, скажутъ намъ; онъ понималъ, что экономическія условія еще далеко не созрѣли для диктатуры пролетаріата, что въ настоящемъ силъ его еще недостаточно для соціалистическаго переворота. Однако, чѣмъ же объяснить тогда лозунгъ французскихъ рабочихъ — право на трудъ? Чѣмъ объяснить, что это утопическое, несомнѣнно въ корнѣ противорѣчащее современному буржуазному строю требованіе было предъявлено ими буржуазному большинству временнаго правительства? Какъ согласовать тогда это высоко развитое классовое сознаніе рабочихъ съ ихъ іюньскимъ возстаніемъ противъ того же временнаго правительства? Вѣдь совершенно очевидно, что возстаніе парижскихъ рабочихъ противъ временнаго правительства вслѣдствіе его враждебнаго отношенія къ національнымъ мастерскимъ имѣло бы смыслъ только тогда, если бы цѣлью возстанія былъ переходъ власти изъ рукъ буржуазіи въ руки самихъ рабочихъ. И чѣмъ глубже мы будемъ всматриваться въ ходъ событій, тѣмъ яснѣе станетъ намъ, что ни о какой классовой политикѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Въ этой революціи, вызванной стремленіемъ широкихъ слоевъ бур-

жуазіи пріобщиться къ власти, пролетаріатъ игралъ подчиненную роль, роль пушечнаго мяса. Какъ въ іюлѣ 1830 г. рабочіе завоевали буржуазную монархію, такъ въ февралѣ 1848 г. они завоевали только буржуазную республику. Вотъ что говоритъ Марксъ относительно французскихъ рабочихъ: «Когда классъ, концентрирующій въ себѣ революціонные интересы *общества, начинаетъ возстаніе, онъ находитъ* содержаніе и матеріалъ своей революціонной дѣятельности непосредственно въ своемъ собственномъ положеніи... Но французскій рабочій классъ еще не былъ въ такомъ положеніи: онъ еще не былъ способенъ совершить свою собственную революцію. Вполнѣ понятно поэтому, что парижскій пролетаріатъ стремился провести свои требованія *рядомъ съ требованіями буржуазіи*, вмѣсто того, чтобы выдвинуть ихъ, какъ революціонныя требованія самого общества, и что онъ допустилъ паденіе *краснаго* знамени передъ трехцвѣтнымъ» *).

И если первая побѣда парижскихъ рабочихъ говоритъ объ ихъ силѣ, объ ихъ мощи, то дальнѣйшіе ихъ шаги уже свидѣтельствуютъ объ ихъ полной политической близорукости. Увлеченные общимъ братаніемъ, разговорами объ уничтоженіи классоваго господства, рабочіе вѣрили, что республика — это осуществленіе ихъ желаннаго идеала. Поэтому учрежденіе министерства труда казалось имъ достаточной гарантіей справедливаго удовлетворенія ихъ экономическихъ нуждъ, и они не считали нужнымъ закрѣплять достигнутое ими вліяніе участіемъ въ государственной власти.

Между тѣмъ, сдѣланныя буржуазіей пролетаріату уступки имѣли лишь въ виду купить его спокойствіе, сосредоточить на нихъ его вниманіе и выиграть время для организаціи своихъ силъ. Планъ этотъ удался ей какъ нельзя лучше. Правда, открытіе національныхъ мастерскихъ, задуманное какъ средство оградить себя отъ эксцессовъ голодной безработной толпы и создать болѣе проч-

---

*) К. Марксъ. Классовая борьба во Франціи въ 1848—1850 г. (Собраніе историческихъ работъ, стр. 14 и 16).

ную связь между ней и новымъ строемъ, не раскололо пролетаріатъ, какъ на то втайнѣ разсчитывало временное правительство. Но оно сдѣлало пролетаріатъ объектомъ жгучей ненависти крестьянства и мелкой буржуазіи, которыя страдали подъ тяжестью созданныхъ 2-ой республикой налоговъ и видѣли въ рабочихъ тунеядцевъ, кормящихся на общественный счетъ. Благодаря этому буржуазное правительство, убѣдившись, что національныя мастерскія могутъ сдѣлаться исходнымъ пунктомъ болѣе широкаго движенія рабочихъ для завоеванія права на трудъ, могло спокойно взять свою уступку обратно, провоцировать рабочихъ на возстаніе и утопить его въ крови.

Но даже іюньское пораженіе не толкнуло пролетаріатъ на путь самостоятельной классовой политики; наоборотъ, оно подвинуло его на блокъ съ революціонно-демократическими элементами. Блокъ этотъ создавался сознаніемъ своего безсилія со стороны рабочихъ и желаніемъ противопоставить надвигающейся контръ-революціи союзъ всей лѣвой со стороны мелко-буржуазной демократіи. Внутри блока соціальныя требованія пролетаріата получили демократическое толкованіе, вырвавшее ихъ революціонное жало. Какъ извѣстно, блокъ этотъ ничего не спасъ. Контръ-революціонныя тенденціи буржуазіи привели ее въ объятія Бонапарта, который не преминулъ задушить ее. Рабочіе встрѣтили переворотъ 2/XII 1851 г. съ нескрываемымъ равнодушіемъ. Буржуазная республика не казалась имъ больше такимъ благомъ, которое стоило бы отстаивать съ оружіемъ въ рукахъ. Политическій индифферентизмъ и глубокое недовѣріе къ республиканскимъ и демократическимъ принципамъ — вотъ что вынесъ французскій пролетаріатъ изъ уроковъ февральской революціи.

Въ Германіи пролетаріатъ еще въ бо̀льшей степени, чѣмъ во Франціи, игралъ въ 1848 году подчиненную роль; его политическая дѣятельность не диктовалась ему сознаніемъ своей классовой обособленности и классовыхъ задачъ. Неразвитость экономическихъ отношеній, слабость крупной промышленности и преобладаніе ремесленныхъ формъ производства накладывали отпечатокъ какъ на оппозиціонное движеніе буржуазіи, такъ и на рабочее движеніе: и то и другое были гораздо элементарнѣй и гораздо менѣе проникнуты сознаніемъ классоваго антагонизма, чѣмъ во Франціи. Правда, городскіе промышленные рабочіе, въ особенности ремесленники, находились подъ вліяніемъ соціалистическихъ и коммунистическихъ идей, но и въ буржуазной средѣ «не было къ концу 1847 г. почти ни одной выдающейся личности, которая бы не выдавала себя за соціалиста». Уже изъ этого можно заключить, что нѣмецкій соціализмъ 40-хъ годовъ имѣлъ мало общаго съ настоящимъ пролетарскимъ соціализмомъ; это была смѣсь французскаго утопизма съ мелко-буржуазными анархическими тенденціями. Вліяніе этихъ ученій простиралось въ сущности лишь на небольшой кругъ рабочихъ, группировавшихся въ различныхъ тайныхъ обществахъ. Когда громовые раскаты парижской революціи дошли до Германіи и послужили сигналомъ къ борьбѣ противъ отжившихъ политическихъ учрежденій, пролетаріатъ, конечно, оказался въ первыхъ рядахъ бойцовъ въ силу своей ненависти къ тираніи, своего демократическаго чувства. Но онъ тонулъ въ сплошной массѣ городского населенія, не стараясь выдѣлиться изъ него. Послѣ мартовской побѣды, въ теченіе кратковременныхъ «дней свободы», которые пришлось пережить Германіи, мы встрѣчаемся, правда, въ крупныхъ городахъ съ рабочимъ движеніемъ, какъ особымъ теченіемъ, но оно не носитъ классоваго характера; оно являлось только прессомъ, подъ давленіемъ котораго дѣйствовала буржуазія. Участіе рабочихъ въ революціи нагоняло на нее страхъ, въ этомъ было его единственное реальное значеніе. Даже непосредственныя экономическія противорѣчія еще слабо сознавались рабочими — не только ремесленными подмастерьями, но и фабрично-заводскимъ пролетаріатомъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, особенно въ Берлинѣ, мы видимъ цѣлый рядъ движеній для улучшенія условій труда, порожденныхъ экономическимъ кризисомъ и вздорожаніемъ жизни, но всѣ они несмотря на громкія фразы, которыми они сопро-

вождались, затихаютъ при малѣйшей уступкѣ предпринимателей, принимаемой съ восторгомъ и благодарностью. Попытки организовать болѣе широкое экономическое движеніе устраняются политическими органами буржуазіи — «мартовскимъ» министерствомъ и городскими магистрами—путемъ назначенія городскихъ комиссій для разслѣдованія положенія рабочихъ, обѣщанія учрежденія министерства труда, обнадеживанія указаніемъ на будущую законодательную дѣятельность народнаго представительства и т. п. сладкими словами. А чуть разражалась гдѣ-нибудь стачка — сейчасъ же раздавались призывы къ спокойствію, вопли о неумѣстности раздоровъ и даже прямое, нерѣдко сопровождавшееся угрозами отрицаніе за рабочими права коалиціи. Какое вліяніе оказывали на рабочихъ рѣчи объ единеніи, видно изъ того взрыва общаго негодованія, который вызвала демократическая газета «Zeitungshalle», вздумавшая предостерегать рабочихъ отъ чрезмѣрнаго братанія съ имущими слоями и намекавшая на предстоящую классовую борьбу.

Конечно, политическая ситуація требовала, чтобы рабочій классъ выступалъ вначалѣ только въ качествѣ крайняго крыла демократическаго лагеря. Но жестоко ошибется тотъ, кто увидитъ въ поведеніи германскаго пролетаріата въ 1848 г. сознательное проведеніе соотвѣтствующей политической линіи. Нельзя разумѣется отрицать извѣстнаго тяготѣнія рабочаго населенія къ образованію собственныхъ политическихъ клубовъ и ферейновъ съ демократической программой и тѣмъ болѣе — правильности нѣкоторыхъ ихъ политическихъ актовъ, какъ-то выступленій въ пользу всеобщаго и прямого избирательнаго права, воздержанія отъ участія въ безцѣльной демонстраціи 6 апрѣля *) и вмѣстѣ съ тѣмъ превращеніе похоронъ убитыхъ въ столкновеніяхъ съ гражданскимъ ополченіемъ рабочихъ въ импозантную демонстрацію. А предложеніе берлинскихъ рабочихъ

*) Подробности см. Бернштейнъ „Исторія берлинскаго рабочаго движенія“.

разгоняемому прусскому національному собранію встать съ оружіемъ въ рукахъ на его защиту, если оно откажется разойтись, хочется назвать актомъ политической мудрости. Но съ другой стороны стоитъ только вспомнить, что нѣсколькимъ сомнительнымъ демагогамъ удалось убѣдить народное собраніе, состоявшее почти сплошь изъ рабочихъ, просить короля о возвращеніи войскъ въ Берлинъ, чтобы понять степень политической незрѣлости рабочаго класса, понять, что большинство его шаговъ, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ, были плодомъ не сознательной мысли, а порыва и инстинкта. Несмотря на то, что рабочіе съ захватывающимъ интересомъ слѣдили за всѣми перипетіями созыва представительныхъ учрежденій— прусскаго и франкфуртскаго національныхъ собраній — мы не видимъ съ ихъ стороны не только организованнаго участія въ выборахъ, выставленія рабочихъ кандидатуръ — что еще можно объяснять сравнительно узкимъ избирательнымъ закономъ, — но и попытки организованнаго давленія на ходъ дѣятельности этихъ учрежденій. Рабочіе, какъ и мелкая буржуазія, ждали, что не имѣющія ни реальной власти, ни твердой опоры въ организованномъ народѣ представительныя собранія собственными усиліями создадутъ
стаьительныя собранія собственными усиліями создадутъ
имъ единую и свободную Германію.

Конечно, въ средѣ самого рабочаго класса были элементы, поднявшіеся на классовую точку зрѣнія. Теченіе это было представлено образовавшимся въ Берлинѣ Центральнымъ Комитетомъ Рабочихъ, во главѣ котораго стояли рабочіе Биски и Борнъ (послѣдній — бывшій членъ Союза Коммунистовъ). Этотъ комитетъ сразу взялъ вѣрную ноту и по отношенію къ заигрываніямъ буржуазіи и по отношенію къ цеховымъ предразсудкамъ рабочихъ, правильно оцѣнивалъ и общее политическое положеніе и задачи рабочаго класса. Такъ Борнъ писалъ въ органѣ Центральнаго Комитета «Народъ» (Das Volk): «Наше время совершенно незрѣлое. Наши условія половинчатыя, наша революція еще не соціальная революція, ея характеръ еще чисто-поли-

тическій, и она не можетъ быть иной, потому что еще не имѣется на лицо тѣхъ условій, которыя необходимы для общественнаго переворота». А главной и ближайшей задачей момента онъ считалъ энергичное содѣйствіе буржуазному политическому перевороту. Своей пропагандой и своей организаціонной работой — имъ былъ созванъ общегерманскій рабочій конгрессъ, основавшій общегерманскій же рабочій союзъ «Братство рабочихъ», — Берлинскій Комитетъ сдѣлалъ очень многое въ смыслѣ прояснения классоваго сознанія захваченныхъ движеніемъ рабочихъ. Но не говоря уже о томъ, что сфера вліянія этого теченія была не очень велика и создавшаяся организація не оказалась устойчивой, соціальная программа этой первой проникнутой духомъ современнаго рабочаго движенія рабочей организаціи была далеко не безупречна. Въ ней мы находимъ много отзвуковъ цеховыхъ мечтаній и утопій мелкобуржуазнаго соціализма, какъ-то кредитныя кассы, ассоціаціи для закупокъ и т. п. И когда затихли революціонныя бури, «Братство рабочихъ» влачило еще нѣкоторое время свое существованіе въ видѣ именно такого общества совмѣстныхъ закупокъ.

Положить фундаментъ классовой организаціи германскаго пролетаріата Борну и его единомышленникамъ не удалось, и когда годы контръ-революціи смѣнились новымъ политическимъ оживленіемъ, Лассалю и основанной имъ рабочей партіи пришлось вновь путемъ кропотливой агитаціонной и организаціонной работы вырывать германскихъ рабочихъ десятокъ за десяткомъ изъ-подъ политическаго вліянія буржуазной демократіи и сплачивать ихъ въ политическую классовую организацію.

III.

Несомнѣнно, что наиболѣе серьезнымъ аргументомъ противъ защищаемаго нами здѣсь взгляда можетъ казаться ссылка на россійскую революцію. Обыкновенно считается, что особенностью россійской революціи по сравненію съ западно-европейскими является участіе въ ней пролетаріата,

сознательно противополагающаго себя буржуазіи и преслѣдующаго общую цѣль освобожденія Россіи въ качествѣ своей особой цѣли, вытекающей изъ его классоваго положенія въ современномъ обществѣ. Объясняютъ эту особенность тѣмъ, что дореволюціонная Россія успѣла подняться на болѣе высокую ступень капиталистическаго развитія, чѣмъ это имѣло мѣсто въ Западной Европѣ. Россійскій пролетаріатъ есть дѣтище крупной промышленности; онъ не проходилъ школы ремесла и мануфактуры, и традиціи ихъ не коснулись его. Поэтому мы находимъ въ его средѣ пролетарскую идеологію въ чистомъ видѣ, не затемненную никакими мелкобуржуазными элементами. Къ тому же россійскій пролетаріатъ, имѣя передъ собой богатый опытъ западно-европейскихъ революцій, могъ сознательно избѣжать тѣхъ ошибокъ, въ которыя впадало западно-европейское рабочее движеніе. Да и русская буржуазія, вынужденная съ перваго же момента дѣйствовать одновременно съ сознательнымъ пролетаріатомъ, не могла стать тѣмъ народнымъ вождемъ, которымъ она являлась въ предыдущихъ революціяхъ Запада. Въ подтвержденіе этой мысли ссылаются обыкновенно на трусливость русской буржуазіи, ея политическую косность, колебанія и соглашательскія тенденціи и противопоставляютъ этому рѣшительность пролетаріата, его политическую сознательность и безграничную преданность дѣлу демократіи. Всѣ эти свойства и дѣлаютъ его естественнымъ вождемъ освободительнаго движенія. Первенствующая роль пролетаріата, и тѣмъ самымъ соціалъ-демократіи, настолько, будто бы, общепризнана, что даже либерализмъ не желаетъ выступать подъ собственнымъ, буржуазнымъ флагомъ и увѣряетъ, что между нимъ и соціализмомъ нѣтъ качественной разницы. «Я не сомнѣваюсь — говоритъ П. Б. Аксельродъ имѣя въ виду вліяніе соціалистической теоріи — что въ Россіи было много либераловъ, которые обидѣлись бы, если бы ихъ назвали таковыми, а не соціалистами» *). Революція, имѣющая цѣлью

*) Борьба соціалистическихъ и буржуазныхъ тенденцій въ русскомъ революціонномъ движеніи СПБ. 1907 г.

установленіе буржуазно-демократическаго господства и сознательно совершаемая пролетаріатомъ — вотъ схема, въ которой выражается обычное представленіе объ особомъ характерѣ происшедшаго въ Россіи политическаго переворота, рѣзко отличающемъ его отъ западно-европейскихъ буржуазныхъ революцій. Но она въ очень малой степени соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Нужно прежде всего имѣть въ виду, что если русскому рабочему была чужда психологія ремесленника, то, взятый прямо отъ сохи, онъ не такъ-то скоро утрачивалъ духовный обликъ и идеалы крестьянина. Между тѣмъ какъ западно-европейскій фабричный пролетаріатъ имѣлъ предъ собой живой примѣръ организаціи ремесленниковъ и выросталъ подъ ея вліяніемъ, все соціальное прошлое русскаго рабочаго препятствовало возникновенію въ немъ стремленія и способности къ организаціи. И въ особенности русскій провинціальный городъ, съ его слабо пульсирующей общественной жизнью, съ мѣщански ограниченнымъ кругозоромъ не являлся подходящей средой для внутренняго духовнаго роста рабочихъ, для воспитанія въ нихъ пролетарскаго духа. Мелко-буржуазныя и даже реакціонныя тенденціи всегда находили себѣ почву въ рабочей средѣ и не вполнѣ исчезли изъ нея и въ настоящее время. И мы имѣемъ достаточно примѣровъ реакціоннаго вліянія этой психологіи, препятствовавшей русскому рабочему движенію усвоить западно-европейскіе методы борьбы. Ссылка на использованіе историческаго опыта Западной Европы оказывается въ свою очередь въ значительной степени пустой фразой. Такъ называемые вожди, конечно, пользуются имъ при составленіи своихъ плановъ, выработкѣ лозунговъ; но мы знаемъ, какъ ничтожно ихъ значеніе въ тѣхъ событіяхъ, героемъ которыхъ является масса, дѣйствующая подъ вліяніемъ стихійныхъ импульсовъ и интересовъ ближайшей минуты. Стихія движенія часто заставляетъ даже вождей совершать вопреки здравому смыслу и историческому опыту такія дѣйствія, которыя абсолютно не оправдываются ни интересами момента, ни задачами движенія. Исторія русской революціи

знаетъ не мало свидѣтельствующихъ объ этомъ примѣровъ.

Россійская революція была точной копіей буржуазныхъ революцій XIX вѣка. Если часто отрицаютъ ея принадлежность къ типичнымъ буржуазнымъ революціямъ, то главнымъ образомъ потому, что не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ содержаніи самого понятія «буржуазная революція», отожествляютъ его съ активнымъ участіемъ самой буржуазіи въ проведеніи революціоннаго переворота. Между тѣмъ характеръ революціи зависитъ въ конечномъ счетѣ не отъ активнаго или пассивнаго участія въ ней тѣхъ или иныхъ слоевъ населенія — въ данномъ случаѣ буржуазіи, — а отъ содержанія породившихъ ее соціальныхъ конфликтовъ и тѣхъ интересовъ, удовлетворенію которыхъ она объективно призвана служить. Роль того или иного класса въ революціи опредѣляется не столько его непосредственной боевой силой и готовностью, сколько его удѣльнымъ вѣсомъ въ обществѣ. Крупная буржуазія не шла у насъ разумѣется сама въ бой, какъ не шла она и ни въ одной западно-европейской революціи; но она «благословляла на бой» разночинную интеллигенцію и свое молодое поколѣніе. Кровно заинтересованная въ уничтоженіи абсолютизма, но не способная самостоятельно и открыто объявить ему войну, она чрезвычайно сочувственно слѣдитъ за направленнымъ противъ стараго порядка движеніемъ массъ, а въ критическіе моменты даже непосредственно поддерживаетъ его. Еще Плехановъ въ своей полемикѣ съ Тихомировымъ говорилъ: «Что значатъ увѣренія историковъ въ томъ, что въ такой-то историческій періодъ буржуазія — или, что почти то же самое, общество, боролось въ такой-то странѣ противъ абсолютизма? Не болѣе и не менѣе, какъ то, что буржуазія толкала и вела рабочій классъ на борьбу...» *). А впослѣдствіи В. Засуличъ въ своей статьѣ «Революціонеры изъ буржуазной среды» **) совершенно справедливо

*) Наши разногласія. Сочин. т. I, стр. 519—20.

**) Соціалъ-Демократъ, т. I, 1890 г.

утверждала, что либералы «отцы» и въ западныхъ революціяхъ 19-го вѣка вели себя не болѣе храбро, чѣмъ наши; что либералы выполняютъ свою миссію, поскольку они, не осмѣливаясь сами идти въ бой, косвенно заражаютъ своихъ «дѣтей» революціоннымъ духомъ, поскольку въ критическій моментъ на Западѣ они заражали и у насъ вѣроятно заразятъ нерѣшительностью господствующую власть». «Въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорится, напримѣръ, что западная буржуазія была революціонна до 48 года, — пишетъ она, — русское общество уже давно революціонно, если брать его всегда цѣликомъ, съ революціонными элементами. Революціонность общества въ томъ-то и выражается всего ярче, что часть его молодежи становится революціонной. Въ томъ же самомъ выражалась и былая революціонность образованныхъ слоевъ западной буржуазіи» *).

И дѣйствительно, въ памятный 1905 г. наша промышленная буржуазія рѣзко и рѣшительно стала на сторону освободительнаго движенія, какъ только убѣдилась въ его мощи и въ неспособности правительства подавить его. Всѣ еще помнятъ, какое ошеломляющее впечатлѣніе произвели записки московскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ, петербургскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ, конторы желѣзозаводчиковъ и др., въ которыхъ недвусмысленно выставлялись требованія политической свободы и конституціонныхъ гарантій. И хотя подачу записокъ нельзя назвать революціоннымъ актомъ, но несомнѣнно, что этимъ путемъ наша буржуазія дѣлала революціонное дѣло въ тѣхъ формахъ, которыя отвѣчаютъ ея сущности и ея психологіи. Страхъ предъ острымъ проявленіемъ пролетарской борьбы въ атмосферѣ общенаціональнаго политическаго подъема способенъ толкнуть и дѣйствительно толкалъ нашу промышленную буржуазію на путь политической оппозиціи во имя реформы. А что касается отношенія буржуазныхъ круговъ къ революціонному движенію, то ни для кого не секретъ та широкая денежная и иная поддержка, которую оказывало

*) Тамъ же.

въ 1905 г. такъ называемое «общество» революціоннымъ организаціямъ и участникамъ отдѣльныхъ массовыхъ выступленій. Нерѣдко даже промышленники охотно уплачивали рабочимъ за забастовочные дни, если забастовки носили чисто-политическій характеръ.

Но если такимъ образомъ буржуазность россійской революціи не подлежитъ сомнѣнію, то необходимо теперь провѣрить, дѣйствительно ли участіе въ ней пролетаріата носило совершенно иной характеръ, чѣмъ въ западно-европейскихъ революціяхъ, дѣйствительно ли россійскій пролетаріатъ въ періодъ революціи велъ строго выдержанную классовую линію, отстаивалъ свои классовые интересы. Вѣдь мы уже указывали, что прологъ русской революціи — январьскія событія — были скорѣе «бунтомъ на колѣняхъ», чѣмъ самостоятельнымъ революціоннымъ движеніемъ, скорѣй стихійнымъ порывомъ массъ, надѣявшихся на милость сверху, чѣмъ хотя бы даже инстинктивнымъ натискомъ на врага; они демонстрировали лишь потенціальную революціонность, не одухотворенную еще классовымъ сознаніемъ. Нельзя видѣть наличности классоваго движенія и въ дальнѣйшемъ ходѣ рабочаго движенія. Время съ января по октябрь было, какъ мы говорили выше, періодомъ революціонной мобилизаціи пролетаріата. Но и здѣсь, несмотря на революціонность лозунговъ, а часто и формъ выступленія, рабочее движеніе шло въ одномъ руслѣ съ обще-демократическимъ освободительнымъ потокомъ, моментами даже сливаясь съ нимъ. Историческая обстановка, въ которой развертывалось русское освободительное движеніе, не только не способствовала развитію принципіальнаго политическаго антагонизма между пролетаріатомъ и либерализмомъ, но даже заставляла ихъ дѣйствовать сообща, чувствовать другъ въ другѣ союзниковъ. Само буржуазное общество выдѣляетъ изъ себя точки опоры пролетарскаго движенія, и черезъ ихъ посредство происходитъ все время процессъ соприкосновенія и взаимодѣйствія этихъ двухъ силъ.

Останавливаясь, наконецъ, на одномъ изъ самыхъ важныхъ этаповъ русской революціи — октябрьской забастовкѣ,

мы должны признать, что и здѣсь не можетъ быть рѣчи о специфически-классовой сознательности пролетаріата. Это былъ стихійный взрывъ — результатъ долгаго клокотанія подземныхъ революціонныхъ силъ народа. Октябрьская забастовка — мы констатируемъ это вопреки распространенному мнѣнію — носила характеръ общенароднаго, а не исключительно пролетарскаго движенія. Правда, благодаря тому, что городская Россія представляла изъ себя высоко развитый хозяйственный организмъ, имѣлась почва для примѣненія пролетарскаго оружія — всеобщей забастовки. Но извѣстно, что какъ идея всеобщей забастовки, такъ и проведеніе ея стали достояніемъ широкихъ слоевъ населенія. Конечно, вслѣдствіе того, что движеніе вылилось въ формѣ забастовки, главная тяжесть его пала на плечи рабочихъ. И однако, не пролетаріатъ положилъ на нее печать своего классоваго духа; напротивъ, тонъ забастовкѣ давали непролетарскіе демократическіе элементы. Можно сказать, забастовка была всеобщей въ томъ смыслѣ, что въ ней не было мѣста противоположенію бастующаго пролетаріата буржуазному обществу. Пролетаріатъ и бóльшая часть этого общества объединились подъ общимъ лозунгомъ, дѣйствительно и буквально слились въ одну армію. Со стороны рабочихъ это не было сознательнымъ отодвиганіемъ и затушевываніемъ своихъ классовыхъ задачъ; они и субъективно не отдѣляли себя отъ другихъ участниковъ движенія, видѣли предъ собой общую всѣмъ цѣль — борьбу съ ненавистнымъ режимомъ. И актъ 17 октября вызвалъ въ нихъ въ первую минуту такое же чувство побѣды и удовлетворенности, какъ и въ остальныхъ соратникахъ. И только когда они воочію убѣдились въ нежеланіи правительства считаться съ манифестомъ, когда организованная бюрократіей реакція отвѣтила на манифестъ цѣлымъ рядомъ погромовъ, рабочіе увидѣли себя вынужденными продолжать борьбу. Какъ разъ этотъ «всеобщій» характеръ октябрьской забастовки и обезпечилъ ей сочувствіе и поддержку самыхъ разнообразныхъ слоевъ буржуазіи. Въ ней участвовала непосредственно не только та кучка интеллигенціи, которая

идейно всецѣло примкнула къ пролетаріату, не только масса мелкихъ служащихъ, близкихъ къ нему по своему соціальному положенію, а вся масса интеллигенціи, не исключая открытыхъ служителей буржуазіи. Безъ участія и поддержки буржуазіи октябрьская стачка врядъ ли приняла бы такіе размѣры и прошла бы такъ дружно, стройно и единодушно. Наряду съ рабочими бастуютъ служащіе частныхъ и общественныхъ учрежденій, инженеры, адвокаты, чиновники министерства финансовъ, государственнаго банка, судебныхъ учрежденій, прекращаетъ занятіе петербургскій мировой съѣздъ въ составѣ 54 судей, а присяжные засѣдатели признаютъ себя неспособными отправлять правосудіе. Московскій стачечный комитетъ, руководившій всеобщей стачкой въ Москвѣ, состоялъ почти исключительно изъ представителей интеллигентскихъ союзовъ. Такимъ образомъ крупная роль буржуазной интеллигенціи въ октябрьскомъ движеніи несомнѣнна; ея участіе наложило на это движеніе отпечатокъ общенароднаго, общенаціональнаго событія. Не оставался безучастнымъ въ эти историческіе дни и крупный капиталъ. Вотъ что говоритъ по поводу отношенія промышленной буржуазіи къ забастовкѣ Хрусталевъ: «Капиталисты не только не препятствовали рабочимъ митингамъ на заводахъ и фабрикахъ; они выдали большинству рабочихъ заработную плату въ половинномъ размѣрѣ за стачечные дни, а въ нѣкоторыхъ предпріятіяхъ заработокъ былъ выданъ полностью. За стачку никто не былъ разсчитанъ. На Путиловскомъ и другихъ заводахъ фабричная администрація выдала депутатамъ Совѣта заработокъ полностью за тѣ дни, когда они были заняты на засѣданіяхъ Совѣта»...*). 19 октября контора желѣзозаводчиковъ требовала отъ правительства фактовъ, подтверждающихъ манифестъ 17 октября. «Совѣщательная контора желѣзозаводчиковъ далеко не поклонница всеобщаго избирательнаго права въ теоріи... Однако рабочее движеніе показало совѣщательной конторѣ желѣзозаводчиковъ, что рабочій классъ,

*) Исторія Совѣта Раб. Депутатовъ, стр. 127.

проявившій съ такой силой свое политическое сознаніе и свою партійную дисциплину, долженъ принять участіе въ народномъ самоуправленіи... Мы должны прямо заявить — Россія вѣритъ только фактамъ, ея кровь и ея нищета не позволяютъ уже вѣрить словамъ». Почти то же самое говорили нѣсколько раньше московскіе промышленники. Въ ихъ докладѣ московскому генералъ-губернатору говорится, что необходимо предоставить рабочимъ возможность свободно обсуждать свои нужды въ помѣщеніяхъ фабрикъ — и — что лучшей мѣрой для успокоенія умовъ является дарованіе русскому народу основныхъ свободъ и реорганизація Положенія о Государственной Думѣ. При такихъ условіяхъ трудно говорить о враждебномъ или даже безразличномъ отношеніи буржуазіи къ освободительному движенію. Пусть она не требуетъ Учредительнаго Собранія, пусть ея тактика не рѣшительна, не прямолинейна. Но въ предѣлахъ, поставленныхъ ей ея классовымъ положеніемъ, она дошла до высшей степени оппозиціонности.

Несомнѣнно, что участіе буржуазіи въ октябрьскомъ движеніи въ значительной степени рѣшило исходъ сраженія, произведя переполохъ въ правительственныхъ кругахъ. Оно показало, что самодержавіе въ его настоящемъ видѣ не можетъ разсчитывать на поддержку даже такихъ консервативныхъ общественныхъ слоевъ. И бросая ретроспективный взглядъ на этотъ могучій и грандіозный потокъ народнаго движенія, намъ даже сейчасъ трудно разложить его на отдѣльные составные элементы и сказать, кому принадлежитъ здѣсь первенство. Да это и не важно. Наиболѣе существеннымъ для насъ выводомъ, вытекающимъ изъ анализа общественнаго движенія того времени, является то, что россійская революція была только варіантомъ западно-европейскихъ буржуазныхъ революцій и провозглашеніе ея особымъ, новымъ типомъ не имѣетъ подъ собой основаній. Безусловно россійская революція не могла быть простымъ повтореніемъ: для этого соціальная структура дореволюціонной Россіи слишкомъ рѣзко отличалась хотя бы

отъ Германіи 40-хъ годовъ. Несомнѣнно, участіе пролетаріата въ революціи проявилось въ Россіи болѣе рѣзко, болѣе рельефно, чѣмъ гдѣ бы то ни было; и все же онъ здѣсь, какъ и всюду, объективно сыгралъ, хоть и значительную, но все же подчиненную роль.

IV.

Лишь въ процессѣ наростанія революціонной волны и усложненія стоящихъ передъ движеніемъ задачъ рабочій классъ группируется вокругъ своихъ самочинныхъ революціонныхъ организацій — Совѣтовъ рабочихъ депутатовъ. Въ революціонномъ водоворотѣ пробуждается и постепенно зрѣетъ классовое сознаніе пролетаріата, образуются первоначальные элементы будущей пролетарской партіи. И интереснѣе всего, что именно здѣсь-то и сказалась вся неподготовленность россійскаго пролетаріата къ самостоятельной роли и стихійный характеръ его движенія. Даже среди выдвинутыхъ Петербургскимъ Совѣтомъ въ самый разгаръ революціи вождей, въ средѣ его лучшихъ руководителей не было яснаго представленія о роли пролетаріата въ историческомъ процессѣ. Видя въ манифестѣ 17-го октября плодъ исключительно пролетарской борьбы, Совѣтъ переоцѣнилъ силы рабочаго класса. Вмѣсто того, чтобы поспѣшить, воспользовавшись замѣшательствомъ правительства и все усиливавшимся недовѣріемъ къ его начинаніямъ, съ организаціей общественныхъ силъ вокругъ общаго центра, вмѣсто того, чтобы пытаться превратить себя въ органъ революціоннаго самоуправленія всего народа, Совѣтъ думалъ руководить революціей, оставаясь чисто-классовымъ представительствомъ. Ему представлялось вполнѣ вѣроятнымъ, что ему же суждено стать и органомъ захвата власти. Вѣрный этимъ тенденціямъ, онъ не допустилъ въ свой составъ представителей отдѣльныхъ интеллигентскихъ союзовъ и тѣмъ самымъ возстановилъ противъ себя буржуазную демократію. И въ дальнѣйшей своей дѣятельности Совѣтъ все такъ же старался подчеркивать классовую обособленность

пролетаріата и враждебность его къ буржуазному строю, полагая, что это наилучшій путь оказанія давленія на буржуазію. Совершенно упуская изъ виду, что революція призвана въ первую очередь служить интересамъ буржуазіи, недальновидные политики Совѣта понимали подъ давленіемъ на буржуазію безпрекословное подчиненіе себѣ послѣдней, клеймя всякое инакомысліе, какъ предательство дѣлу революціи. И не естественно ли, что очутившись между двумя вражескими лагерями, буржуазія поневолѣ должна была выбрать наименьшее зло, примкнуть къ тому изъ нихъ, который не отрицалъ ея права на существованіе? Вѣнцомъ близорукой политики руководителей рабочаго класса явился лозунгъ введенія захватнымъ путемъ 8-часового рабочаго дня. Этотъ важный шагъ, заставившій буржуазію окончательно броситься въ объятія реакціи, не соотвѣтствовалъ ни объективному ходу вещей, ни условіямъ производства. «Это» — говоря словами Череванина — «была несчастная идея, которая ничего, кромѣ вреда, революціи принести не могла. Одно изъ двухъ: или борьба заканчивается полной побѣдой революціи, создается демократическій органъ власти, и тогда 8-часовой рабочій день можетъ быть проведенъ государственнымъ путемъ, или борьба еще не кончена, и тогда осложнять ее такой крупной схваткой съ капиталистами, какой не могло не стать насильственное введеніе 8-часового рабочаго дня, значило только ослаблять силы революціи, значило уменьшать шансы на побѣду»*). Попытка захватнаго введенія 8-часового рабочаго дня явилась слѣдствіемъ переоцѣнки силъ пролетаріата, слѣдствіемъ полнаго непониманія той роли, которую послѣдній долженъ играть въ буржуазной революціи. Она была, конечно, только однимъ изъ звеньевъ длинной цѣпи утопическихъ построеній и мечтаній соціалъ-демократіи о гегемоніи пролетаріата. Внѣ связи съ этой общей теоріей выступленіе рабочихъ не казалось бы такимъ грознымъ

*) Пролетаріатъ въ революціи, стр. 66, изд. „Движеніе", Москва, 1907.

и уже ни въ коемъ случаѣ не вызвало бы столь рѣзкаго поворота въ настроеніи буржуазіи, какъ это имѣло тогда мѣсто. На фонѣ же превозглашенія гегемоніи пролетаріата и перманентной революціи самовольное введеніе 8-часового рабочаго дня казалось буржуазіи первымъ шагомъ къ полной ея экспропріаціи. Взявъ на себя иниціативу этого шага, соціалъ-демократія сдѣлала лишь практическіе выводы изъ своей теоріи гегемоніи пролетаріата, и вся тяжесть отвѣтственности за роковой исходъ падаетъ на нее, на ея неспособность оріентироваться въ сложной политической ситуаціи. Правда, значительная часть петербургскихъ рабочихъ воодушевилась лозунгомъ борьбы за 8-часовой рабочій день; Совѣтъ принялъ это предложеніе почти единогласно, и борьба разгорѣлась въ большинствѣ петербургскихъ предпріятій. Окруженные ореоломъ героизма, преувеличивая свою силу, сознательные рабочіе видѣли себя господами положенія; имъ казалось, что они уже на самомъ дѣлѣ стоятъ у преддверія соціализма. Они видѣли въ захватѣ 8-часового рабочаго дня символъ пролетарскаго владычества; ихъ толкало стремленіе проявить свою власть и вкусить осязательные плоды ея. Они не допускали мысли, что буржуазія можетъ оказать рабочей массѣ серьезное сопротивленіе. «8-часовой рабочій день», говорится въ «Исторіи Совѣта Раб. Депутатовъ», составленной непосредственными участниками событій, «былъ самымъ популярнымъ требованіемъ широкихъ пролетарскихъ массъ. Онъ былъ единственнымъ, чисто-пролетарскимъ лозунгомъ нашей революціи. Учредительное Собраніе, четырехчленная формула и другія революціонныя задачи, выставляемыя пролетаріатомъ, были требованіями общенаціональными. Пролетаріатъ, конечно, не менѣе страстно добивался и ихъ осуществленія, но въ борьбѣ за нихъ онъ надѣялся на поддержку другихъ слоевъ населенія. Въ борьбѣ же за 8-часовой рабочій день онъ былъ одинъ. Завоевавши, хотя бы и временно, власть, онъ долженъ былъ прежде всего осуществить это свое требованіе». (Стр. 260).

Не классовое сознаніе говорило здѣсь въ рабочихъ, а

элементарный классовый инстинктъ. Какъ рабочіе, такъ и въ особенности Совѣтъ въ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ руководствовались примитивной ненавистью къ промышленной буржуазіи, смотрѣли на нее, какъ на личнаго врага. За этой ненавистью исчезали общія освободительныя задачи, терялась способность къ хладнокровному политическому разсчету, къ объективной оцѣнкѣ момента. Казалось нужнымъ и необходимымъ все то, что въ данный моментъ могло такъ или иначе повредить буржуазіи. Вся линія поведенія пролетаріата диктовалась ему не политическими соображеніями, а настроеніемъ минуты, вызванымъ тѣмъ или инымъ событіемъ. Здѣсь сказалось, что онъ выросъ и сложился при полномъ отсутствіи открытой политической жизни, при отсутствіи дѣйствительной междуклассовой политической борьбы, что въ его коллективномъ сознаніи то немногое, что могла дать дореволюціонная Россія въ смыслѣ классоваго воспитанія, сводилось къ примитивной формулѣ: «буржуазія врагъ полнаго политическаго освобожденія, и потому заклятый врагъ рабочаго класса».

Рѣзко расходится съ признаніемъ внутренней самостоятельности рабочаго движенія и разлившаяся уже въ декабрѣ 1905 г. волна террористическихъ симпатій и настроеній, благодаря которымъ экспропріаторство и боевизмъ окружались ореоломъ героизма, и каждый шагъ въ этомъ духѣ считался болѣе революціоннымъ и достойнымъ сознательныхъ пролетаріевъ, чѣмъ организаціонная работа и политическое просвѣщеніе. Язва боевизма нерѣдко активно заражала сознательныхъ и дѣятельныхъ членовъ партійныхъ организацій, и они не брезгали участвовать въ экспропріаторскихъ авантюрахъ.

Вообще не видно, чтобы ближайшую и непосредственную цѣль октябрьскаго движенія рабочій классъ разсматривалъ, какъ необходимый этапъ на своемъ историческомъ пути. Тогда онъ не былъ бы простымъ тараномъ въ рукахъ друзей и недруговъ, направляющихъ его на твердыни самодержавія; тогда всѣ его усилія *были бы направлены не на раздробленіе*, а на объединеніе и сплоченіе силъ демократіи

и на созданіе прочной, устойчивой рабочей организаціи, объединяющей широкіе слои пролетаріата и служащей ему *орудіемъ политической борьбы. Опираясь на нее*, онъ сумѣлъ бы использовать буржуазію, толкнуть ее не вправо, а влѣво и обезпечить себѣ необходимый минимумъ политической *свободы. Но въ томъ-то и дѣло, что всего этого* не было. Въ Россіи классовое господство буржуазіи затемнялось и ослаблялось господствомъ абсолютизма. Это *задерживало развитіе и обостреніе классовыхъ противорѣчій*, и нерѣшительной, трусливой, не вполнѣ еще сложившейся и не выявившей окончательно своей классовой *сущности русской буржуазіи соотвѣтствовалъ неоформленный*, неорганизованный, не опредѣлившійся еще какъ классъ пролетаріатъ. Исторія россійской революціи подтверждаетъ намъ правильность словъ Маркса: «Каковъ господинъ, таковъ слуга... Движеніе рабочаго класса никогда не пріобрѣтаетъ самостоятельности и исключительно пролетарскаго характера, пока всѣ различныя части буржуазіи и особенно ея прогрессивнѣйшая часть, промышленники, не завоевали политической власти и не преобразовали государства сообразно своимъ потребностямъ»*). Въ такихъ условіяхъ соціалистическая проповѣдь классовой борьбы неизбѣжно должна была носить абстрактно пропагандистскій, а непосредственная политическая агитація и всѣ политическія выступленія рабочаго класса — революціонно-демократическій характеръ. Пролетаріатъ не вкладывалъ въ сущности въ свои политическія требованія и политическія выступленія никакого классоваго содержанія и тѣмъ самымъ сливался съ общимъ демократическимъ движеніемъ. Однако, классовый инстинктъ все же побуждалъ его въ періодъ революціи отгородиться отъ буржуазіи, и эти-то проявленія классоваго инстинкта соціалъ-демократія принимала за дѣйствительное классовое сознаніе. Отсюда ея усиленныя старанія нарядить рабочее движеніе въ соціалистическій костюмъ по западно-европей-

---

*) Революція и контръ-революція въ Германіи (Собраніе историческихъ работъ, стр. 278).

скому образцу, стѣснявшій его и мѣшавшій его развитію и проявленію, какъ демократической силы. Отсюда же упорные поиски обособленной классовой позиціи; и такъ какъ въ рамкахъ диктуемаго моментомъ политическаго движенія такой позиціи не оказывалось, то и возникала потребность въ пустыхъ, но звонкихъ революціонныхъ фразахъ и стремленіе къ безпочвеннымъ лозунгамъ, подобно лозунгу революціоннаго введенія 8-часового рабочаго дня или вооруженнаго возстанія, только повредившимъ дѣлу демократіи.

V.

Кажущееся противорѣчіе между видимостью и сущностью рабочаго движенія, обнаруженное нами путемъ анализа роли пролетаріата въ буржуазной революціи, совершенно исчезнетъ, какъ только мы станемъ на ту точку зрѣнія, которую старались уже развить въ началѣ этой главы — какъ только мы признаемъ, что каждый классъ познаетъ себя лишь на опредѣленной ступени историческаго развитія и что для пролетаріата такой ступенью будетъ развитое буржуазное государство. Эта мысль проглядываетъ уже въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ теоретиковъ русскаго соціалъ-демократическаго движенія — Аксельрода и Плеханова — написанныхъ еще до возникновенія соціалъ-демократической партіи. Такъ Аксельродъ говоритъ: «Въ Россіи, гдѣ пролетаріатъ находится только въ процессѣ выдѣленія изъ вѣками жившей въ рабствѣ и невѣжествѣ народной массы, онъ самъ еще стоитъ въ массѣ своей на слишкомъ низкой ступени культурнаго развитія, чтобы быть въ состояніи уже въ желѣзныхъ тискахъ абсолютизма возвыситься до роли сознательной революціонной силы безъ прямой или косвенной помощи буржуазіи» *). А Плехановъ въ своей работѣ «Соціализмъ и политическая борьба» писалъ: «Единственной нефантастической цѣлью русскихъ соціалистовъ можетъ быть теперь завоеваніе политическихъ учрежденій съ одной стороны и выработка элементовъ для будущей рабочей соціалистической партіи Россіи съ другой. Соціалистическая интеллигенція должна всѣми силами стремиться къ тому, чтобы въ первый же періодъ конституціонной жизни Россіи нашъ рабочій классъ могъ выступить въ качествѣ особой партіи съ опредѣленной соціально-политической программой». Но по мѣрѣ того, какъ соціалистическая интеллигенція старалась практически вмѣшаться въ рабочее движеніе и строила всероссійскую соціалъ-демократическую организацію, по мѣрѣ того, какъ съ одной стороны росло революціонное возбужденіе массъ и совершался политическій подъемъ либерально-демократическихъ слоевъ общества, а съ другой — соціалъ-демократія становилась замѣтной силой на аренѣ освободительной борьбы, привлекая къ себѣ наиболѣе передовые элементы рабочихъ и интеллигенціи, она на эту свою организацію стала смотрѣть не какъ на орудіе пропаганды и выработки элементовъ политической рабочей партіи, а какъ на дѣйствительную, создаваемую самимъ классомъ рабочую партію. Между тѣмъ, было бы совершенно неестественно, чтобы классъ, не жившій еще политической жизнью и не выдвигаемый объективными условіями на авансцену въ качествѣ руководящаго фактора, пришелъ къ сознанію своей исторической миссіи и правильно намѣтилъ бы путь своей классовой политики. Невозможно себѣ представить, чтобы классъ созрѣлъ внѣ объективной обстановки и на цѣлый періодъ раньше, чѣмъ онъ могъ быть выдвинутъ исторической необходимостью. Исторія не знаетъ такихъ предвосхищеній; во время буржуазной революціи пролетаріатъ видитъ и сознаетъ только общенаціональный характеръ освободительнаго движенія и отнюдь не видитъ въ немъ этапа своей классовой борьбы. Правда, отдѣльные элементы рабочаго класса, а иногда и цѣлыя группы, повинуясь слѣпому классовому инстинкту, стараются въ періодъ революціи выйти за предѣлы, поставленные ходомъ историческаго процесса, и исторія всегда

*) „Борьба соціалистическихъ и буржуазныхъ тенденціи въ русскомъ революціонномъ движеніи С.П-б. 1907. 1) Историческое положеніе и взаимоотношеніе либеральной и соціалистической демократіи въ Россіи“, стр. 27, 1898 г.

ихъ за это жестоко наказываетъ; примѣръ тому — іюнское возстаніе 1848 года. Въ маломъ масштабѣ этотъ историческій урокъ былъ преподанъ и намъ на дѣятельности петербургскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ. Вотъ почему для класса, недостаточно еще осознавшаго себя, руководимаго не столько классовымъ сознаніемъ, сколько классовымъ инстинктомъ, такъ опасны всякіе эксперименты съ захватомъ власти, приводящіе къ заранѣе обреченнымъ на неудачу попыткамъ осуществленія своего соціальнаго идеала. Историческое предвидѣніе доступно лишь отдѣльнымъ личностямъ. Конечно, и группа лицъ, стоящихъ на почвѣ научной исторической теоріи, способна подняться надъ субъективными мнѣніями и понять объективный смыслъ совершающихся событій. Но такая группа, строго придерживающаяся своихъ теоретическихъ построеній, за рѣдкими исключеніями оказывается политически-безплодной, превращается въ научный кружокъ, неспособный къ активной роли, къ активному вліянію. Вѣдь массы, къ которымъ она обращается, не считаются съ теоріей, а руководятся своимъ инстинктомъ, принимаютъ въ соображеніе лишь ближайшее и конкретное. Россійской соціалъ-демократіи не грозила такая судьба. Она стремилась прежде всего къ активной дѣятельности, къ политическому вліянію на массы. Революціонный подъемъ выбилъ ее временно изъ колеи привычнаго доктринерства и бросилъ въ омутъ политическихъ страстей. Подъ стихійнымъ напоромъ событій она ринулась навстрѣчу желаніямъ и порывамъ рабочей массы, не пробовала относиться къ нимъ критически, а наоборотъ, старалась подвести подъ нихъ теоретическій фундаментъ. Путаясь въ лабиринтѣ всевозможныхъ противорѣчій, соціалъ-демократія договаривалась не только до лозунга революціоннаго введенія 8-часового рабочаго дня, но и, вопреки азбучнымъ истинамъ марксизма, до перманентной революціи. Такъ зло подшутила исторія надъ тѣми, которые одни только и могли, оперируя своимъ матеріалистическимъ методомъ, вскрыть буржуазный характеръ русской революціи, дать объективный анализъ совершавшихся событій.

Теперь намъ станетъ вполнѣ понятнымъ, почему соціалъ-демократія, несмотря на всѣ свои старанія, не могла превратиться въ рабочую партію, почему она никогда не переставала быть организацiей по преимуществу интеллигентской. Происходило это не потому, конечно, что интеллигенція совершенно не давала рабочимъ, какъ это говорится, хода. Она неоднократно обращалась къ нимъ съ призывомъ не плестись въ хвостѣ интеллигенціи, а взять дѣло въ свои руки. И не подполье и предъявляемыя имъ высокія требованія тутъ виной; пролетаріатъ, чувствующій потребность организоваться, сумѣлъ бы разорвать подпольныя путы и создать тамъ наверху тѣ или иныя формы классовой организаціи. Все дѣло въ томъ, что несозрѣвшій классъ не чувствуетъ потребности въ самостоятельной политической организаціи и не дѣлаетъ попытокъ къ созданію ея; всѣ организаціонныя потуги его не идутъ дальше объединенія для преслѣдованія культурныхъ и профессіональныхъ нуждъ.

Такимъ образомъ, въ дореволюціонный періодъ не могла создаться классовая рабочая партія. Ближе всѣхъ подходила къ неоформленной рабочей массѣ несомнѣнно соціалъ-демократія, политическое credo и идеологія которой настойчиво толкали ее навстрѣчу массамъ. Но и она лишь субъективно, въ своемъ собственномъ представленіи была классовой партіей пролетаріата. Объективно же ей, подобно французскимъ и германскимъ соціалистамъ 40-хъ годовъ, пришлось играть роль идеологовъ лѣваго крыла буржуазно-демократическаго движенія, опорой и физической силой котораго былъ пролетаріатъ. «Россія не избѣгла иллюзіи, которая не мало вреда принесла во Франціи и Германіи наканунѣ революціи XIX в.: у насъ, какъ и тамъ, почти все радикальное казалось соціалистическимъ»*). Истинную общественно-историческую роль соціалъ-демократической интеллигенціи въ Россіи вскрылъ впервые Аксельродъ въ своихъ извѣстныхъ статьяхъ.

*) А. Мартыновъ, „Главнѣйшіе моменты въ исторіи русскаго марксизма“ въ сборникѣ „Общественное движеніе“, т. II 2, стр. 306.

Онъ говоритъ: «Словомъ, идейная оболочка — революціонно-соціалъ-демократическая, а реальное содержаніе по существу, въ принципіальномъ смыслѣ, едва ли выходитъ за рамки буржуазнаго революціонизма... И если, какъ говоритъ Марксъ по поводу Великой французской революціи, «въ классическихъ строгихъ преданіяхъ римской республики борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственныя формы иллюзіи, необходимыя для того, чтобы скрыть отъ самихъ себя буржуазно-ограниченное содержаніе своей борьбы», то отчего бы исторіи не сыграть съ нами злую шутку, облачивъ насъ въ идейный костюмъ классически-революціонной соціалъ-демократіи, чтобы скрыть отъ насъ «буржуазно-ограниченное содержаніе нашей борьбы»*). Такимъ образомъ, мы видимъ, что соціалъ-демократическая партія въ дореволюціонную эпоху была соціалъ-демократической лишь по названію, а не по существу. Называя себя политической представительницей рабочаго класса, она лишь ошибочно принимала объективное соотвѣтствіе соціалъ-демократической идеологіи классовымъ интересамъ пролетаріата за реально существующую связь съ самимъ пролетаріатомъ. По существу же своему, по естественно-ограниченному кругу своей дѣятельности она была ничѣмъ инымъ, какъ обществомъ для пропаганды соціалъ-демократическихъ идей. Для дѣйствительной же соціалъ-демократіи, т. е. партіи дѣйствующей, въ духѣ объективныхъ интересовъ рабочаго класса, тѣсно связанной съ нимъ и будящей его самодѣятельность, не было реальной исторической почвы, такъ какъ условія россійской дѣйствительности не заключали въ себѣ даже зачаточныхъ элементовъ для политической борьбы на основѣ классоваго антагонизма. И пролетаріатъ и революціонная интеллигенція были въ политическомъ отношеніи ничѣмъ инымъ, какъ слугами оппозиціонной буржуазіи: одинъ потому, что не сложился еще во внутренне самостоятельную революціонную силу, другая потому, что

*) Борьба соціалистическихъ и буржуазныхъ тенденцій въ русскомъ движеніи (СПБ. 1907) стр. 82.

соціальная природа ея не позволяла ей существовать въ качествѣ самостоятельнаго революціоннаго элемента. Не сливаясь съ буржуазной демократіей организаціонно, рабочее движеніе все-таки дѣлаетъ одно дѣло съ ней, выполняетъ въ сущности ея историческія предначертанія. Слѣдовало ли ему слиться съ буржуазно-демократическимъ лагеремъ и организаціонно, какъ это предлагали авторы знаменитаго «Credo»? На этотъ вопросъ мы отвѣчаемъ отрицательно. Пусть соціалъ-демократія не была и не могла быть дѣйствительной политической партіей рабочаго класса; пусть самый фактъ ея существованія является существеннымъ препятствіемъ для развитія самодѣятельности передовыхъ элементовъ пролетаріата, пусть игнорированіе экономическихъ и профессіональныхъ нуждъ рабочей массы, пренебреженіе къ первичнымъ элементарнымъ формамъ легальнаго рабочаго движенія составляютъ ея великій грѣхъ. Но не менѣе велика и ея заслуга передъ рабочимъ движеніемъ. Она привила ему мысль и привычку къ организаціонной самостоятельности — привычку, которая теперь оказалась прекраснымъ орудіемъ въ борьбѣ за внутреннюю классовую самостоятельность. И можно смѣло сказать, что русское рабочее движеніе можетъ стать оппортунистическимъ, отклониться отъ соціалъ-демократіи или, вѣрнѣй, отъ соціалъ-демократической партіи, но оно никогда теперь уже не пойдетъ подъ флагомъ государственнаго соціализма или подъ флагомъ буржуазнаго прогресса, оно всегда останется самостоятельнымъ классовымъ движеніемъ. И это въ значительной степени заслуга соціалъ-демократіи, пропаганда которой шла параллельно со стихійнымъ процессомъ, толкавшимъ пролетаріатъ къ самостоятельной роли. Не менѣе цѣнной заслугой ея предъ рабочимъ движеніемъ является то, что она воспитала цѣлый рядъ активныхъ дѣятелей-рабочихъ, указала ихъ мятущемуся духу, ихъ жаждѣ активности объективно правильный выходъ и послужила имъ школой, познакомившей ихъ съ научнымъ соціализмомъ. Это тѣ самые элементы, которые впослѣдствіи стали въ главѣ легальнаго рабочаго движенія; среди нихъ не мало можно

было бы найти незаурядныхъ политическихъ дѣятелей, если бы не тяжелыя россійскія условія, заставившія ихъ засѣдать вмѣсто парламента въ тюрьмѣ, ссылкѣ и даже на каторгѣ.

Съ другой стороны, еще большой вопросъ, оказалось ли бы раствореніе рабочаго движенія въ общедемократическомъ полезнымъ дѣлу демократіи. Какъ разъ существованіе самостоятельнаго рабочаго движенія съ соціалъ-демократической окраской въ значительной степени содѣйствовало политическому самоопредѣленію и кристаллизаціи буржуазной демократіи. Самостоятельное участіе рабочей демократіи въ политической жизни придавало всему освободительному движенію болѣе яркую окраску, повышало его революціонную интенсивность. Не достигнувъ еще полной политической зрѣлости, живя еще преимущественно подсознательной жизнью пролетаріатъ все же уже является факторомъ политическаго разслоенія, факторомъ обостренія классовыхъ противорѣчій въ процессѣ совмѣстной политической борьбы.

ГЛАВА III.

Открытая борьба, побѣды и пораженія.

I.

1905-ый годъ былъ годомъ наивысшаго вліянія, достигнутаго когда-либо соціалъ-демократіей. Въ эти знаменательные дни революціи ея лозунги, резолюціи и директивы восторженно принимались не одними рабочими, но и широкими слоями буржуазной демократіи. Политически дѣвственная, только сейчасъ разбуженная пальбой на манчжурскихъ поляхъ, объединенная общей ненавистью къ тѣмъ, кто навлекъ на нее неслыханный позоръ и бѣдствія, масса единодушно одобряетъ самыя крайнія, самыя рѣзкія резолюціи. Она жадно ловитъ раздающееся со свободныхъ, захваченныхъ у растерявшейся бюрократіи трибунъ соціалъ-демократическое слово, бичующее правительство и его политику, показывающее ей въ иномъ свѣтѣ все то, что еще недавно было для нея темно и свято. Въ этотъ моментъ общенаціональнаго возбужденія происходитъ подмѣнъ дѣйствительнаго кажущимся. Масса какъ бы кается въ своемъ историческомъ невѣдѣніи, въ своемъ вѣковомъ молчаніи и попустительствѣ и спѣшитъ загладить прошлое, наверстать потерянное, увѣрить себя, что она уже отрѣшилась отъ всѣхъ своихъ заблужденій. Рѣзко радикальная и готовая на все въ резолюціяхъ, она врядъ ли оказалась бы такой же въ дѣйствіи, врядъ ли рѣшилась бы отстаивать на дѣлѣ исповѣдуемые на словахъ принципы. Однако, революціонная возбужденность массъ, способствовавшая вос-

пріятію крайнихъ лозунговъ, учитывалась вождями, какъ непосредственный результатъ организаціоннаго вліянія соціалъ-демократіи. Соціалъ-демократамъ казалось, что массы вовлекаются въ борьбу ихъ усиліями, а не непосредственной логикой событій, на буксирѣ у которой они сами въ дѣйствительности тащились. Это полное непониманіе причинной связи совершающагося должно было стать прологомъ къ цѣлому ряду дальнѣйшихъ, не менѣе существенныхъ промаховъ. Вихрь революціонныхъ событій, заманчивыя перспективы будущаго создавали такую психологическую атмосферу, въ которой былъ совершенно невозможенъ спокойный анализъ разыгравшихся событій. Растерянность власти, нерѣшительность и податливость буржуазнаго общества, всеобщій, казалось бы, энтузіазмъ низовъ, авторитетность самочинныхъ рабочихъ организацій и органовъ революціоннаго самоуправленія — все это способствовало возвеличенію пролетаріата, и фраза «Его Величество Пролетаріатъ» вполнѣ соотвѣтствовала духу времени и никому не казалась чудовищной. Никто не отдавалъ себѣ отчетъ, что за этой фразой скрывается распыленное, въ огромной массѣ своей малосознательное, абсолютно непривычное къ организаціи и легко поддающееся разнообразнымъ стихійнымъ порывамъ рабочее движеніе необъятной Россіи. Ураганъ несбыточныхъ иллюзій увлекъ за собою и тѣхъ, кто не привыкъ обыкновенно подчинять свои шаги настроенію минуты, кто соразмѣрялъ ихъ съ темпомъ развитія производительныхъ силъ страны. Серьезные люди, еще такъ недавно съ успѣхомъ доказывавшіе народникамъ аналогичность экономическаго развитія Россіи съ таковымъ же процессомъ въ Западной Европѣ и близость буржуазной революціи, теперь подъ вліяніемъ бушующей стихіи забываютъ все ранѣе ими сказанное и ничтоже сумнящеся заявляютъ вдругъ о самобытности Россіи, о возможности и необходимости у насъ перманентной революціи. Трудно повѣрить, что человѣкъ, писавшій весной 1905 г.: «Политическая стачка какъ единоборство пролетаріата съ полиціей и войсками при враждебности или хотя бы пассивности всего остальнаго населенія означала бы для насъ несомнѣнный крахъ»*) — что этотъ человѣкъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сталъ глашатаемъ идеи перманентной революціи и однимъ изъ вдохновителей гибельной тактики петербургскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ. Да и онъ ли одинъ?.. Вліятельная соціалъ-демократическая газета — лейбъ-органъ меньшевизма — «Начало» въ цѣломъ рядѣ руководящихъ статей пропагандируетъ идею непрерывной революціи и непосредственнаго перехода буржуазной революціи въ соціалистическую. Въ № 10 Парвусъ выдвигаетъ диктатуру пролетаріата, какъ задачу момента. «Мы вошли въ новую стадію развитія революціи. Борьба ведется теперь уже не за тѣ или другія законодательныя нормы государственнаго устройства, а непосредственно за правительственную власть. Чрезъ посредство учредительнаго собранія или безъ него на очереди стоитъ вопросъ революціоннаго правительства». И на возникающій самъ собою вопросъ, какія же политическія силы будутъ поддерживать это правительство, онъ безпечно отвѣчаетъ «эта сила — революціонный пролетаріатъ». Легальные соціалъ-демократическіе органы, расходясь въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ, способствовали проникновенію этого заблужденія въ широкія рабочія массы. Соціалъ-демократическіе ораторы громили предъ экзальтированной толпой не самодержавіе, которое считали уже поверженнымъ, а исключительно алчность буржуазіи, ея стремленіе всецѣло овладѣть плодами побѣды. Даже въ резолюціи ноябрскаго съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей, представляющей кульминаціонный пунктъ буржуазнаго радикализма, — въ ней требовался созывъ Думы съ учредительными функціями, избранной на основѣ четырехчленной формулы — соціалъ-демократія не усмотрѣла ничего кромѣ буржуазной измѣны. Агитаціонныя рѣчи соціалъ-демократовъ были бы, пожалуй, вполнѣ умѣстны въ моментъ торжества буржуазной революціи; не занимаясь совершенно выясненіемъ дѣйствительнаго соотношенія бо-

*) Троцкій, „До 9-го января“.

рющихся соціальныхъ силъ и поддерживая въ пролетаріатѣ иллюзію, что онъ наканунѣ полнаго господства, онѣ въ настоящій моментъ ничего, кромѣ вреда, не приносили. Хотя такая агитація, обѣщая пролетаріату въ недалекомъ будущемъ всякія блага, и могла его революціонизировать, однако истинное революціонизированіе умовъ возможно лишь въ томъ случаѣ, когда агитація не только радикальна по существу, но и находится въ полномъ соотвѣтствіи съ задачами момента, призываетъ къ конкретнымъ и актуальнымъ политическимъ дѣйствіямъ. Соціалъ-демократіи слѣдовало сдѣлать опорнымъ пунктомъ своей дальнѣйшей агитаціи фактъ предстоящаго созыва народнаго представительства, постараться концентрировать силы пролетаріата на борьбѣ за всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право при выборахъ въ Думу. Въ этихъ требованіяхъ пролетаріатъ *нашелъ бы общую почву для совмѣстной борьбы съ другими* слоями населенія; правительство попрежнему было бы изолировано и вынуждено отступить передъ общимъ натискомъ. Соціалъ-демократія не считалась съ этимъ и вмѣсто того, чтобы реализовать энергію пролетаріата въ актуальной политической компаніи, она толкала его на позицію, при которой неизбѣжно было его пораженіе — на использованіе завоеванной свободы для подготовки вооруженнаго возстанія. Такая агитація пугала буржуазію призракомъ близкой соціалистической революціи и тѣмъ самымъ толкала ее въ объятія реакціи. Способствуя преждевременному изолированію пролетаріата отъ его естественнаго союзника на пути къ установленію буржуазнаго господства, соціалъ-демократія тѣмъ самымъ объективно играла только въ руку реакціи. Реакція умѣло использовало создавшееся положеніе, при которомъ ни буржуазный либерализмъ вслѣдствіе своей безпочвенности ни пролетаріатъ вслѣдствіе своей изолированности и неорганизованности не въ силахъ были реализовать побѣду 17-го октября. Искусно раздувая конфликты между недавними союзниками и стараясь изолировать ихъ другъ отъ друга, она усердно запугивала буржуазію краснымъ призракомъ и предлагала ей вооруженную помощь. Одной

рукой правительство разгромило самочинныя революціонныя организаціи и потопило въ крови всѣ попытки сопротивленія и возстанія, а другой издало новое Положеніе о Государственной Думѣ, дѣлая видъ, что идетъ навстрѣчу *умѣреннымъ элементамъ*.

Невѣрному представленію о силѣ и вліяніи соціалъ-демократической организаціи мы обязаны и тѣмъ, что въ «дни свободы» ею былъ упущенъ несомнѣнно чрезвычайно благопріятный моментъ для основанія дѣйствительно рабочей соціалистической партіи. Конечно, соціалъ-демократическая партія въ томъ видѣ, въ какомъ она, напримѣръ, существуетъ сейчасъ въ Германіи или даже Австро-Венгріи, не можетъ быть создана сразу, хоть бы и въ періодъ революціоннаго подъема; но открытая арена дѣятельности, широкій интересъ и революціонность рабочихъ, а главное, тотъ сдвигъ, который заставилъ придти въ движеніе всѣ классы населенія, создавали до чрезвычайности благопріятную обстановку, въ которой очень легко было заложить прочный фундаментъ рабочей партіи. Соціалъ-демократія не сумѣла, да и не могла объективно взглянуть на вещи и использовать благопріятно складывавшіяся обстоятельства для кореннаго преобразованія своей организаціи. Ей казалось, что именно въ этомъ отношеніи у нея все обстоитъ благополучно, организація не требуетъ никакихъ существенныхъ реформъ. Ея вліяніе поэтому осталось незакрѣпленнымъ и не вылилось въ соотвѣтствующія организаціонныя формы.

Вмѣсто того, чтобы использовать рабочіе парламенты — Совѣты Рабочихъ Депутатовъ, опирающіеся на широкія пролетарскія массы и превратить ихъ въ первоначальныя базы для построенія легальной рабочей партіи, большая часть соціалъ-демократіи видѣла въ нихъ лишь простой техническій аппаратъ для проведенія въ жизнь своихъ рѣшеній. Получивъ благодаря *настроенію массъ* и наличности нѣкотораго политическаго багажа преобладающее вліяніе въ совѣтахъ, она превратила ихъ изъ настоящихъ рабочихъ парламентовъ въ орудіе своей недѣйственной тактики, безплодной и въ политическомъ отношеніи и въ смыслѣ классоваго воспитанія.

Мы уже указали раньше, что лозунгъ захватнаго введенія 8-часового рабочаго дня былъ въ значительной степени продиктованъ социалъ-демократической организаціей. Онъ обсуждался еще на III (большевистскомъ) съѣздѣ, какъ ближайшій, цѣлесообразный тактическій шагъ. Такой методъ осуществленія рабочихъ требованій былъ даже провозглашенъ критеріемъ истинной революціонности. И въ дальнѣйшей своей дѣятельности петербургскій Совѣтъ находился подъ вліяніемъ пресловутой истины, раздѣлявшейся тогда всей социалъ-демократіей, что революція уперлась въ возстаніе. Онъ считалъ рѣшительную схватку съ самодержавіемъ неизбѣжной и не сомнѣвался въ ея благополучномъ исходѣ. Городской пролетаріатъ, желѣзнодорожники, крестьянство, солдаты — все это сливалось въ его воображеніи въ одну грозную революціонную армію, готовую по первому же сигналу ринуться на врага. Въ особенности непрерывные аграрные безпорядки и направленіе происходившаго въ Москвѣ въ ноябрѣ 1905 г. съѣзда Крестьянскаго Союза питали въ немъ иллюзіи относительно революціонности и боевой готовности крестьянства. Благодаря тому, что Совѣтъ на все окружающее смотрѣлъ черезъ очки «вооруженнаго возстанія» и всю свою дѣятельность подгонялъ къ этой задачѣ, нерѣдки были случаи, когда важныя тактическія рѣшенія Совѣта коренным образомъ расходились съ настроеніемъ массъ и ихъ приходилось или отмѣнять или проводить кое-какъ. Стоитъ только вспомнить о рѣшеніи Петербургскаго Совѣта продолжать забастовку и по выходѣ манифеста 17 октября — рѣшеніи, которое пришлось экстренно на другой же день отмѣнить, такъ какъ рабочіе, не считаясь съ нимъ, становились на работу. Мотивировка Совѣта, «считаясь съ необходимостью вооружиться для окончательной борьбы», была только маневромъ для почетнаго отступленія. То же самое случилось съ Совѣтомъ, когда онъ въ ноябрѣ, уже въ цѣляхъ вооруженія «для окончательной борьбы», постановилъ продолжать забастовку протеста по поводу присужденія къ смертной казни кронштадскихъ матросовъ.

Однако и эти все же номинально безпартійныя рабочія организаціи вызывали въ рядахъ социалъ-демократіи чувство недовольства. Привыкши считать себя истинными представителями пролетаріата, социалъ-демократы, говоря словами Троцкаго, «послѣ образованія Совѣта... оказались лицомъ къ лицу съ организованнымъ представительствомъ класса». Поэтому, социалъ-демократы косились на Совѣты рабочихъ депутатовъ, видя въ нихъ опасныхъ соперниковъ во вліяніи на рабочія массы; они боялись уклона массъ въ сторону неклассовой, несоціалъ-демократической позиціи. Особенно рельефныя формы приняла эта борьба въ Петербургѣ. Въ № 7 «Новая Жизнь» П. Гвоздевъ такъ мотивируетъ отношеніе социалъ-демократіи къ совѣту рабочихъ депутатовъ: «Неопредѣленность политической физіономіи Совѣта, его такъ называемая «непартійность» поведетъ лишь къ тому, что его политика будетъ политикой компромиссовъ, каковою по необходимости должна быть дѣятельность всякаго учрежденія, носящаго характеръ парламента съ представленными въ немъ различными политическими теченіями. При такихъ условіяхъ рабочій совѣтъ, самъ того не подозрѣвая, можетъ столкнуть рабочее движеніе на путь оппортунизма, можетъ невольно стать той лазейкой, которую до сихъ поръ тщетно ищутъ буржуазныя партіи, старающіяся вести рабочихъ на поводу у буржуазіи. Вотъ почему социалъ-демократія, — для которой дороже всего чистота пролетарскаго движенія, которая болѣе всего борется за то, чтобы рабочее движеніе вмѣсто изгибовъ въ сторону буржуазіи шло по прямой линіи истинно пролетарской социалъ-демократической программы и тактики, — должна рѣшительно бороться противъ всякихъ попытокъ поставить рабочее движеніе подъ руководство такой неопредѣленной организаціи, какою является рабочій Совѣтъ». И это не единичное мнѣніе правовѣрнаго большевика-бланкиста, отъ котораго можно всего ожидать. Уже 26 октября состоялось соединенное собраніе членовъ районныхъ комитетовъ фракціи большинства и меньшинства по вопросу объ отношеніи къ Совѣту. Была вынесена единогласно резолюція въ томъ

смыслѣ, что Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ долженъ стать подъ руководство Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи. А еще позже въ періодическомъ журналѣ Бунда «Наше Слово» писалось: «Въ дѣятельности петерб. Совѣта не трудно было замѣтить опасныя тенденціи. Учрежденіе безпартійное, вбиравшее въ себя настроеніе всей рабочей массы, отражавшей на себѣ интеллектуальный уровень и уровень политической зрѣлости опять-таки сѣрой массы, онъ, разумѣется, не могъ играть роль политическаго вождя въ томъ смыслѣ, какъ это понимаетъ и хочетъ соціалъ-демократія. Ибо соціалъ-демократія представляетъ себѣ руководство какъ движеніе организованнаго и сознательнаго слоя пролетаріата, ведущаго за собой неорганизованную массу; здѣсь же руководство соціалъ-демократіи подмѣняется воздѣйствіемъ отдѣльныхъ соціалъ-демократовъ въ рамкахъ общей организаціи всего пролетаріата, несознательнаго въ своемъ большинствѣ». Боязнь приниженія сознательности предъ стихійностью, боязнь оппортунизма привели соціалъ-демократію къ тому, что она объявила войну органу революціонной самодѣятельности рабочаго класса. Ей мало того, что по существу Совѣтъ былъ только «аппаратомъ ея вліянія»; ей нужно, чтобъ онъ громогласно заявилъ о своей принадлежности къ партіи. Какое ей дѣло до сущности работы? Важно, чтобы послѣдняя велась подъ партійной фирмой, этого достаточно, чтобы наложить на движеніе печать сознательности.

Могъ ли Совѣтъ пойти навстрѣчу этому желанію? Вѣдь признаніе руководства партіи должно было повлечь за собою расколъ внутри Совѣта и паденіе его авторитета въ массахъ. Уже самый фактъ возникновенія Совѣта показывалъ, что массы не видѣли въ соціалъ-демократической организаціи своего естественнаго вождя. И Совѣту хватило, къ счастью, независимости, чтобы отстоять свою формальную самостоятельность, чтобы не пойти на самозакланіе. Эта борьба между партіей и Совѣтомъ, это открытое соперничество не могли принести пользы ни той ни другой сторонѣ. Оно дѣйствовало деморализующе на рабочихъ, подрывая въ нихъ довѣріе къ обѣимъ организаціямъ. Не удивительно поэтому, что каждый новый призывъ Совѣта къ выступленіямъ встрѣчалъ все меньше и меньше отклика, и арестъ Хрусталева и послѣдующій разгромъ Совѣта не вызвалъ въ массахъ никакой попытки отпора.

Борясь съ соціалъ-демократіей за свою самостоятельность, Совѣтъ въ то же время боялся и порвать съ нею, боялся уронить себя въ ея глазахъ. Идейная зависимость Совѣта отъ соціалъ-демократіи была слишкомъ сильна, ея авторитетъ стоялъ черезчуръ высоко въ его глазахъ, чтобы онъ рискнулъ на такой опасный экспериментъ. Создавалось двойственное для Совѣта положеніе: для того, чтобы опираться на массу, дѣйствовать въ контактѣ съ нею, онъ долженъ былъ поступиться нѣкоторой долей соціалъ-демократической совѣсти и, считаясь съ настроеніемъ и сознаніемъ массъ, урѣзывать лозунги, не форсировать движенія; но это значило дать оружіе тѣмъ, которые возбуждали сознательныхъ рабочихъ противъ Совѣта, обвиняя его въ приниженіи соціалъ-демократическихъ лозунговъ, въ недостаточной рѣшительности въ дѣлѣ подготовки вооруженнаго возстанія. И путаясь въ этихъ противорѣчіяхъ, не имѣя силъ разрѣшить ихъ, Совѣтъ своей дѣятельностью постепенно рылъ себѣ могилу, возбуждая противъ себя «сознательныхъ» рабочихъ и все больше и больше отрываясь отъ массъ. Можно съ большой вѣроятностью допустить, что не будь онъ разбитъ въ борьбѣ съ реакціей, онъ совершенно запутался бы въ противорѣчіяхъ и незамѣтно, но скоро сошелъ бы съ исторической сцены, не вызывая ни въ комъ особаго сожалѣнія. Погибнувъ же съ честью на полѣ сраженія, онъ оставилъ по себѣ въ рабочей массѣ свѣтлую память и красивую традицію, часто побуждавшую въ трудныя минуты къ подражанію.

II.

Недооцѣнивая значеніе Совѣтовъ рабочихъ депутатовъ для рабочаго движенія, соціалъ-демократія отнеслась чрезвычайно безразлично къ проявившимся сейчасъ же послѣ

октябрьской побѣды тенденціямъ согласованія и объединенія всероссійскаго движенія. Подготовительные шаги къ созыву съѣзда Совѣтовъ дѣлались какъ-то вяло, инертно и неувѣренно; на самый съѣздъ смотрѣли, какъ на дѣло второстепенное, отступающее передъ задачами момента. А вѣдь какъ разъ отсутствіе всероссійской организаціи оказалось гибельнымъ для декабрьскихъ выступленій, когда въ отвѣтъ на правительственную провокацію пролетаріатъ поднялся, чтобы нанести «смертельный ударъ» старому режиму. Кому неизвѣстно, что объединенной и организованной силѣ правительства, опирающейся на армію, пользующейся поддержкой перепуганной крупной буржуазіи, пролетаріату кромѣ своей блестящей изолированности пришлось противопоставить еще и свою дезорганизованность? Разрозненныя и неединодушныя декабрьскія стычки лишній разъ подчеркнули стихійность октябрьскаго движенія, несвоевременность и полную безуспѣшность изолированныхъ выступленій пролетаріата. Истощенный долгой борьбой, лишенный широкой общественной поддержки, онъ выступалъ на этотъ разъ со значительно меньшимъ единодушіемъ. Вызванные на забастовку провокаціонными и реакціонными дѣйствіями правительства, рабочіе въ цѣломъ рядѣ крупныхъ центровъ—Петербургѣ, Польшѣ, Кіевѣ и др. гор. ограничивались пассивнымъ участіемъ въ движеніи, не обнаруживая никакого желанія къ активнымъ выступленіямъ. Забастовка протекала вяло. На призывъ Совѣта въ Петербургѣ и Соціалъ-демократическаго Комитета въ Кіевѣ толпой снимать съ работы не присоединившихся къ забастовкѣ, препятствовать торговлѣ и сообщенію, откликнулись лишь незначительныя группы организованныхъ рабочихъ. Сравнительно лучше было положеніе вещей въ Донецкомъ районѣ вообще, Екатеринославѣ и Ростовѣ въ частности. Здѣсь забастовка прошла дружно, съ воодушевленіемъ. Большая скученность рабочихъ, преувеличенные слухи объ ихъ вооруженіи, малочисленность гарнизоновъ и растерянность власти—все это способствовало тому, что въ рукахъ революціонеровъ оказались нѣсколько станцій.

Казалось даже, что и города—Харьковъ, Екатеринославъ и Ростовъ—также находятся въ рукахъ восставшаго народа. Но это были только иллюзіи. Власти, не успѣвшія сразу оріентироваться въ происходящихъ событіяхъ и потому вначалѣ бездѣйствовавшія, постепенно приходятъ въ себя, связываются съ центромъ, получаютъ подкрѣпленіе и быстро, почти безъ всякаго сопротивленія, возстанавливаютъ «порядокъ». Народъ безмолвствуетъ и безропотно подчиняется. Только незначительные кадры дружинниковъ, толкаемые скорѣй отчаяніемъ, чѣмъ сознаніемъ возможности побѣды, пытаются еще кой-гдѣ отстрѣливаться, но безуспѣшно. Войско нигдѣ не переходитъ на сторону народа, да оно и не видитъ его; передъ нимъ мелькали кучки революціонеровъ, съ которыми у него нѣтъ ничего или во всякомъ случаѣ, очень мало общаго. Та же исторія, только съ болѣе драматическимъ эпилогомъ, повторилась въ Москвѣ. Здѣсь массы въ первый моментъ являются дѣйствующимъ лицомъ, активно вмѣшиваются въ ходъ событій, устраиваютъ демонстраціи, строятъ баррикады, но дальше дѣло идетъ уже о ратоборствѣ двухъ неравныхъ силъ—немногочисленныхъ дружинниковъ и войскъ. Тутъ войско сначала колеблется, а затѣмъ рьяно принимается за усмиреніе. И лишь въ далекой Сибири войско перешло на сторону революціи. Раздраженные неудачной войной, недовольные и возмущенные поведеніемъ своего начальства въ кампаніи, возвращающіеся на родину солдаты легко хватались за ту мысль, что главнымъ виновникомъ нашего пораженія является высшее начальство—правительство, дезорганизующее страну, а тѣмъ самымъ и войско. Легко перешли они къ активнымъ дѣйствіямъ, легко вмѣстѣ съ рабочими овладѣли цѣлымъ рядомъ городовъ—Читой, Красноярскомъ и др.—и такъ же легко сложили оружіе и смирились, когда появились карательные отряды. А при такомъ отношеніи къ революціи арміи и широкихъ массъ населенія, побѣда, естественно, должна была склониться на сторону правительства. Народъ и армія оказались только увлеченными потокомъ революціи, но еще далеко не завоеванными ею.

Судьба декабрьскаго движенія обнаружила всю несостоятельность иллюзій, которымъ предавался петербургскій Совѣтъ совмѣстно съ соціалъ-демократіей. Оказалось, что революціонными рѣчами нельзя перевоспитать солдатъ, нельзя вѣками складывавшіеся предразсудки уничтожить въ одно мгновеніе; оказалось, что готовность штурмовать помѣщичьи усадьбы далеко еще не означаетъ готовности штурмовать правительство. Экономическая отсталость русской деревни, оторванность ея отъ города были причиной того, что между сосредоточившимся въ городѣ революціоннымъ движеніемъ и стихійно волновавшимся крестьянствомъ не было перекинуто моста, что городская революція не нашла отклика и опоры въ деревнѣ. Капиталистическія отношенія не разрушили еще полностью стѣну, отдѣлявшую городъ отъ деревни, не создали еще изъ двухъ отдѣльныхъ организмовъ одного цѣлаго, и потому въ революціонномъ движеніи между ними не образовалось должнаго контакта, необходимаго для побѣды революціи. *Это сказалось и на движеніи въ войскахъ*, гдѣ сочувственно относились къ освободительному движенію городскіе элементы и отрицательно — крестьяне. Армія крестьянства не пришла на помощь городу. Отсталое, невѣжественное, некультурное и инертное крестьянство сплошь и рядомъ не знало даже, что за событія творятся тамъ въ чуждомъ ему городѣ, а если и узнавало, то не могло осмыслить ихъ. Только на окраинахъ, въ Прибалтійскомъ краѣ и на Кавказѣ, гдѣ развиты арендныя отношенія и обработа земли наемнымъ трудомъ, вмѣсто стихійныхъ аграрныхъ безпорядковъ была болѣе или менѣе планомѣрная сознательная и организованная борьба съ существующимъ строемъ. Только тамъ вмѣсто простого поджога помѣщичьихъ усадьбъ *было примѣнено болѣе вѣрное средство борьбы*, пролетарское городское оружіе — забастовка, бойкотъ властей; только тамъ дошло дѣло до организаціи революціонныхъ самоуправленій.

То обстоятельство, что крестьянство не примкнуло къ революціонному движенію, сыграло въ пораженіи революціи рѣшающую роль не потому, что въ его лицѣ движеніе лишалось своей главной матеріальной опоры — возможно, что революція побѣдила бы и при пассивномъ отношеніи крестьянства. Гораздо существеннѣй иное. Революціонная крестьянская демократія могла бы явиться тѣмъ слоемъ, въ соединеніи съ которымъ городская буржуазная демократія обрѣла бы политическую силу и самостоятельность; будучи глашатаемъ крестьянства, она бы могла выступить болѣе энергично, съ собственными лозунгами и программой дѣйствій и оказывать, черезъ посредство своихъ организацій, по меньшей мѣрѣ такое же вліяніе на ходъ событій, какъ пролетаріатъ съ помощью своихъ Совѣтовъ. Тѣмъ самымъ она была бы избавлена отъ необходимости прислониться къ крупной буржуазіи — необходимости, открывшейся передъ ней въ тотъ моментъ, когда пролетаріатъ пошелъ по дорогѣ «вооруженнаго возстанія», по которой она отказалась за нимъ слѣдовать. Не будучи въ состояніи поддерживать революціонную борьбу въ формѣ подготовки и проведенія *вооруженнаго возстанія и не имѣя силъ проводить собственную* линію, она поневолѣ устранилась съ поля борьбы и оставила пролетаріатъ лицомъ къ лицу съ лагеремъ контръ-революціи. Могъ ли при такихъ условіяхъ пролетаріатъ выйти побѣдителемъ? Безусловно нѣтъ. Какъ бы ни былъ онъ хорошо организованъ, его силъ все равно было бы недостаточно для торжества революціи. Революція была побѣждена потому, что слишкомъ слабы были породившія ее соціальныя силы; изолированное выступленіе пролетаріата явилось только однимъ изъ слѣдствій этой слабости.

Но вернемся къ судьбамъ соціалъ-демократіи. Своей агитаціей противъ Совѣта, своимъ стремленіемъ оторвать отъ него массы она теряла послѣднюю организаціонную связь съ широкими слоями рабочихъ. Интеллигентской группѣ, *группѣ профессіоналовъ-революціонеровъ*, въ моменты открытаго массоваго движенія необходима для существованія связь съ массами, организованная опора въ нихъ; этой опорой и являлись для нея рабочіе парламенты. Какъ Антей пріобрѣталъ новыя силы, прикасаясь къ землѣ, такъ и соціалъ--демократія пріобрѣ-

тала новыя силы, пользовалась широкимъ вліяніемъ на массы, опираясь на самочинныя рабочія организаціи. Разгромъ самочинныхъ организацій знаменовалъ собою поэтому и разгромъ соціалъ-демократіи. При первомъ же натискѣ оправившейся реакціи у нея была вырвана почва изъ подъ ногъ, и несмотря на всѣ свои усилія она не смогла удержаться на поверхности общественной жизни и вновь очутилась въ старомъ подпольѣ, у разбитаго корыта. Здѣсь то и сказалось съ необыкновенной яркостью вопіющее противорѣчіе между силой идеи и безсиліемъ организаціи. Въ моментъ революціоннаго подъема вышедшая изъ подполья соціалъ-демократія сразу оказалась во главѣ движенія, ея лозунги и призывы царили надъ нимъ. Но какъ только схлынула волна возбужденія, она оказалась опять изолированной кучкой, безъ связей, безъ живого общенія съ массой; ей не по силамъ больше быть иниціаторомъ политическаго дѣйствія, она способна лишь на демонстраціи безсилія. Правда, подполье тогда не особенно удручало соціалъ-демократію; она не допускала и мысли, что оно можетъ явиться для нея склепомъ, гдѣ будутъ похоронены ея слава и вліяніе. Наоборотъ, ей казалось, что такое состояніе временное, что на горизонтѣ вновь показываются тучи, скоро должны раздаться раскаты революціонной грозы и окруженная ореоломъ, она выйдетъ изъ подполья. Оторванная отъ массъ, отъ жизни, съ неразсѣявшимися еще грезами о лучшемъ будущемъ, соціалъ-демократія естественно не была въ состояніи оріентироваться въ новой политической ситуаціи, намѣтить правильную политическую линію. Отсюда рядъ революціоннѣйшихъ, но безпочвенныхъ резолюцій, рядъ крупныхъ политическихъ ошибокъ. Одной изъ наиболѣе важныхъ, существенныхъ ошибокъ, роковой для движенія, былъ, конечно, бойкотъ I Государственной Думы.

III.

Избирательный законъ 11/XII, изданный въ самый разгаръ смуты, былъ послѣднимъ завоеваніемъ освободительнаго

движенія. При изданіи закона правительство преслѣдовало цѣль созданія представительнаго органа консервативныхъ общественныхъ слоевъ, который давалъ бы санкцію всей его контръ-революціонной работѣ. Соціалъ-демократы были убѣждены, что если только Дума соберется, то цѣль правительства будетъ достигнута, что Дума не можетъ стать ничѣмъ инымъ, какъ органомъ лже-конституціонализма. Видный большевикъ Рожковъ, констатируя видимое пораженіе революціи, ставитъ ироническій вопросъ: «Пораженіе полное. Не правда ли? Не пойти ли въ самомъ дѣлѣ въ черносотенную Думу, которую правительство наполнитъ своими клевретами, и не взять ли на себя въ ней роль мирной, легальной, донкихотствующей оппозиціи, всегда безнадежной и возбуждающей жалость въ друзьяхъ и презрѣніе въ врагахъ?» Увлеченные своей схемой разрѣшенія наболѣвшаго вопроса вооруженнымъ возстаніемъ, стремясь какъ можно скорѣе поставить массу населенія подъ ружье, большевики создали себѣ новаго воображаемаго врага — «конституціонныя иллюзіи». Нужно было быть совершенно отуманеннымъ революціонными иллюзіями, чтобы не видѣть, что наша сѣрая крестьянская масса не имѣла, да и не могла еще имѣть никакого представленія о конституціи, что она не дошла еще до такой стадіи, на которой у нея могли развиться конституціонныя иллюзіи. Да развѣ только одна крестьянская масса пребывала въ политическомъ невѣжествѣ? Развѣ нельзя того же сказать и про рабочую массу и даже нашу просвѣщенную интеллигенцію? И вѣдь въ концѣ-то концовъ и само представленіе о черносотенной Думѣ покоилось именно на увѣренности во всемогуществѣ правительственнаго давленія, въ полной неспособности россійскаго обывателя отстаивать свои гражданскія права. Соціалъ-демократы считали вполнѣ возможнымъ, что та самая масса населенія, которую они вчера звали на штурмъ, сегодня подъ давленіемъ полицейскаго насилія превратится въ послушное орудіе правительства и тайнымъ голосованіемъ откажется отъ своихъ недавнихъ требованій и выразитъ довѣріе своимъ злѣйшимъ врагамъ; если же

не дать ей увлечься конституціонными иллюзіями, то завтра она опять будетъ готова вступить въ рѣшительную схватку со старой властью.

Считая, такимъ образомъ, что Государственная Дума «стоитъ въ сторонѣ отъ столбовой дороги революціи»*), что она не только не способствуетъ, а наоборотъ препятствуетъ ея развитію тѣмъ, что питаетъ конституціонными иллюзіями политически отсталую массу населенія, господствующее теченіе соціалъ-демократіи призывало рабочихъ и широкіе демократическіе слои населенія пройти мимо Думы, бойкотировать ее. Вмѣсто того, чтобы использовать еще не совсѣмъ угасшую революціонную энергію пролетаріата и интересъ, складывавшійся вокругъ перваго русскаго парламента, соціалъ-демократы своей пропагандой воздержанія отъ выборовъ давали возможность актъ политической апатіи и индифферентности прикрыть флеромъ революціоннаго выступленія. Больше того, І-ая Государственная Дума могла и должна была стать центромъ вниманія всего прогрессивнаго общества. Только при условіи организаціи вокругъ такого легальнаго центра, какъ Государственная Дума, всѣхъ имѣющихся въ наличности въ обществѣ активныхъ элементовъ можно было положить предѣлъ дальнѣйшимъ домоганіямъ реакціи и закрѣпить побѣды революціи. Это было тѣмъ болѣе необходимо и возможно, что ни одна изъ общественныхъ группъ, участвовавшихъ въ октябрьскомъ движеніи, не считала себя удовлетворенной, и необходимость дальнѣйшей борьбы была для нихъ очевидна. Вопросъ стоялъ лишь о средствахъ борьбы. И какъ крестьянская масса, такъ и особенно городская буржуазія естественно тяготѣли къ избирательной кампаніи и думской дѣятельности, какъ наиболѣе подходящей для нихъ и наиболѣе цѣлесообразной въ настоящій моментъ формѣ борьбы. Конечно, по отношенію къ крестьянству нельзя говорить о сознательномъ выборѣ средствъ

*) Такъ было формулировано обоснованіе бойкота на Объединительномъ съѣздѣ 1906.

борьбы; оно было полно стихійныхъ, полусознательныхъ порывовъ и стремленій къ землѣ и волѣ, которымъ еще только предстояло воплотиться въ ходѣ думской кампаніи въ опредѣленныя политическія и соціальныя требованія. Съ появленіемъ Государственной Думы впервые создавалась, такимъ образомъ, почва для дѣйствительно широкой открытой политической борьбы въ конституціонныхъ рамкахъ и открывалась возможность политической группировки на почвѣ классовыхъ интересовъ. Соціалъ-демократы не поняли всего этого. Лишенные свѣта, они вмѣсто того, чтобы пойти *по столбовой дорогѣ революціи, пошли по проторенной* дорожкѣ ошибокъ. Даже меньшевики, впослѣдствіи утверждавшіе, что они-то всегда были противъ бойкота и лишь подчинились большинству, проповѣдывали въ сущности участіе въ первой стадіи выборовъ, но бойкотъ самой Думы. Имъ было ясно организующее значеніе избирательной кампаніи, какъ таковой. Они предполагали, что выступая на выборахъ со своей платформой, с.-д. объединитъ вокругъ себя всѣ демократическіе элементы и въ процессѣ самихъ выборовъ сможетъ закрѣпить свое вліяніе организаціонно, путемъ проникновенія въ избират. коллегіи. Тогда сорганизованная демократія явится могучей политической силой, способной воспрепятствовать контръ-революціи и соглашательству. Но они не продумывали своего плана до конца, не рѣшались открыто признать, что п о л и т и ч е с к о й цѣлью участія въ выборахъ должно быть образованіе въ Думѣ с.-д. фракціи. Чтобы обосновать политически свой планъ — участіе въ выборахъ, отказъ идти въ Думу — имъ пришлось говорить безсодержательныя фразы объ организаціи путемъ выборовъ революціоннаго самоуправленія, которыя въ тотъ моментъ никому не казались правдоподобными. Понятно, что такая двойственная и искусственная тактика лишь усиливала ряды бойкотистовъ. Бойкотируя Думу, соціалъ-демократы не могли не дискредитировать и самой идеи народнаго представительства. Оправдывая свою тактическую позицію, агитируя среди демократическихъ избирателей и доказывая имъ, что бойкотъ является

единственно правильнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія, соціалъ-демократы гасили въ этомъ наиболѣе активномъ элементѣ зародышъ гражданственности. Предлагая рабочимъ воздержаться отъ участія въ выборахъ, соціалъ-демократы сплошь и рядомъ прибѣгали, за неимѣніемъ дѣйствительныхъ аргументовъ, къ методамъ агитаціи, не имѣющимъ ничего общаго съ западно-европейскимъ соціализмомъ, но зато чрезвычайно похожимъ на анархизмъ. Нерѣдко можно было услышать отъ агитаторовъ, на обязанностяхъ которыхъ лежало поясненіе классоваго сознанія пролетаріата, такіе перлы, какъ: «Мы не должны идти въ буржуазную Думу... Что можетъ она дать рабочимъ, кромѣ усовершенствованной кабалы?»...

И у рабочихъ естественно складывалось такое представленіе о роли парламента въ рабочемъ движеніи, которое хоть и не можетъ быть названо анархическимъ, но во всякомъ случаѣ близко подходитъ къ нему: парламентъ лишь по стольку получаетъ въ ихъ глазахъ политическую цѣнность, поскольку большинство состоитъ изъ революціонныхъ элементовъ. Бойкотъ разбилъ силы оппозиціи, отвлекъ отъ Думы вниманіе наиболѣе демократической и сильной ея части — рабочихъ и, ослабивъ этимъ ея внѣдумскую опору, далъ тѣмъ самымъ реакціи возможность безнаказанно разогнать народное представительство. Тѣмъ же демократическимъ элементамъ, которыми не овладѣла апатія, которые не желали оставаться пассивными зрителями историческаго момента, пришлось итти въ Думу подъ флагомъ конституціонно-демократической партіи и въ значительной степени подчиниться ея идейному руководству. Правда, кадеты далеко не оправдали надеждъ избирателя; они охотнѣе вели закулисные переговоры съ представителями правительства, чѣмъ штурмовали власть, и серьезно думали разрѣшить такимъ путемъ основные вопросы, поставленные на очередь русской революціей. Однако, они одни правильно учли настроеніе широкихъ демократическихъ круговъ населенія, они одни звали его въ Думу во *имя уничтоженія стараго порядка*, они завоевали отъ имени освободительнаго движенія

эту позицію, и это надолго прикрѣпило къ нимъ ту мелкую *буржуазію*, объ *«овладѣваніи» которой по сю* пору безуспѣшно хлопочутъ большевики. На долю кадетъ выпала руководящая роль и въ самой Думѣ. Хотя они не составляли тамъ абсолютнаго большинства, но среди политическаго хаоса и неорганизованности они являлись единственной политически организованной группой и поневолѣ увлекали за собой всѣ распыленные, мало сознательные элементы нашего перваго парламента. А это способствовало тому, что и въ глазахъ избирателей они являлись застрѣльщиками и вождями борьбы Думы съ правительствомъ. Такъ иногда quasi-революціонная тактика превращается въ свою противоположность, служитъ не революціи, а реакціи, толкаетъ общественные классы не влѣво, а вправо.

Избирательная кампанія въ послѣдній разъ открывала соціалъ-демократической партіи возможность выйти изъ подполья и отвоевать себѣ, организовавши вокругъ своей платформы пролетаріатъ, право на открытое существованіе. Отказавшись отъ этой возможности или, вѣрнѣй, не понявъ ея, она тѣмъ самымъ ограничила сферу своей дѣятельности и обрекла себя на длительное политическое безплодіе. Вмѣсто того, чтобы придти въ концѣ концовъ къ открытымъ западно-европейскимъ формамъ рабочей организаціи, соціалъ-демократія все дальше, все глубже уходила въ подполье, чтобы тамъ, вдали отъ посторонняго взгляда, окончательно похоронить себя. И вся дальнѣйшая исторія соціалъ-демократіи есть въ сущности лишь медленный, но безостановочный процессъ отмиранія.

Правда, post factum она признала свою ошибку. На объединительномъ съѣздѣ рѣшено было выставить въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще не производились выборы, партійныхъ кандидатовъ. Въ резолюціи объ отношеніи къ Государственной Думѣ было даже высказано пожеланіе съѣзда объ образованіи въ Думѣ партійной фракціи. Но эта эволюція во взглядахъ явилась скорѣе слѣдствіемъ давленія рабочей массы, чѣмъ продуманнымъ *сознаніемъ своей* ошибки.

Читатели навѣрно еще помнятъ то ошеломляющее впечатлѣніе, которое произвелъ ходъ выборовъ въ 1-ую Думу, въ особенности выборы въ крестьянской куріи. Это впечатлѣніе немало содѣйствовало всеобщему подъему и одушевленію, съ которымъ закончились выборы отъ городовъ; оно повлекло къ урнамъ недавнихъ бойкотистовъ-рабочихъ, которые спѣшили теперь воспользоваться своимъ избирательнымъ правомъ по городской куріи. Вопреки ожиданіямъ какъ крайняго праваго, такъ и крайняго лѣваго лагеря Дума оказалась прогрессивной. Теперь сознательные рабочіе открыто раскаивались въ бойкотѣ и горько упрекали партію, толкнувшую ихъ на этотъ путь и оставившую ихъ безъ представительства. Они ни на минуту не поколебались признать своими представителями появившихся въ Думѣ депутатовъ рабочихъ, вмѣсто того, чтобы отворачиваться отъ нихъ, какъ отъ измѣнниковъ. И Стокгольмскому съѣзду оставалось только санкціонировать создавшееся положеніе и взять рабочихъ, прошедшихъ въ Думу вопреки поставленію партіи, подъ свое крылышко. Уступая давленію низовъ и отказываясь отъ бойкота, соціалъ-демократія, однако, не отказалась отъ тѣхъ предпосылокъ, которыя лежали въ основѣ его. Цѣлью участія въ Думѣ попрежнему выставлялась борьба съ конституціонными иллюзіями пролетаріата и крестьянства, борьба съ лжеконституціонализмомъ. Этотъ лозунгъ указывался, какъ руководящій, при проводившихся уже отъ имени партіи выборахъ на Кавказѣ, имъ же должны были руководствоваться въ своей парламентской дѣятельности члены соціалъ-демократической фракціи. Такая тактика была лишь послѣдовательнымъ проведеніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ бойкотистскаго принципа. Она будила недовѣріе къ Думѣ и заставляла видѣть въ ней орудіе реакціи. Во всѣ 72 дня существованія I Думы не прекращались рѣчи о томъ, что Дума ничто, что она ничего не можетъ дать народу, не сыграетъ исторической роли. И въ обращенія и наказы рабочихъ вносилась та же нота; всякія иныя обращенія — съ выраженіемъ сочувствія или одобренія — квалифицировались какъ либе-

ральныя, трусливыя, несознательныя. Трудно было ожидать послѣ такой агитаціи, послѣ такой кампаніи противъ Думы, чтобы массы въ моментъ ея разгона выступили въ защиту Думы. Политическіе вожди пролетаріата пожали то, что сами посѣяли.

Для соціалъ-демократіи Дума была только легальнымъ центромъ, гдѣ нужно заявлять о своей непримиримости по отношенію къ правительству и буржуазному обществу, всероссійской трибуной для призывовъ и вооруженному возстанію. Такова та несложная программа, проведеніе которой поручалось фракціи и которой она сама старалась слѣдовать въ своей дѣятельности. Всякое уклоненіе отъ этой программы въ сторону подчеркиванія положительныхъ задачъ Думы, всякое ослабленіе кадетоѣдства считалось измѣной дѣлу пролетаріата и дѣлу революціи. Своей тактикой соціалъ-демократія не сближала народъ съ Думой, а, наоборотъ, старалась воздвигнуть между ними высокую стѣну. Связь народа съ Думой подмѣнялась связью народа съ соціалъ-демократической фракціей. А между тѣмъ для политически незрѣлаго населенія важна не столько правильная позиція той или иной фракціи, сколько хотя бы и менѣе правильное рѣшеніе Думы въ цѣломъ. Несравненно болѣе возбуждающе подѣйствовало бы на рабочихъ постановленіе Думы о законодательномъ введеніи 9-часового рабочаго дня, нежели требованіе рабочей фракціей 8-часового дня рабочаго дня; гораздо болѣе революціонизирующее дѣйствіе произвело бы на крестьянъ голосованіе Думы, какъ таковой, за выкупъ помѣщичьей земли и передачу ея нуждающимся крестьянамъ, чѣмъ голосованіе трудовой группы или даже всей лѣвой за конфискацію помѣщичьей земли безъ вознагражденія. И вотъ это-то значеніе Думы, какъ цѣлаго, въ роли революціоннаго фактора совершенно ускользнуло отъ вниманія соціалъ-демократіи. Ускользнуло отъ ея вниманія и то обстоятельство, что революціонные лозунги соціалъ-демократіи разсчитаны на будущую уже вполнѣ революціонизированную демократію. Конечно, во имя воспитанія и подготовки этой будущей демократіи она должна выдвигать

свои лозунги, бороться за нихъ; но поскольку сейчасъ, въ данный моментъ демократическіе слои населенія — и крестьянство и городская демократія и даже пролетаріатъ стоятъ на болѣе низкой ступени политическаго развитія, соціалъ-демократія не можетъ ограничиваться простой декларацiей, пропагандой своихъ принциповъ, а должна толкать ихъ въ сторону такой политической тактики, которая развивала бы въ нихъ активность и вмѣстѣ съ тѣмъ углубляла бы ихъ политическое сознаніе. Если соціалъ-демократія желала стать дѣйствительной политической партіей и порвать съ сектантствомъ, то ей не слѣдовало бояться компромисовъ, диктуемыхъ конкретной обстановкой.

Отвѣтственность за эту политически близорукую тактику, это примитивное использованіе «думской трибуны» нужно возложить, главнымъ образомъ, на бланкистское крыло соціалъ-демократіи. Сейчасъ же послѣ Стокгольмскаго съѣзда большевики, не нарушая наружнаго единства, возстановили свои фракціонные центры и открыли систематическій походъ противъ резолюцій съѣзда. И нужно отдать имъ справедливость — они развили колоссальную энергію для пропаганды своихъ бойкотистскихъ взглядовъ. Боясь, что Дума, въ которой представлены всѣ жизнеспособные классы русскаго общества, станетъ центромъ общенаціональной борьбы съ остатками абсолютизма и тѣмъ замедлитъ кристаллизацію крестьянской демократіи, большевистское теченіе старается очернить Думу передъ массами, показать ее имъ, какъ кадетское соглашательское учрежденіе. Несмотря на надвигавшійся рѣшительный конфликтъ всей Думы съ правительствомъ, оно въ противовѣсъ меньшевистской тактикѣ поддержки Думы выдвигаетъ лозунгъ поддержки думской лѣвой. Въ довершеніе всего, когда недовольные поведеніемъ трудовой группы рабочіе рѣшили образовать самостоятельную рабочую фракцію, то бойкотисты, будучи послѣдовательными, не только не поддерживали ихъ, а оказали этому важному шагу по пути созданія политической рабочей партіи всяческое сопротивленіе. Нужно полное отсутствіе политическаго чутья, полное непониманіе

интересовъ рабочаго класса, нужно обладать большимъ фракціоннымъ самомнѣніемъ и большой дозой сектанства, чтобы, именуя себя рабочей партіей, мѣшать образованію въ Думѣ рабочей фракціи. Нѣсколько иначе относились къ создавшемуся политическому положенію меньшевики. Образованіе рабочей группы произошло подъ ихъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ. Подъ ихъ же вліяніемъ группа въ моментъ остраго конфликта между правительствомъ и Думой выступила съ воззваніемъ «Ко всѣмъ рабочимъ Россіи», въ которомъ разъясняла смыслъ конфликта и призывала рабочихъ «поддержать Думу въ ея столкновеніи съ бюрократіей». И въ дальнѣйшемъ, послѣ преобразованія рабочей группы въ с.-д. фракцію, меньшевики старались направить работу фракцію на болѣе вѣрный, болѣе соотвѣтствовавшій духу постановленій Стокгольмскаго съѣзда путь. Они предлагали фракціи не ограничиваться трескучими фразами и толкать Думу на путь борьбы за власть, а массы — на путь организаціи вокругъ Думы. И всѣ болѣе или менѣе политически правильные шаги фракціи были сдѣланы подъ вліяніемъ меньшевиковъ. Таковы, напр., предложеніе о разслѣдованіи на мѣстѣ Бѣлостокскаго погрома, объ образованіи крестьянскихъ комитетовъ, присоединеніе къ требованію отвѣтственнаго министерства и т. п. Слѣдуетъ лишь поставить въ минусъ меньшевикамъ, что они недостаточно энергично отстаивали свою линію внѣ Думы и недостаточно послѣдовательно проводили ее въ самой Думѣ, что подъ вліяніемъ большевистской агитаціи и изъ боязни прослыть кадетскими подголосками притупляли острые углы своей позиціи. Да и у большинства меньшевистскихъ работниковъ все же была сильна бойкотистская закваска... Стокгольмскій съѣздъ, давшій меньшевистской фракціи внѣшнюю побѣду, не означалъ въ сущности побѣды меньшевизма, какъ идейнаго теченія. Отказъ отъ бойкота былъ произведенъ съѣздомъ подъ впечатлѣніемъ неожиданной, ослѣпляющей побѣды кадетовъ, подъ вліяніемъ страха оказаться отрѣзаннымъ отъ новаго, идущаго по направленію къ Думѣ, народнаго

движенія. Но этому тактическому повороту не соотвѣтствуетъ внутренній переломъ въ партійномъ мышленіи, онъ не сопровождается переоцѣнкой тѣхъ цѣнностей, тѣхъ теоретическихъ и психологическихъ предпосылокъ, которыя привели большинство соціалъ-демократіи къ бойкоту. Идейная платформа меньшевизма, какъ она выразилась главнымъ образомъ въ рѣчахъ Аксельрода, была воспринята съѣздомъ не въ силу глубокаго внутренняго убѣжденія, а какъ мостъ, ведущій къ новой, прямо противоположной прежней, но навязывавшейся моментомъ тактикѣ, какъ почетное идеологическое прикрытіе «отступленія въ полномъ порядкѣ». Въ этомъ отношеніи Стокгольмскій съѣздъ не есть этапъ внутри-партійнаго развитія, а лишь случайный эпизодъ. Это доказывается какъ успѣхомъ дезорганизаторской работы побѣжденныхъ большевиковъ, линія которыхъ приходилась больше по душѣ значительной части партіи, чѣмъ линія побѣдителей, такъ и тотъ фактъ, что тѣ же меньшевики, которые отвергли на съѣздѣ бойкотъ, въ своей политической работѣ и въ особенности въ своихъ выступленіяхъ передъ массами рѣдко подымались выше «революціонныхъ» нападокъ на Думу и отрицанія органической работы въ ней.

IV.

Въ предыдущихъ строкахъ мы старались разсмотрѣть взглядъ соціалъ-демократовъ на Думу, ихъ позицію по отношенію къ ней. Теперь мы попытаемся выяснить отношеніе самихъ рабочихъ къ выборамъ, къ Думѣ и въ частности къ соціалъ-демократической фракціи. Понятно, что отношеніе широкихъ слоевъ рабочей массы рѣзко расходилось съ настроеніями и взглядами не только соціалъ-демократіи, но и передовыхъ рабочихъ. Темный несознательный рабочій, какъ и вся почти масса населенія, вѣрилъ въ Думу и возлагалъ на нее большія надежды. Ему казалось, что она призвана разрѣшить наболѣвшіе вопросы, удовлетворить его нужду. Поэтому среди рабочихъ бойкотъ прошелъ далеко не такъ блестяще, какъ объ этомъ писалось

въ офиціальной соціалъ-демократической литературѣ. Не говоря уже о провинціи, рабочіе даже въ Москвѣ послали въ Думу, наперекоръ соціалъ-демократіи своего представителя. Въ Петербургѣ, центрѣ сознательныхъ и организованныхъ рабочихъ, не выбирало уполномоченныхъ всего 49%; въ Москвѣ бойкотъ совершенно провалился — тамъ воздержалось отъ участія въ выборахъ только 23% предпріятій. Провинція пошла еще дальше: въ Екатеринославской губ. бойкотируютъ выборы всего 17% предпріятій, а во Владимирской даже 15%. Для характеристики настроенія рабочихъ припомнимъ исторію выбора въ Думу основателя рабочей группы Михайличенко, который, выступая отъ имени партіи за бойкотъ Думы, такъ увлекательно изложилъ соціалъ-демократическую программу, что рабочіе послали его въ Думу защищать и проводить эту программу. А въ Петербургѣ на нѣкоторыхъ заводахъ бойкотъ пришлось проводить самыми нежелательными средствами вплоть до побоищъ. И если все же значительная масса рабочихъ бойкотировала выборы, то въ немалой степени благодаря тому обаянію, которымъ еще пользовалось имя соціалъ-демократіи, недостаточной политической активности массъ и нежеланію рабочихъ прослыть черносотенцами, измѣнниками и пр. Рабочая масса не могла такъ легко порвать съ тѣми, въ комъ еще вчера видѣла героевъ и вождей революціи. Ей также, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ сознательнымъ рабочимъ, было не чуждо неразумное противопоставленіе, по которому итти въ Думу значило отказываться отъ революціи. Но отрицательнаго отношенія къ самой Думѣ у нея не было. И въ этомъ отношеніи характерно, что именно кавказская организація, наиболѣе связанная съ массами, выступила въ защиту отмѣны бойкота, правильно учтя и политическое положеніе и дѣйствительное настроеніе и мотивы поведенія массъ.

Насколько стремленіе рабочихъ въ Думу не было проявленіемъ контръ-революціоннаго настроенія, а, наоборотъ, инстинктивнымъ тяготѣніемъ къ политической борьбѣ, видно изъ слѣдующаго интереснаго сопоставленія: «Тамъ,

гдѣ бойкотировали выборы наибольшее число предпріятій и рабочихъ, въ выборахъ принимали участіе лишь немногіе отсталые, малосознательные рабочіе, которые, поддаваясь давленію мастеровъ и фабричнаго начальства, избирали правыхъ уполномоченныхъ, а порою и прямо черносотенныхъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бойкотъ былъ лишь частичнымъ и коснулся главнымъ образомъ организованныхъ рабочихъ, рабочая масса, принимавшая участіе въ выборахъ, избрала въ уполномоченные рабочихъ болѣе сознательныхъ и уже, во всякомъ случаѣ, не подавала голосовъ за «правыхъ» кандидатовъ. Наконецъ, тамъ, гдѣ выборы не бойкотировались, въ уполномоченные избирались почти исключительно сознательные рабочіе и кандидаты соціалъ-демократическихъ организацій, если они выставлялись» (М. Б—овъ и Ф. Данъ, «Рабочіе Депутаты въ первой Государственной Думѣ», стр. 37).

Въ то время, какъ сознательные рабочіе не возлагали на буржуазную Думу никакихъ ожиданій ни въ смыслѣ коренного политическаго преобразованія, ни въ смыслѣ рѣшительныхъ соціальныхъ реформъ, были совершенно безучастны къ Думѣ, какъ къ цѣлому, массы, наоборотъ, вѣрили въ творческую силу Думы, въ ея способность побѣдить врага. Подобно крестьянству, ждавшему отъ Думы земли и воли, сѣрая рабочая масса видѣла въ Думѣ силу, способную добыть ей свободу и удовлетвореніе профессіональныхъ и бытовыхъ нуждъ. Она не переставала обращаться и къ соціалъ-демократической фракціи и ко всей Думѣ съ наказами, заявленіями, жалобами по всевозможнымъ вопросамъ, начиная съ крупныхъ и принципіальныхъ и кончая мелкими повседневными нуждами. Сознательные же, находившіеся подъ вліяніемъ соціалъ-демократіи рабочіе съ опаской слѣдили за каждымъ шагомъ фракціи, за тѣмъ, чтобы она не отклонялась въ сторону конституціонныхъ иллюзій и органической работы. Въ этомъ раздвоеніи рабочаго класса кроется въ значительной мѣрѣ разгадка безсилія и неприспособленности соціалъ-демократіи въ думскій періодъ. Она все время находилась подъ вліяніемъ

этихъ двухъ полярныхъ теченій, но не могла всецѣло овладѣть ни тѣмъ ни другимъ. Боевые ея лозунги шли въ разрѣзъ съ настроеніемъ массъ, и поэтому нельзя было разсчитывать на ихъ осуществленіе; положительная же, политически-организаціонная работа не могла проводиться, такъ какъ не хватало посредствующаго звена — передовыхъ, сознательныхъ рабочихъ, которымъ такая работа казалась ненужной и безцѣльной. Вотъ почему бойкотъ привелъ къ такимъ печальнымъ послѣдствіямъ; онъ помѣшалъ соціалъ-демократіи использовать начавшееся политическое возбужденіе массъ, активно вмѣшаться въ процессъ вхожденія ихъ въ политическую жизнь, придать этому процессу бо́льшую сознательность въ класовомъ отношеніи. Сѣрая масса была предоставлена самой себѣ, своимъ смутнымъ представленіямъ о значеніи Думы, своимъ надеждамъ на нее. И если во время избирательной кампаніи рабочая масса нерѣдко обосновывала свое инстинктивное стремленіе въ Думу аргументами, заимствованными у реакціи, а въ иныхъ случаяхъ даже организаціонно связывалась съ ней, то въ періодъ существованія Думы такую же роль — обоснованія позиціи, рѣзко отклоняющейся отъ соціалъ-демократической — сыграла для нея либерально-буржуазная идеологія. Не будь бойкота, политически возбужденная часть рабочаго класса не осталась бы одинокой и, руководимая своими сознательными элементами, силою вещей вновь пришла бы къ созданію открытой организаціи, на этотъ разъ въ общенаціональномъ масштабѣ. И соціалъ-демократія, подсказывающая пролетаріату его общенаціональныя, политическія задачи, вошла бы въ эту организацію въ качествѣ составного, но руководящаго элемента. Сдѣлать это было тѣмъ легче, что по отношенію къ неорганизованной массѣ соціалъ-демократія явилась бы организованнымъ цѣлымъ и организующимъ центромъ. Доказательствомъ тому служитъ тотъ дождь резолюцій, наказовъ и писемъ, который полился на рабочую группу сейчасъ же вслѣдъ за ея конституированіемъ и опубликованіемъ извѣстнаго воззванія «Ко всѣмъ рабочимъ Россіи». На примѣрѣ Петербурга, центра бойкотизма, мы

видимъ, какъ самостоятельная дѣятельность рабочей группы постепенно устанавливала живую связь между ней и пролетаріатомъ, превращала ее въ организаціонный и идейный центръ. Такъ называемыя совѣщанія представителей петербургскихъ рабочихъ съ депутатами, начавшись со сходки вліятельныхъ рабочихъ нѣсколькихъ заводовъ, превратились въ болѣе или менѣе правильныя организованныя собранія выборныхъ отъ рабочихъ всѣхъ значительныхъ предпріятій, а также представителей профессіональныхъ союзовъ. Съ каждымъ разомъ совѣщанія эти росли численно и крѣпли духовно. На нихъ депутаты дѣлали доклады о дѣятельности группы, и тутъ же обсуждались вопросы ея тактики. Всѣ эти примѣры ясно показываютъ всю неосновательность опасеній соціалъ-демократіи, будто живое вниманіе рабочихъ къ Думѣ и думской рабочей группѣ можетъ ослабить развитіе революціонной энергіи пролетаріата. Наоборотъ, ничто такъ не содѣйствовало ослабленію и разсѣянію этой энергіи, какъ постоянныя усилія большевиковъ отвлечь вниманіе рабочихъ отъ Думы и работы вокругъ нея путемъ бросанія конкуррирующихъ лозунговъ — организаціи вокругъ думской лѣвой, возстановленія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ и, наконецъ, вѣчной революціонной панацеи — подготовки вооруженнаго возстанія.

V.

Конечно, въ большинствѣ случаевъ въ всѣхъ политическихъ ошибкахъ соціалъ-демократіи повинна не столько она сама, сколько тѣ ненормальныя условія, которыя придали ей несоотвѣтствующій ея соціальнымъ задачамъ характеръ. Плоха-ли она, хороша-ли, правильна-ли взятая ею политическая линія или, наоборотъ, вся ея дѣятельность есть сплошное черное пятно, все же нужно признать, что она была только дитя своего времени, что поскольку въ данный періодъ не было никакой политической рабочей организаціи, она являлась болѣе или менѣе точнымъ отраженіемъ внутренняго состоянія верхушекъ рабочаго класса. Давно уже ставшее аксіомой утвержденіе, что народъ заслуживаетъ

такое правительство, какое онъ имѣетъ, можно примѣнить въ извѣстной степени и здѣсь и сказать, что рабочій классъ всегда имѣетъ такую организацію, какая соотвѣтствуетъ данной степени его классоваго развитія.

Рабочій классъ лишь въ 1905 году своей героической борьбой вступилъ въ историческій періодъ своего развитія, своего самостоятельнаго политическаго существованія. Внутри него происходилъ еще процессъ классоваго броженія, въ результатѣ котораго и должны были выдѣлиться активные и сознательные элементы будущей рабочей партіи. Пролетаріатъ былъ недостаточно еще силенъ, чтобы создать свою рабочую партію, удовлетворяющую его объективно-классовымъ интересамъ, вѣрнѣе, его классовое сознаніе было не настолько еще развито, чтобы онъ ощущалъ потребность въ своей особой рабочей партіи. Не выкристализовавшись еще, какъ классъ, и будучи революціонно настроенъ, онъ примыкалъ къ той изъ существующихъ организацій, которая наиболѣе близко подходила къ его настроенію. Исторической задачей соціалъ-демократіи являлось содѣйствіе активному процессу превращенія аморфной рабочей массы въ стройное политическое цѣлое. Достигнуть этого она могла лишь тѣмъ, что указывала бы живое политическое дѣло, на почвѣ котораго только и можетъ происходить подобное строительство. Идя такимъ путемъ, она стала бы идейнымъ центромъ будущей рабочей партіи. Но группѣ революціонеровъ, не выросшей непосредственно изъ массъ, унаслѣдовавшей отъ стараго подполья психологію элементарнаго революціонаризма, естественно казался болѣе пріемлемымъ путь авантюръ и революціонной фразы, чѣмъ реальнаго политическаго дѣла. Въ томъ видѣ, въ какомъ была въ это время соціалъ-демократія — распыленная, раздираемая фракціонными разногласіями, оторванная благодаря своему подпольному характеру отъ активной политической жизни, — ей больше шло къ лицу то дѣло, которымъ нѣсколько позже призывалъ ее заняться Ленинъ, чѣмъ длительный процессъ подготовки пролетаріата къ самостоятельной политической дѣятельности. Этотъ «вождь» поли-

тической партіи въ своемъ произведеніи «Роспускъ Думы и задачи пролетаріата» предлагалъ сосредоточить все вниманіе соціалъ-демократіи на организаціи боевыхъ дружинъ— пятковъ и десятковъ, т. е. на технической подготовкѣ вооруженнаго возстанія. «Всѣ и каждый, кто хочетъ стоять на сторонѣ свободы, должны немедленно объединиться въ боевые «пятки»... Эти союзы должны быть и партійные, и безпартійные, связанные одной непосредственной революціонной задачей: возстаніемъ противъ правительства... Пусть на каждой фабрикѣ, въ каждомъ профессіональномъ союзѣ, въ каждой деревнѣ раздается призывъ къ организаціи такихъ вольныхъ боевыхъ дружинъ...» (стр. 13). Надо отдать ему справедливость: его проектъ явился лишь логическимъ завершеніемъ того причудливаго марксистскаго построенія, по которому выходило, что все обостряющійся конфликтъ между старымъ строемъ и демократическими слоями населенія можетъ разрѣшиться только путемъ вооруженнаго возстанія и диктатуры пролетаріата и крестьянства. Во всякомъ случаѣ, тактика боевизма несомнѣнно больше соотвѣтствовала духу времени, находила себѣ бóльшій откликъ, чѣмъ разсчитанные на политическую зрѣлость рабочихъ тактическіе планы меньшевиковъ. Революціонная энергія пролетаріата настойчиво искала выхода, приложенія; но объективно правильная платформа меньшевиковъ — организаціонное сплоченіе на почвѣ и въ рамкахъ общенаціональныхъ политическихъ вопросовъ, въ координаціи съ остальными прогрессивными общественными силами — казалась ему слишкомъ будничной, слишкомъ мелкой, и незрѣлое сознаніе за неимѣніемъ революціоннаго дѣла находило удовлетвореніе въ революціонной фразѣ. Такой революціонной фразой, дающей иллюзію дѣла, была шумиха большевиковъ о вооруженномъ возстаніи, дальше которой не шла ни одна ихъ концепція. Если взять большевизмъ за все время его существованія и посмотрѣть на ходъ развитія его мысли, то мы увидимъ, что несмотря на продѣланную ею эволюцію, на отказъ отъ бойкота и т. д. идея вооруженнаго возстанія все время оставалась доминирующей. Анализъ объективныхъ условій, «текущаго момента», которымъ они такъ гордились, нуженъ былъ имъ въ сущности лишь какъ декорація къ любимому ихъ образу — грядущему боевому выступленію пролетаріата и крестьянства. Насколько удачно улавливали этимъ большевики запросы момента, видно изъ того повальнаго увлеченія рабочихъ, въ особенности рабочей молодежи, боевизмомъ, которое такъ характерно для перваго междудумья.

Послѣ декабрскаго пораженія рабочій классъ окончательно убѣдился, что его силъ недостаточно для успѣшной борьбы; однако, онъ далеко еще не утратилъ революціонной энергіи, революціоннаго пыла и готовъ былъ продолжать борьбу. Вынужденный искать себѣ союзниковъ для новаго выступленія, пролетаріатъ не могъ, конечно, разсчитывать найти ихъ ни въ лицѣ крупной буржуазіи, ставшей оплотомъ реакціи, ни въ лицѣ мелкой и средней, находившейся подъ вліяніемъ кадетизма. Если крупная буржуазія, напуганная краснымъ призракомъ соціальной революціи, безъ оговорокъ кинулась въ объятіе реакціи, то армія, стоявшая подъ зеленымъ знаменемъ конституціонно-демократической партіи, желала революціонныхъ завоеваній безъ революціи и то протестовала противъ революціонныхъ выступленій пролетаріата, то требовала его поддержки.

Гораздо болѣе надежнымъ и естественнымъ союзникомъ на пути революціи казалось пролетаріату крестьянство. Непрекращавшіяся аграрныя волненія, образованіе крестьянскаго союза и трудовой группы — все дазало поводъ думать, что крестьянство и есть та революціонная демократія, въ союзѣ съ которой пролетаріатъ по схемѣ большевизма долженъ былъ одержать побѣду и осуществить свою гегемонію. Рабочіе учли опытъ декабрьскихъ пораженій приблизительно такъ: одни мы ничего не добьемся; изолированныя выступленія рабочихъ прямо пагубны. Надо итти вмѣстѣ съ крестьянствомъ, тѣмъ болѣе, что интересы его сейчасъ на весь періодъ революціи совпадаютъ съ нашими. Стачки, демонстраціи, протесты — все это надо пока оставить, если мы не хотимъ опять потерпѣть пораженіе; надо ждать проснувшихся крестьянъ, а самимъ пока не шевелиться и

копить силы къ вооруженному возстанію. Ложное представленіе, будто силы рабочаго класса могутъ расти не отъ активнаго вмѣшательства въ ходъ политическихъ событій, а отъ грознаго, но спокойнаго ожиданія подхода крестьянской арміи, какъ нельзя лучше отвѣчало отсталости массъ и начавшемуся упадку въ нихъ активнаго революціоннаго настроенія. Не малую роль въ надеждѣ на революціонное *крестьянство*, на *возможность совмѣстныхъ съ нимъ выступленій* играло у пролетаріата и то обстоятельство, что, какъ мы уже неоднократно указывали, между нимъ и деревней существовала довольно прочная связь. Земледѣльческая Россія накладывала свой отпечатокъ на психику пролетаріата, на его надежды и ожиданія. Пуповина, связывающая рабочихъ съ землей и крестьянствомъ, еще не порвана, и потому они совмѣщаютъ въ себѣ пережитки крестьянской идеологіи съ специфически пролетарскими психологическими чертами. Рабочіе въ большинствѣ случаевъ не только въ *силу объективныхъ условій, но и субъективно были* весьма заинтересованы въ разрѣшеніи аграрнаго вопроса. Идеальный образъ крестьянина-собственника, надѣленнаго землицей по трудовой нормѣ, вставалъ передъ ними во всей своей прелести и манилъ ихъ назадъ въ деревню. Въ нихъ просыпался вчерашній крестьянинъ. Чуть теплившаяся въ обычное время надежда «сколотить деньгу» и вновь вернуться въ родныя мѣста на «Божью землю» съ инвентаремъ за государственный счетъ въ моментъ всеобщаго увлеченія разгоралась въ огромное пламя и казалась близкой и осуществимой. Вотъ почему громкая революціонная фраза большевиковъ «гегемонія пролетаріата и крестьянства» больше отвѣчала идеологіи пролетаріата, чѣмъ трезвыя разсужденія меньшевиковъ объ объективной необходимости перехода власти къ буржуазіи. Вотъ почему тѣ элементы, которые группировались вокругъ соціалъ-демократіи, съ гораздо большимъ сочувствіемъ встрѣчали революціонно-бунтарскую тактику большевиковъ, чѣмъ западно-европейскую, несравненно болѣе правильную линію меньшевизма. Выдвинутый въ періодъ существованія I-ой Госуд. Думы

меньшевистскимъ центральнымъ комитетомъ лозунгъ поддержки отвѣтственнаго министерства почти совершенно не нашелъ себѣ отклика въ рабочихъ кругахъ. Рабочій классъ не понялъ его; онъ надѣялся совмѣстнымъ выступленіемъ *съ крестьянствомъ перешагнуть черезъ буржуазную* Думу и добиться созыва Учредительнаго Собранія. Да и само меньшевистское теченіе въ сущности боялось выйти на политическую арену съ открытымъ забраломъ, говорило не то, что думало. Меньшевики всегда старались итти на компромиссъ съ господствующимъ мнѣніемъ и потому ихъ позиція стиралась, теряла рельефныя очертанія. Боясь говорить языкомъ дѣйствительности, они вмѣсто политически конкретнаго лозунга поддержки кадетскаго министерства, вполнѣ опредѣленнаго и яснаго для массъ, выдвинули *отвлеченный лозунгъ отвѣтственнаго министерства*, и въ резолюціи Ц. К., напр., говорилось: «Мы будемъ поддерживать Думу во всѣхъ ея шагахъ, направленныхъ къ низверженію нынѣшняго министерства и къ замѣнѣ его министерствомъ, назначеннымъ Думой». Такой лозунгъ не могъ, конечно, достигнуть своей цѣли: онъ былъ неясенъ и не могъ дать рабочей массѣ то живое политическое дѣло, на почвѣ котораго она могла бы подняться, зажить интенсивной общественной жизнью, вновь, какъ осенью 1905 года, почувствовать себя творцомъ, строителемъ будущаго. Сознательные рабочіе попрежнему оставались пассивными. Въ борьбѣ буржуазіи съ правительствомъ они не усматривали серьезнаго конфликта, а только политическій торгъ; вмѣсто того, чтобы использовать повышенное настроеніе буржуазной оппозиціи и путемъ организованнаго давленія заставить ее свернуть съ дорожки соглашательства на путь борьбы за власть, они ограничивались рѣзкой и мелочной критикой буржуазной Думы со стороны, въ качествѣ зрителей, и заражали своимъ скептицизмомъ и несознательную массу. А между тѣмъ формула «Власть исполнительная да подчинится власти законодательной» имѣла всѣ шансы стать актуальнымъ лозунгомъ прогрессивнаго русскаго общества. Вокругъ нея объедини-

лась вся Дума — если не считать небольшой группы въ главѣ съ Гейденомъ и Стаховичемъ; съ другой стороны и правительство заколебалось, стало подумывать о компромиссѣ, начало переговоры о коалиціонномъ министерствѣ. Но отсутствіе организованнаго, политически сознательнаго народа предрѣшило исходъ конфликта. Единственно способная къ дѣйствію и такъ или иначе организованная сила — пролетаріатъ — не понималъ всей важности этого лозунга и относился къ нему, какъ мы говорили выше, критически. Правда, разгонъ Думы, Выборгское воззваніе, военныя возстанія, движеніе въ обществѣ измѣнили настроеніе рабочихъ; скептически любопытствующее равнодушіе смѣнилось напряженнымъ ожиданіемъ, но по существу это было то же ожиданіе избавителя, крестьянскаго возстанія, та же пассивность, неумѣніе оріентироваться въ происходящихъ событіяхъ. «Истолковавши извѣстнымъ образомъ для себя опытъ декабрьскихъ дней, заводскіе рабочіе говорили, что они согласятся только на рѣшительную боевую забастовку, но предварительнымъ условіемъ такой рѣшительной борьбы они ставили отчасти движеніе въ деревнѣ, а главнымъ образомъ участіе въ забастовкѣ желѣзныхъ дорогъ. Желѣзнодорожники же, въ виду готовности карательныхъ поѣздовъ, естественно доказывали, что они могутъ принять участіе въ движеніи послѣдніе, лишь въ самый критическій моментъ»*). Всего этого и не учелъ Центральный Комитетъ и своимъ призывомъ къ всеобщей забастовкѣ лишній разъ демонстрировалъ неумѣніе руководящихъ круговъ соціалъ-демократіи понять внутреннюю духовную жизнь пролетаріата, объективно оцѣнить политическую ситуацію. Лишь post factum онъ понялъ, что «благодаря бойкоту Думы передовые слои пролетаріата оказались недостаточно чуткими ни къ разгону Думы, ни къ связанному съ этимъ общественному движенію»**). Но и теперь, когда для него выяснилось настроеніе передовыхъ слоевъ пролетаріата, онъ говоритъ

*) Изъ циркулярнаго письма Ц. К., іюль 1906 г.
**) Тамъ же.

о развязываніи революціи, о повсемѣстной организаціи протестовъ и всеобщихъ забастовокъ. Такимъ образомъ, не дождавшись революціоннаго подъема, Ц. К. хотѣлъ замѣнить его искусственнымъ вспышкопускательствомъ во имя завѣдомо непопулярнаго въ рабочемъ авангардѣ лозунга: «за Думу!»

VI.

Опытъ I-ой Думы и событій, связанныхъ съ ея разгономъ, почти ничему не научилъ соціалъ-демократію и особенно ея бланкистское крыло — большевизмъ. На призывъ къ забастовкѣ откликнулись лишь сравнительно мелкія, незначительныя предпріятія, бастовали наиболѣе темные, несознательные рабочіе. Это были тѣ самые рабочіе, которые принимали слабое участіе въ великой революціонной борьбѣ пролетаріата, которые напряженно, съ большимъ вниманіемъ слѣдили за думской работой. Здѣсь выходили на борьбу съ наступающимъ врагомъ послѣдніе резервы революціоннаго пролетаріата. Для большевизма же неудача забастовки послужила только подтвержденіемъ того, что пролетаріатъ готовъ къ революціонной борьбѣ. Молчанію сознательныхъ рабочихъ давали совершенно невѣрное объясненіе. Въ глазахъ большевиковъ оно было продиктовано рабочимъ не пассивностью, не пробравшейся уже въ ихъ ряды реакціей, а наоборотъ ихъ высокой сознательностью. Утомленные долгой борьбой, складывавшіе оружіе рабочіе выступали въ ихъ освѣщеніи какъ истинные революціонеры, не пожелавшіе возставать въ защиту буржуазной Думы и ждавшіе только сигнала изъ деревни, чтобы выступить на борьбу за демократическую республику. Тѣмъ самымъ большевизмъ давалъ не то объясненіе, которое больше соотвѣтствовало истинному положенію вещей, а то, которое могло бы оправдать его тактическую линію и показать, что для рабочихъ вооруженное возстаніе является сейчасъ и объективно и субъективно очередной задачей. Отнынѣ вопросъ о вооруженномъ возстаніи вновь становится основнымъ вопросомъ соціалъ-демократической работы, вокругъ него ведется борьба двухъ

соціалъ-демократическихъ направленій. Между тѣмъ объективныя условія требовали работы въ совершенно иной плоскости. Соціалъ-демократіи предстояло впервые принять планомѣрное участіе въ избирательной кампаніи, «развернуть фронтъ» передъ избирателями; нужно было завоевывать ихъ довѣріе, объяснить имъ причины банкротства и гибели I Думы, выяснить очередныя политическія задачи, связать съ этимъ обоснованіе общей программы соціалъ-демократіи. Но для большевиковъ всѣ эти задачи заслонялись вопросомъ о вооруженномъ возстаніи. Однако, и въ этой плоскости въ большевизмѣ замѣчается нѣкоторый поворотъ — къ сожалѣнію въ сторону еще бо́льшаго отдаленія отъ истинныхъ методовъ соціалъ-демократической работы. Въ то время, какъ раньше большевики полагали, что достаточно призыва со стороны соціалъ-демократической или крестьянско-рабочей революціонной организаціи, чтобы вызвать стихійный взрывъ, теперь находитъ себѣ среди нихъ приложеніе другая сторона революціонно-бунтарской идеологіи — проповѣдь подготовки вооруженнаго возстанія путемъ кропотливой, подпольной работы — организаціи боевыхъ дружинъ, техническихъ группъ и т. д. Знатоки военно-боевого дѣла цѣнятся теперь больше, чѣмъ политическіе и профессіональные дѣятели, чѣмъ теоретики рабочаго движенія. Среди нихъ происходитъ какъ разъ тотъ процессъ — умаленія задачъ политической партіи, о которомъ предупреждалъ еще на Стокгольмскомъ съѣздѣ П. Б. Аксельродъ. Вотъ что говорилъ онъ по поводу намѣчавшихся уже тогда въ большевистскомъ лагерѣ боевистскихъ тенденцій. «Я лично вообще того мнѣнія, что организація чисто боевыхъ атакъ, а тѣмъ болѣе настоящихъ возстаній не можетъ быть дѣломъ той или иной политической партіи. Для подготовленія и организаціи такихъ дѣйствій прежде всего необходимо было бы, чтобы всѣ революціонеры независимо отъ своихъ принципіальныхъ взглядовъ объединились въ, такъ сказать, безпартійной или сверхпартійной партіи съ общимъ руководящимъ центромъ во главѣ. И если уже признать, что техническая подготовка всеобщаго вооруженнаго возстанія является главной и вполнѣ выполнимой задачей современнаго историческаго момента, то, разумѣется, необходимо прежде всего осуществить именно этотъ планъ, т. е., между прочимъ, покончить на время и съ существованіемъ соціалъ-демократіи, какъ организованной политической партіи». Большевики не хотѣли, разумѣется, признать, что таковъ логическій выводъ изъ ихъ позиціи. На словахъ — въ рѣчахъ, резолюціяхъ и пр. — они съ пѣной у рта говорили о классовой самостоятельности пролетаріата, о необходимости соціалъ-демократіи, какъ пролетарской партіи. Фактически же агитація большевизма задерживала историческій процессъ классоваго воспитанія пролетаріата, тормазила выдѣленіе изъ пролетаріата отдѣльныхъ, активныхъ и сознательныхъ единицъ его и ставила препятствіе политическому строительству рабочаго класса, т. е. разрушала самый базисъ соціалъ-демократіи. Занимаясь въ своей агитаціи по существу насажденіемъ той же революціонной романтики, которая свойственна народникамъ — соціалистамъ-революціонерамъ, большевики укрѣпляли въ пролетаріатѣ порождаемыя послѣдней вредныя иллюзіи. Соціалисты-революціонеры пріучали массу ждать освобожденія отъ героевъ-террористовъ; а большевики — отъ подвиговъ боевыхъ дружинъ. Видя въ революціонномъ крестьянствѣ и городской демократіи естественнаго союзника въ вооруженномъ возстаніи, они по необходимости стирали грани между пролетаріатомъ и мелкой буржуазіей, разжигали аграрныя вожделѣнія рабочихъ и въ своей практической работѣ до того приближались къ соціалистамъ-революціонерамъ, что рабочіе не видѣли между ними принципіальной разницы и различали ихъ лишь по степени революціонности, причемъ болѣе революціонной считалась, конечно, террористическая партія. И даже рабочимъ-большевикамъ казалось вполнѣ естественнымъ, что большевистская фракція въ своей борьбѣ съ политической линіей меньшевиковъ опиралась на сочувствіе и помощь с-ровъ*).

*) Авторъ лично наблюдалъ такіе случаи въ Петербургской организаціи.

Однако, неудача всеобщей забастовки имѣла и свои положительныя стороны. Болѣе чуткіе, болѣе глубокіе, не подходившіе къ рабочему движенію, съ разъ навсегда готовымъ трафаретомъ, способные разсматривать его не только съ фракціонной точки зрѣнія, меньшевики естественно не могли убаюкивать себя призрачной надеждой на будущее возстаніе, не могли большую политическую работу классоваго воспитанія и организаціи пролетаріата подмѣнять пропагандой и организаціей боевыхъ дружинъ, а старались найти причины, обусловившія пораженіе соціалъ-демократіи. Послѣ того, казалось бы, неоспоримаго вліянія соціалъ-демократіи на рабочій классъ, какимъ она пользовалась въ 1905 году, это былъ первый ударъ, заставившій наиболѣе критически мыслящихъ соціалъ-демократовъ внимательно оглянуться на все прошлое и поставить себѣ вопросъ, дѣйствительно ли у нея все обстоитъ благополучно, дѣйствительно ли соціалъ-демократія и рабочій классъ являются однимъ неразрывнымъ цѣлымъ, не есть ли ея вліяніе на него простой миражъ. Вновь выступаютъ на первый планъ вопросы о сущности рабочаго движенія, о законѣ развитія русской революціи, о роли и задачахъ соціалъ-демократіи. Связанныя съ ними фракціонныя разногласія, стершіяся было благодаря интенсивной революціонной работѣ, получаютъ теперь снова рельефныя очертанія. Особенно сильно были подчеркнуты эти разногласія въ выступленіяхъ двухъ ветерановъ россійской соціалъ-демократіи — Аксельрода и Плеханова.

Аксельродъ, наиболѣе глубокій и чуткій изъ политическихъ дѣятелей соціалъ-демократіи, подмѣтившій первымъ бланкизмъ нашего большевизма и давшій ясную формулировку основныхъ принциповъ меньшевизма, принциповъ западно-европейской тактики, еще раньше всегда и всюду подчеркивалъ, что и въ Россіи настоящая рабочая партія можетъ сложиться лишь изнутри, путемъ длительнаго процесса политическаго созрѣванія передовыхъ элементовъ рабочаго класса. Еще въ предреволюціонную эпоху онъ выступилъ горячимъ поборникомъ идеи всероссійскаго рабо-

чаго съѣзда, воплотивъ тѣмъ самымъ основное положеніе меньшевизма — самодѣятельность рабочихъ — и марксистскій принципъ «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ» въ конкретную формулу «рабочая партія посредствомъ рабочаго съѣзда». Даже въ моментъ всеобщаго самогипноза, когда самые неисправимые пессимисты говорили только объ организаціонныхъ реформахъ, онъ громко заявляетъ, что между партіей и рабочимъ классомъ существуетъ соціальная и идейная пропасть. Теперь, въ періодъ внутренняго кризиса, онъ вновь настойчиво выдвигаетъ рабочій съѣздъ, какъ единственный выходъ изъ того тупика, въ которомъ очутилась соціалъ-демократія. Сама идея Рабочаго Съѣзда была далеко не новинкой. Вмѣстѣ съ ростомъ самосознанія среди рабочихъ росла и потребность въ самодѣятельности, усиливалось недовольство чрезмѣрнымъ вліяніемъ интеллигенціи, увеличивалось количество обособленныхъ чисто рабочихъ организацій. Рабочіе обособлялись, такъ какъ не окрѣпши еще идейно, они не могли отстоять своихъ позицій въ общей соціалъ-демократической организаціи отъ нападокъ несравненно болѣе вооруженной идейно интеллигенціи. Идея Рабочаго Съѣзда впервые была провозглашена въ 1900 г. Иваново-Вознесенскими рабочими. Сторонники самодѣятельности рабочихъ, экономисты, не мало, конечно, содѣйствовали уясненію рабочими этой идеи. Въ 1900 г. Иваново-Вознесенскіе рабочіе, за подписью «Соціалъ-демократическій Союзъ рабочихъ русскаго Манчестера», выпустили листокъ съ призывомъ къ организаціи съѣзда рабочихъ. «Желательно, — заканчиваютъ они свое воззваніе, — чтобы интеллигенты не были представителями, а исключительно рабочіе». «Рабочее Дѣло» привѣтствуетъ этотъ шагъ рабочихъ къ объединенію. Намѣчалась уже и программа съѣзда (цитируемъ ее дословно): 1) Обмѣнъ мыслей представителей отдѣльныхъ организацій о ходѣ пропаганды рабочаго движенія, 2) Связь и объединеніе въ общій рабочій союзъ, 3) Обсужденіе вопросовъ текущей дѣятельности рабочаго движенія, 4) Сужденіе о мѣрахъ соціалъ-демократиче-

ской партіи въ дѣйствіяхъ правительства и капиталистовъ, 5) Объ изданіи нелегальной литературы и передачѣ оной во всѣ организаціи, 6) О всякихъ другихъ возникающихъ вопросахъ. Этому симпатичному начинанію не суждено было однако осуществиться. Въ настроеніи интеллигенціи начался переломъ. Въ организацію входилъ новый элементъ, враждебный экономистамъ, презрительно и подозрительно относившійся ко всѣмъ начинаніямъ послѣднихъ. Организаціи были поставлены подъ охрану исключительныхъ законовъ, агенты искровцевъ-политиковъ получали неограниченныя полномочія сверху. Экономистовъ объявили оппортунистами. Имъ была объявлена священная война. Все, что исходило отъ экономистовъ, а въ томъ числѣ и принципъ самодѣятельности рабочихъ, объявлено было вреднымъ, не соціалъ-демократичнымъ. Среди самихъ сознательныхъ рабочихъ замѣтно стало колебаніе и увлеченіе новымъ словомъ. И идея рабочаго съѣзда временно сошла со сцены, какъ въ свое время, также подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній въ обществѣ, принуждена была прекратить свое существованіе первая рабочая организація «Сѣверный Рабочій Союзъ». Позже, уже въ 1905 г., поступило предложеніе о съѣздѣ отъ Харьковскаго общества взаимопомощи рабочихъ. Ставился вопросъ о съѣздѣ и передъ Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ. Но обоснованіе этой идеи, сдѣлавшее ее знаменемъ цѣлаго направленія, дано П. Б. Аксельродомъ въ 1906 г. Въ Россіи, говоритъ онъ, нѣтъ политической рабочей партіи, она должна быть еще создана. Соціалъ-демократія по существу скорѣй организація марксиствующей интеллигенціи, чѣмъ пролетаріата. Основной и главной задачей соціалъ-демократіи является въ настоящее время помощь рабочему классу въ созданіи собственной классовой партіи. Рабочая партія, возникновеніе которой возможно лишь при условіи созыва рабочаго съѣзда, будетъ близка по воззрѣніямъ къ соціалъ-демократіи или даже совершенно сольется съ ней, такъ какъ идейное вліяніе послѣдней очень велико. Рабочій съѣздъ долженъ уничтожить несоотвѣтствіе между идейнымъ и организаціоннымъ вліяніемъ россійской соціалъ-

демократіи. Однако, созывъ рабочаго съѣзда не представлялся Аксельроду, въ отличіе отъ многихъ его послѣдователей, дѣломъ ближайшаго будущаго, осуществимымъ путемъ агитаціонной и организаціонной дѣятельности группы лицъ или даже организацій. Онъ рисовался ему далекимъ этапомъ на пути развитія самодѣятельности рабочаго класса на почвѣ непосредственной и интенсивной политической работы, завершеніемъ цѣлой полосы накопленія классоваго опыта. Таковъ приблизительно взглядъ, съ которымъ выступилъ П. Б. Аксельродъ. И если мысль о созывѣ рабочаго съѣзда, брошенная имъ осенью 1905 года, не нашла отклика и даже осталась неизвѣстной бо́льшей части организацій, то, повторенная въ періодъ перваго междудумья, она сразу привлекла къ себѣ всеобщее вниманіе, пріобрѣла восторженныхъ сторонниковъ, особенно среди рабочихъ-меньшевиковъ, и не менѣе страстныхъ противниковъ.

Въ то время, какъ Аксельродъ предлагалъ соціалъ-демократіи произвести радикальную революцію въ области организаціоннаго строительства партіи. Плехановъ, выступившій съ предложеніемъ о предвыборномъ блокѣ всей оппозиціи на основѣ платформы «за полновластную Думу», внесъ рѣзкій диссонансъ въ область политической тактики. Эти выступленія ветерановъ встрѣтили въ рядахъ меньшевиковъ неодинаковую оцѣнку. Тогда какъ идея рабочаго съѣзда была живо подхвачена частью меньшевиковъ — въ большинствѣ своемъ организованныхъ рабочихъ, мысль о блокѣ всѣмъ показалась чудовищной. Соглашаясь съ общими положеніями Плеханова о необходимости сломить организованную реакцію и выставить съ этой цѣлью наиболѣе понятные и популярные для массъ лозунги, меньшевики не могли, однако, совершенно отказаться отъ самостоятельнаго выступленія соціалъ-демократіи въ избирательной кампаніи. Кореннымъ образомъ расходясь съ большевиками въ оцѣнкѣ движущихъ силъ россійской революціи, разсматривая революцію не столько съ точки зрѣнія субъективной желательности ея для того или иного класса, сколько ис-

ходя изъ объективной ея необходимости, меньшевики, однако, не сумѣли провести этотъ взглядъ на дѣлѣ вполнѣ строго и послѣдовательно. Вмѣстѣ съ большевиками они отводили главное мѣсто въ революціи пролетаріату, хотя это совершенно не соотвѣтствовало объективнымъ условіямъ. Идея гегемоніи пролетаріата была внесена въ движеніе всей соціалъ-демократіей въ цѣломъ. Разница лишь та, что большевики, считая пролетаріатъ гегемономъ революціи, а соціалъ-демократію истинной выразительницей его интересовъ, фактически отожествляли себя съ пролетаріатомъ, меньшевики же не допускали такого грубаго смѣшенія. Двойственность меньшевистской позиціи и сказалась въ томъ, что подчеркивая общенаціональный характеръ освободительнаго движенія, отрицая контръ-революціонность средней и мелкой городской буржуазіи, меньшевики въ то же время не могли примириться съ мыслью объ общеоппозиціонномъ блокѣ. Видя въ пролетаріатѣ гегемона революціи, они естественно должны были избѣгать всего того, что такъ или иначе могло стереть строго выдержанную классовую позицію его. И довольно трезвое отношеніе къ пролетаріату, сознаніе необходимости сблизиться съ нимъ и пробудить въ немъ классовую самодѣятельность прекрасно уживались у нихъ съ преувеличеніемъ силы и сознательности пролетаріата и съ праздными надеждами на вооруженное возстаніе. Не мало вредили имъ и отмѣченныя еще въ 1906 г. Г. В. Плехановымъ свойства: постоянное опасеніе прослыть въ глазахъ большевиковъ оппортунистами, заставлявшее ихъ стирать и стушевывать свои позиціи, и пристрастіе къ схематизаціи, лишавшее ихъ лозунги дѣйственности и популярности.

Но относясь критически къ меньшевизму, какъ политическому теченію, нужно все же признать, что въ немъ сосредоточились наиболѣе здоровые элементы русской соціалъ-демократіи. Исходившая отъ него послѣ каждой политической неудачи рѣзкая самокритика не давала заснуть партійной мысли, толкала ее впередъ, на поиски новыхъ путей. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что именно меньше-

визмъ своимъ внимательнымъ и бережнымъ отношеніемъ къ рабочимъ организаціямъ положилъ во многомъ начало открытому рабочему движенію нашихъ дней.

VII.

Какъ мы уже говорили, вторичное выступленіе П. Б. Аксельрода въ пользу идеи рабочаго съѣзда привлекло къ этому вопросу общее вниманіе меньшевистскихъ круговъ, заставило меньшевистскую мысль оживленно заработать въ этомъ направленіи. Мы находимъ нужнымъ подробно остановиться на этомъ движеніи, потому что оно имѣетъ много общаго съ тѣмъ реформаторскимъ движеніемъ въ русской соціалъ-демократіи, которое извѣстно подъ кличкой ликвидаторства, потому что «рабочесъѣздовство» есть въ сущности прообразъ ликвидаторства. Идея рабочаго съѣзда, будучи правильно понята, логически приводитъ, какъ намъ кажется, къ тѣмъ же тактическимъ позиціямъ, на которыхъ укрѣпилось нѣсколько позже ликвидаторство.

Можно ли отожествлять меньшевизмъ въ цѣломъ съ рабочесъѣздовствомъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо отдать себѣ отчетъ въ томъ, что представлялъ изъ себя меньшевизмъ въ періодъ 1906—07 годовъ. И вотъ приходится констатировать, что меньшевизмъ не являлся ни въ данную эпоху, ни раньше или позже чѣмъ-либо единымъ и цѣлымъ. Въ меньшевистскомъ лагерѣ обыкновенно группируется вся оппозиція большевизму, все, что по той или иной причинѣ относится къ нему отрицательно. Одни меньшевики потому, что не могутъ проникнуться бойкотистскими тенденціями, другіе не соглашаются съ историческими концепціями большевизма, третьимъ не нравится отношеніе большевиковъ къ кадетамъ, и лишь у немногихъ меньшевизмъ пріобрѣтаетъ опредѣленное политическое содержаніе, болѣе общее, чѣмъ рядъ конкретныхъ тактическихъ рѣшеній. Эти немногіе ставятъ во главу угла своей тактической позиціи воспитаніе рабочаго класса къ самодѣятельности; и всѣ политическіе и тактическіе

взгляды ихъ являются лишь производными этой основной мысли. Разнородность меньшевизма парализуетъ его творческія способности, лишаетъ его опредѣленности, но вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ условія для совмѣстнаго сожительства съ большевизмомъ. Вѣчная боязнь раскола «у себя», среди самихъ меньшевиковъ, желаніе во что бы то ни стало противопоставить большевистско-бланкистской ереси сплоченную меньшевистскую армію заставляетъ наиболѣе ярко выраженныхъ меньшевиковъ стирать рельефныя очертанія своей позиціи, а нерѣдко даже на время совершенно сходить съ политической арены. И если о характерѣ соціалъ-демократіи какъ дѣйствительной организаціи приходится судить преимущественно по большевизму, то поскольку и меньшевизмъ выступалъ въ роли политически активнаго фактора, онъ также опирался на элементы, близко соприкасающіеся съ большевизмомъ. Чистый же меньшевизмъ игралъ лишь второстепенную роль въ партійной жизни. Правда, всѣ сколько-нибудь цѣнныя пріобрѣтенія соціалъ-демократіи для рабочаго движенія являются его заслугой. Ему принадлежитъ львиная доля въ процессѣ постепеннаго пріобщенія русскаго рабочаго движенія къ западно-европейскимъ формамъ; онъ оцѣнилъ организующее и агитаціонное значеніе парламентской трибуны, онъ преодолѣлъ бойкотизмъ и звалъ рабочій классъ на почву парламентской дѣятельности. Подчиняя всѣ свои шаги одной основной мысли — развитію широкой самодѣятельности рабочихъ, онъ — а не кто иной — явился вдохновителемъ нашего молодого профессіональнаго движенія; его усиліями были заложены первыя основы профессіональныхъ организацій. Но расчищая путь для идейнаго торжества западно-европейскихъ принциповъ соціализма, нанося ударъ за ударомъ большевизму, меньшевизмъ въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ былъ организаціонно безсиленъ. И безсиленъ онъ былъ потому, что не могъ подобно большевикамъ смотрѣть на рабочій классъ только какъ на объектъ своего политическаго воздѣйствія, что упорно искалъ — и не находилъ — рычагъ, съ помощью котораго можно было бы пробудить

пролетаріатъ къ политической самодѣятельности, отсутствіе которой обезцѣнивало самые правильные, самые блестящіе тактическіе планы и шаги. Слабые зачатки открытой общественно-политической дѣятельности не побуждали еще рабочій классъ къ выдѣленію элементовъ, достаточно способныхъ и активныхъ для самостоятельнаго участія въ политической борьбѣ; а исторически сложившаяся организація соціалъ-демократіи была негоднымъ въ корнѣ аппаратомъ для сплоченія и выдѣленія этихъ элементовъ, такъ какъ была построена на отрицаніи самодовлѣющей цѣнности самодѣятельности пролетаріата. И потому-то побѣды, одержанныя соціалъ-демократами при помощи меньшевистскихъ лозунговъ, никогда не оставляли осязательныхъ результатовъ, а главное, не приводили вопреки надеждамъ и ожиданіямъ меньшевиковъ къ обновленію и возрожденію партіи, не служили ступенями для возвышенія ея до уровня дѣйствительно рабочей партіи. Происходило лишь то, что наиболѣе приспособленные къ даннымъ формамъ организаціи большевики эксплуатировали побѣды меньшевистскаго теченія въ свою пользу для поддержанія одряхлѣвшаго организма партіи. Вотъ почему Аксельроду и его единомышленникамъ, сознававшимъ, что партія въ своемъ теперешнемъ видѣ не является дѣйствительно пролетарской массовой организаціей и не имѣетъ шансовъ стать его, ничего не оставалось, какъ аппелировать къ рабочему классу и призвать его къ строительству партіи чрезъ посредство рабочаго съѣзда. Имъ казалось, что общенаціональная борьба въ Россіи настолько подняла политическую сознательность и активность широкихъ слоевъ русскаго пролетаріата, что въ ихъ средѣ имѣются уже на лицо элементы, способные при благопріятныхъ условіяхъ положить начало политическому объединенію русскихъ рабочихъ. И только тогда, когда произойдетъ такимъ путемъ объединеніе сознательныхъ и активныхъ элементовъ, можно будетъ, по ихъ мнѣнію, надѣяться, что результаты политическихъ кампаній не будутъ разсѣиваться, а смогутъ быть утилизированы развитымъ самодѣятельнымъ классомъ

и послужать ему историческими этапами въ его наступательной борьбѣ.

Разнородность меньшевизма привела къ тому, что и въ вопросѣ о рабочемъ съѣздѣ у меньшевиковъ получилась полная разноголосица. Не только часть меньшевиковъ отнеслась къ этой идеѣ отрицательно, но и сторонникамъ ея она послужила лишь оболочкой, въ которую вкладывалось самое разнообразное содержаніе. Однимъ рабочій съѣздъ былъ важенъ, какъ организаціонная папацея, какъ реакція противъ царившаго въ партіи большевизма, какъ средство приблизить къ соціалъ-демократіи тѣ самыя массы, которыя такъ упорно не поддавались ея вліянію, и тѣ самые передовые элементы, которые такъ настойчиво не желали входить въ ея организаціи. Другіе желали создать сразу массовую организацію, охватывающую весь рабочій классъ въ цѣломъ. Они рисовали ее себѣ то въ видѣ союза профессіональныхъ союзовъ (нѣчто въ родѣ Генеральной Конфедераціи Труда во Франціи), то въ видѣ безпартійнаго Всероссійскаго Рабочаго Союза. Представители этого оттѣнка упускали изъ виду, что организація широкихъ пролетарскихъ массъ возможна лишь въ процессѣ массовой борьбы. Въ 1905 году рабочій съѣздъ могъ бы дѣйствительно охватить массы, потому что массы уже были охвачены желаніемъ и потребностью борьбы, были уже втянуты въ движеніе. Но созданная такимъ путемъ организація была бы чисто боевой, преслѣдовала бы только задачи дня и распалась бы послѣ побѣды, оставивъ лишь организованное ядро — авангардъ. И третьимъ, наконецъ, рабочій съѣздъ рисовался въ качествѣ органа сплоченія этого авангарда — передовыхъ элементовъ, сознающихъ классовыя задачи пролетаріата — въ политическую рабочую партію. Подъ авангардомъ Аксельродъ и другіе понимаютъ не тѣ десятки и сотни, которые называютъ себя соціалъ-демократами, а тѣхъ, кто стоитъ на классовой точкѣ зрѣнія и для кого политическая рабочая организація есть средство воздѣйствія на широкую массу, средство вовлеченія ея въ политическую и соціальную борьбу. Организація такого самостоятельнаго рабочаго авангарда, самостоятельной рабочей партіи есть единственный залогъ того, что рабочее движеніе пойдетъ по вѣрному пути классовой борьбы и классоваго самоопредѣленія, а не растворится въ демократическомъ лагерѣ или не выродится въ близорукій трэдъюніонизмъ. Но и сплоченіе, организація рабочаго авангарда останется безсодержательной фразой, если не будетъ связана съ такимъ конкретнымъ политическимъ дѣломъ, по отношенію къ которому всѣми передовыми рабочими будетъ ощущаться необходимость самостоятельнаго выступленія. Въ томъ-то и заключалась актуальность перваго Аксельродовскаго предложенія, что онъ тѣсно связываетъ работу съѣзда и созданіе имъ широкой организаціи съ борьбой рабочихъ за Учредительное Собраніе. Такимъ образомъ, чтобы быть сторонникомъ рабочаго съѣзда въ аксельродовской постановкѣ, нужно было сознать, что существующая соціалъ-демократическая организація не являлась и не является органомъ вовлеченія рабочаго класса въ политическую жизнь, что задача сплоченія рабочаго авангарда ей не по силамъ. А это признаніе органической неспособности соціалъ-демократической организаціи впитать въ себя активные элементы рабочаго класса подготовляло почву для убѣжденія — въ 1907 году еще неяснаго и не формулированнаго, — что созданіе дѣйствительной рабочей партіи не можетъ произойти на организаціонной базѣ существующей партіи, а должно будетъ начаться съ закладки новаго организаціоннаго фундамента посредствомъ массовыхъ рабочихъ организацій и рабочаго съѣзда. И если въ 1907 году цѣлый рядъ несомнѣнныхъ меньшевиковъ, какъ напр. Черепанинъ, могъ высказываться противъ рабочаго съѣзда, то только потому, что еще не вполнѣ угасшее политическое оживленіе и отказъ соціалъ-демократіи отъ тактики бойкота поддерживали въ нихъ вѣру въ возможность для соціалъ-демократіи обновиться и превратиться въ массовую партію путемъ естественнаго развитія. Но періодъ, послѣдовавшій за государственнымъ переворотомъ 3 іюня, долженъ былъ окончательно разбить и эту вѣру, разсѣять и эти иллюзіи.

Вѣдь тогда именно съ неумолимой ясностью обнаружилась неспособность и нежеланіе официіальной соціалъ-демократіи приспособляться къ новой политической обстановкѣ, взять на себя удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей рабочаго движенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ бросаться въ глаза ростъ въ рабочемъ классѣ такихъ элементовъ, которые умѣютъ пользоваться новыми формами и проявлять политическую и организаціонную иниціативу.

Въ 1907 году, несмотря на явное стремленіе передовыхъ рабочихъ къ организаціи во всероссійскомъ масштабѣ, несмотря на сильную потребность въ самодѣятельности, на наличность подготивительныхъ шаговъ (работы по созыву съѣзда Совѣтовъ рабочихъ депутатовъ, конференціи профессіональныхъ союзовъ), агитація за рабочій съѣздъ не вышла за предѣлы литературной и партійной полемики. Виной тому, конечно, не большевики, выступившіе страстными противниками рабочесъѣздовства. Ихъ непониманіе задачъ и роли соціалъ-демократіи въ рабочемъ движеніи, недооцѣнка значенія самодѣятельности рабочаго класса, боязнь безпартійныхъ рабочихъ организацій, борьба съ ними и дискредитированіе идей рабочаго съѣзда — все это могло внести сумятицу въ голову нѣкоторыхъ рабочихъ, сузить размахъ движенія; но поскольку въ условіяхъ переживаемаго момента находилась почва для его развитія, они были бы не въ силахъ остановить его. А этого-то какъ разъ и не было. Иниціаторы идеи рабочаго съѣзда переоцѣнили активность рабочаго класса. Общественныя условія Россіи не дали сложиться тѣмъ элементамъ, которые могли бы стать горячими ея проводниками. Сторонники рабочаго съѣзда не сумѣли связать эту мысль съ очередными вопросами политической жизни, не сумѣли ввести рабочій съѣздъ въ цѣпь соціально-политической борьбы, сдѣлать его ступенью къ ближайшему всероссійскому политическому акту — выступленію рабочаго класса на выборахъ въ Государственную Думу. Глубокая и вѣрная мысль не вызвала внутренняго броженія въ рабочемъ классѣ, не подняла его активности, не сдѣлалась исходнымъ пунктомъ сколько-нибудь сильнаго

и замѣтнаго движенія. Брошенная въ моментъ экономическаго кризиса и политическаго упадка, эта идея не смогла воодушевить стоявшихъ внѣ партіи или разочаровавшихъ въ ней рабочихъ на строительство, не вызвала въ нихъ стремленія и попытки сплотиться въ массовыя организаціи для борьбы за свои экономическіе и политическіе интересы; она осталась тѣмъ, чѣмъ изображали ее ея противники — безплоднымъ прожектерствомъ и яблокомъ фракціоннаго раздора.

Въ неудачѣ идеи рабочаго съѣзда, въ безплодности ея сыграло безусловно не малую роль и то обстоятельство, что «рабочесъѣздовцы» обращались въ первую очередь со своей проповѣдью къ рабочимъ организованнымъ или примыкающимъ къ организаціи. А эти послѣдніе, еще недавно бывшіе свидѣтелями и участниками тріумфовъ соціалъ-демократіи, сжившіеся съ подпольной организаціей, привыкшіе отожествлять партійные интересы съ интересами движенія и невольно вѣрившіе въ великое будущее своей партіи, даже при критическомъ отношеніи къ партійной дѣйствительности не могли сразу разувѣриться и отдаться работѣ, которая въ концѣ концовъ сводилась къ разрыву со старой организаціей и строительству новой. Несмотря на упадокъ общественнаго настроенія, несмотря на бездѣйственность соціалъ-демократіи, рабочіе круги, благодаря своему скудному политическому опыту, могли еще предаваться и предавались иллюзіи, будто за подпольной соціалъ-демократической организаціей скрывается мощная, сильная своимъ вліяніемъ на массу политическая партія. Партійный патріотизмъ, привычка ходить на помочахъ у интеллигенціи, отсутствіе сознанія собственной творческой силы — все это держало партійныхъ рабочихъ въ цѣпяхъ устарѣлыхъ формъ работы и не давало имъ возможности вдохновиться идеей рабочаго съѣзда. Даже для тѣхъ рабочихъ-меньшевиковъ, которые съ горячей страстностью отстаивали идею рабочаго съѣзда и практически уже работали надъ проведеніемъ ея въ жизнь, она была дорога не столько сама по себѣ — какъ воплощеніе классоваго

творчества, сколько какъ средство для борьбы съ большевизмомъ съ одной стороны, какъ выходъ изъ того тупика, въ которомъ очутилась партія съ другой. И можно только радоваться, что у нихъ не хватила энергіи для созыва съѣзда. Въ условіяхъ того времени изъ этой попытки не вышло бы ничего, кромѣ жалкой пародіи на съѣздъ. Рабочій съѣздъ врядъ ли какъ количественно, такъ и по качеству самой работы значительно отличался бы отъ партійныхъ съѣздовъ; а неудача надолго подорвала бы довѣріе къ самой идеѣ, укрѣпила бы за ней репутацію безпочвенной. Мы же далеко не считаемъ идею рабочаго съѣзда безпочвенной, далеко не считаемъ ее окончательно похороненной. Наоборотъ мы думаемъ, что рабочій съѣздъ есть необходимый этапъ въ работѣ по созданію открытой политической рабочей партіи. Въ новой политической обстановкѣ, неудержимо толкающей рабочій классъ къ борьбѣ за открытое политическое существованіе, идея рабочаго съѣзда должна быть и несомнѣнно будетъ маякомъ рабочей интеллигенціи, указывающимъ ей путь къ широкому открытому рабочему движенію.

VIII.

Избирательная кампанія во II Государственную Думу *не только* не уничтожила разногласій въ средѣ соціалъ-демократіи, но и придала имъ бо́льшую опредѣленность, выпуклость и рѣзкость. Вынужденные оправдать сдачу своихъ бойкотистскихъ позицій, большевики выставили главной цѣлью участія соціалъ-демократіи въ выборахъ все ту же борьбу съ конституціонными иллюзіями и вырываніе крестьянской демократіи изъ-подъ вліянія либеральной оппозиціи. Поэтому все свое вниманіе они отдали организаціи лѣваго блока, въ ущербъ дѣлу борьбы съ реакціей и даже классовой самостоятельности пролетаріата. Меньшевики понимали, конечно, всю слабость и опасность такой позиціи; они пытались перенести центръ *тяжести избирательной* кампаніи на сплоченіе пролетаріата вокругъ классоваго

знамени и на борьбу съ черносотенной опасностью, которая могла превратить Думу въ орудіе реакціи. Меньшевики оцѣнивали различные классы и партіи не по программамъ и резолюціямъ бурнаго 1905 г., а гораздо болѣе трезво; слѣдили за ихъ борьбой, работой въ повседневной общественной жизни, и потому, конечно, не могли обманывать себя насчетъ степени политической зрѣлости нашего крестьянства. «Кадеты въ своихъ политическихъ стремленіяхъ стоятъ пока не позади большинства крестьянства, а впереди его», писалъ, напр., Череванинъ. И потому избирательная тактика меньшевиковъ строилась на изоляціи реакціи путемъ соглашеній со всѣми объективно-прогрессивными группами и партіями. И если черносотенная опасность оказалась въ значительной степени такой же призрачной, какъ при выборахъ въ I Гос. Думу, то нельзя того же сказать объ опасностяхъ, которыми грозилъ сознанію рабочихъ лѣвый блокъ. Обоснованіе, которое большевики давали лѣвому блоку — необходимость сплоченія всѣхъ революціонныхъ элементовъ для борьбы съ нереволюціонными буржуазными партіями — стирало границы между пролетаріатомъ и буржуазной демократіеи и выдвигало на первый планъ революціонно-демократическія задачи пролетаріата въ ущербъ его классовымъ задачамъ. Первымъ и наиболѣе горькимъ плодомъ избирательной тактики большевиковъ было неожиданное пораженіе соціалъ-демократіи въ ея цитадели — Петербургѣ, въ самыхъ, казалось бы, укрѣпленныхъ пунктахъ — крупныхъ заводахъ. Оно имѣло объективной причиной недостаточную соціальную самостоятельность петербургскаго пролетаріата, въ психикѣ котораго причудливо сочетались въ силу этого элементы крестьянской психологіи съ примитивнымъ пролетарскимъ революціонаризмомъ. Голосуя за соціалистовъ-революціонеровъ, петербургскіе рабочіе въ сущности были лишь послѣдовательными «лѣвоблокистами», послѣдовательными большевиками. Въ противовѣсъ колеблющейся, половинчатой и полной противорѣчій большевистской политикѣ совмѣстныхъ дѣйствій пролетаріата съ крестьянствомъ они выбрали только лицъ, давно и по-

слѣдовательно проводившихъ мысль о полномъ тождествѣ интересовъ крестьянина и рабочаго. Въ противовѣсъ шумному, но ограничивавшемуся по существу лишь революціонной фразеологіей боевизму большевиковъ, рабочіе предпочли боевизмъ дѣйственный — терроръ соціалистовъ-революціонеровъ. Недаромъ на заводскихъ избирательныхъ собраніяхъ наиболѣе горячія схватки происходили не по вопросу объ отношеніи къ Гос. Думѣ и думской тактикѣ революціонныхъ партій — эти вопросы почти не затрагивались, — а по вопросу объ аграрной программѣ и цѣлесообразности политическаго террора. Побѣда соціалистовъ-революціонеровъ знаменовала не желаніе рабочихъ перейти къ болѣе активной революціонной борьбѣ, а, наоборотъ, усиленіе пассивности, готовность отойти и предоставить поле брани террору. Въ глазахъ рабочихъ соціалисты-революціонеры *оставались той партіей, которая въ противовѣсъ* соціалъ-демократамъ выступила въ моментъ разгона I Думы противъ политическихъ забастовокъ, и это воспоминаніе сыграло свою роль во время выборовъ.

Пораженіе соціалъ-демократіи въ Петербургѣ, демонстрировавшее правильность меньшевистскаго мнѣнія о вредѣ лѣво-блокистской позиціи, съ достаточной наглядностью установило, что даже въ такомъ крупномъ промышленномъ центрѣ, какъ Петербургъ, сосредоточіи наиболѣе пролетаризированныхъ рабочихъ, фабрично-заводскій пролетаріатъ далеко не представляетъ изъ себя освободившуюся отъ мелкобуржуазныхъ предразсудковъ пролетарскую массу. Находясь въ 1905 г. подъ господствомъ соціалъ-демократической идеологіи, эта масса въ 1907 г. какъ-то сразу переходитъ въ лагерь с.-р-овъ; и этотъ переходъ дается ей тѣмъ болѣе легко, что она совершенно не сознаетъ принципіальнаго различія обѣихъ партій. Не долголѣтнія побѣды соціалъ-демократіи, а именно это пораженіе говоритъ о дѣйствительномъ положеніи вещей. Оно внезапно показало, что соціалъ-демократія есть преимущественно организація интеллигентовъ-демократовъ-революціонеровъ и незначительнаго слоя передовыхъ рабочихъ, а не партія пролетаріата, что всѣ

ея побѣды были побѣдами демократовъ, а не соціалистовъ, и, наконецъ, что самъ пролетаріатъ еще не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ своемъ классовомъ положеніи.

Окончательные результаты выборовъ могли только содѣйствовать укрѣпленію революціонныхъ иллюзій пролетаріата. 64 соціалъ-демократа, 144 представителя революціонной демократіи (соціалисты-революціонеры, народные соціалисты, трудовики) казались такой внушительной силой, которая уже сама по себѣ какъ бы обезпечивала побѣду. Нѣкоторыя области, напр. Кавказъ, гдѣ почти всѣ мандаты достались крайнимъ лѣвымъ, казалось, всецѣло стали подъ знамя революціи. Между тѣмъ, не только II Государственная Дума въ цѣломъ была гораздо безсильнѣй первой, въ гораздо меньшей степени могла разсчитывать на поддержку народныхъ массъ, но и весь лѣвый флангъ ея висѣлъ въ сущности *въ воздухѣ*. Народъ, пославшій лѣвыхъ представителей, былъ далекъ отъ готовности выступить въ послѣдній и рѣшительный бой; онъ, наоборотъ, надѣялся, что революціонная Дума свершитъ то чудо, которое оказалось не по силамъ первой — оппозиціонной, — избавитъ его отъ необходимости вступить въ этотъ послѣдній бой. Революціонной Думѣ соотвѣтствовала озлобленная дѣятельностью правительства, но въ то же время обезсиленная, распыленная, отчаявшаяся страна. Потерявъ вѣру въ свои силы и надежду на побѣду, но далеко не примирившись еще со старымъ порядкомъ, она пускала въ ходъ послѣднее рѣшительное средство — посылку революціонныхъ депутатовъ. Въ странѣ происходила мобилизація остатковъ разбитой революціонной арміи для отраженія наступающей реакціи. Демократическіе слои питали еще надежду, что, овладѣвъ парламентскими позиціями, они смогутъ если и не отбить реакцію по всей линіи, то хотя бы нанести ей сильный урокъ и отстоять хоть часть своихъ позицій.

Центръ II Думы — кадеты — прекрасно понималъ истинное настроеніе народа, и это заставляло его проповѣдывать бережeніе Думы и органическую работу въ ней. Обезсиленные уходомъ земцевъ, мало связанные съ соціальными

низами, кадеты, которыхъ опытъ первой Думы окончательно разочаровалъ въ силѣ революціоннаго народа, заранѣе примирились съ неизбѣжностью отступленія и необходимостью сдѣлки съ бюрократіей. Но не имѣя увѣренности, что вся Дума пойдетъ за ними по этому пути, они намѣренно сосредоточиваютъ вниманіе Думы на сравнительно мелкихъ, непринципіальныхъ вопросахъ, чтобы избѣгнуть рѣшительныхъ столкновеній съ правительствомъ. Такая тактика кадетовъ встрѣчала, однако, неуклонное и систематическое противодѣйствіе со стороны соціалъ-демократической фракціи, которая не только не боялась конфликтовъ, но, наоборотъ, ставила себѣ задачей возможно болѣе принципіальную и рѣзкую постановку стоявшихъ передъ Думой вопросовъ. Въ началѣ своей думской дѣятельности соціалъ-демократическіе депутаты, какъ и большинство партіи, считали наиболѣе вѣроятнымъ и желательнымъ разрѣшеніемъ конфликта между старымъ порядкомъ и народомъ вооруженное возстаніе и видѣли свое назначеніе въ томъ, чтобы революціонной агитаціей подготовлять народъ къ возстанію. При первомъ же принципіальномъ выступленіи правительства, когда всѣ группы рѣшили молчать во имя сохраненія Думы, соціалъ-демократическая фракція одна приняла бой. И во всей дальнѣйшей своей дѣятельности она не занималась укрѣпленіемъ сознанія необходимости Думы, а, наоборотъ, звала черезъ Думу къ Учредительному Собранію. Вѣря въ революціонную мощь пролетаріата, преувеличивая его силу и значеніе въ революціи, она всю свою энергію направила на уничтоженіе изолированности пролетаріата отъ другихъ слоевъ населенія. Своими основными задачами она считала — съ одной стороны содѣйствовать организаціи пролетаріата и демократіи, съ другой — побудить прогрессивные буржуазные элементы перейти отъ стремленія къ соглашательству къ борьбѣ за власть. Но въ процессѣ думской работы соціалъ-демократическая фракція сознала весь трагизмъ своего противорѣчиваго положенія, свое безсиліе для проведенія тактики революціоннаго конфликта. Депутаты все въ бо́льшей и бо́льшей степени прони-

кались смутнымъ сознаніемъ, что ни одна изъ общественныхъ группъ — даже самъ пролетаріатъ — не тяготѣетъ къ рѣшительнымъ выступленіямъ. Несмотря на это, фракція, тѣсно связанная какъ фактически, такъ и нравственно не съ рабочей массой, а съ партійными кругами, пропитанными революціонными иллюзіями, и привыкшая считать ихъ воплощеніемъ пролетарскаго авангарда, не въ силахъ была отрѣшиться отъ старыхъ путей; переломъ въ тактикѣ показался бы ей измѣной дѣлу пролетаріата. И она продолжала вести ту же миссію: говорила революціонныя рѣчи, призывала къ революціоннымъ дѣйствіямъ, угрожала народнымъ гнѣвомъ, убѣждала представителей крестьянства также вступить на этотъ путь, обличала кадетъ — и все это безъ внутренней вѣры въ возможность и реальность революціонныхъ перспективъ. Она чувствовала за собой организаціонную пустоту, и это чувство парализовало ея дѣятельность. Правда, организація пролетаріата всегда выдвигалась въ качествѣ первѣйшей и важнѣйшей задачи парламентскаго представительства соціалъ-демократіи; но могла ли небольшая, неоднородная кучка, форпостъ, выдвинутый во вражескій лагерь, своей думской и внѣдумской дѣятельностью организовывать рабочій классъ, ждавшій отъ нея не помощи въ этой необходимой и повседневной работѣ, а чудесъ? Къ тому же тѣсная связь съ соціалъ-демократической партіей, дѣлавшая ее игрушкой борющихся фракцій, суживала размахъ ея внѣдумской работы, мѣшала ей развернуть организаціонную и политическую иниціативу. Какъ разъ наиболѣе сильная часть партіи боялась соприкосновенія фракціи съ рабочими, боялась исходившихъ отъ нея организаціонныхъ попытокъ; а внутри самой фракціи находились элементы, дискредитировавшіе ее во имя интересовъ своего партійнаго теченія и тѣмъ въ значительной степени парализовавшія ея дѣятельность. Яркая по своимъ силамъ, с.-д. фракція не создала вокругъ себя сколько-нибудь замѣтнаго движенія, не сплотила рабочія массы. Широкая масса не понимала ея выступленій, они не шли въ униссонъ съ ея настроеніемъ. Она подкапывала шагъ

за шагомъ вражескія позиціи, но некому было укрѣпляться на завоеванной территоріи... А между тѣмъ, врагъ не дремалъ. Уже на земскихъ выборахъ зимой 1906 г. почти всюду побѣдили реакціонные элементы. Побѣда эта имѣла двоякое значеніе. Прежде всего разгромъ земскаго либерализма ослаблялъ соціальный фундаментъ конституціонно-демократической партіи и тѣмъ самымъ значительно уменьшалъ силу *оппозиціоннаго натиска. А главное, землевладѣльческая* реакція получила благодаря своей побѣдѣ возможность наряду съ неофиціальной своей организаціей — съѣздами объединеннаго дворянства — выступать и офиціально отъ имени земскихъ учрежденій. Выступая теперь какъ однородное цѣлое, помѣщичій классъ получилъ преобладающее вліяніе на ходъ правительственной политики и государственной жизни. И въ Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ правые не только усилились количественно, но и осмѣлѣли, перестали стушевываться, открыто заявляли, что теперь наступилъ подходящій моментъ для спасенія отечества — уничтоженія завоеваній революціи.

Для правительства не оставалось, конечно, тайной, что конституціонно-демократическая партія обезкровлена, что соціалъ-демократическая фракція — революціонный авангардъ безъ арміи. Но и при полномъ безсиліи революціонныхъ партій Дума все же стояла на пути вожделѣній реакціонныхъ элементовъ. Составъ палаты заранѣе уничтожалъ всякую возможность соглашенія, сдѣлки на началахъ, пріемлемыхъ для бюрократіи. Опасаться какихъ-либо серьезныхъ шаговъ со стороны этой Думы было нечего, но нечего было и ждать, что она согласится санкціонировать правительственную политику. А при такихъ условіяхъ ея существованіе *теряло въ глазахъ правительства всякій смыслъ.* Вѣдь Дума нужна была ему только въ качествѣ пособницы при ликвидаціи революціи, только для того, чтобы легализировать въ глазахъ общественнаго мнѣнія Россіи и Европы контръ-революціонную работу русской бюрократіи. И когда въ сферахъ убѣдились, что II Дума не можетъ выполнить этой исторической миссіи, что центръ ея, несмотря на всю свою покла-

дистость, не желаетъ и не можетъ отдаться въ плѣнъ реакціи, а революціонное крыло неустанно продолжаетъ свою противоправительственную агитацію, былъ данъ лозунгъ «дѣйствовать». Правящая бюрократія *безъ колебаній* рѣшила вступить въ блокъ, къ которому его давно уже призывали реакціонные землевладѣльцы, реакціонное дворянство, и замѣнить призрачную Думу такой, хозяева которой могли бы быть дѣйствительной опорой власти. Усилившись блокомъ съ реакціоннымъ помѣщичьимъ классомъ, заручившись поддержкой однихъ слоевъ крупной буржуазіи и дружественнымъ нейтралитетомъ другихъ — вѣдь въ глазахъ буржуазіи оно было теперь сильной властью, спасающей ее отъ анархіи — правительство приготовилось нанести Думѣ рѣшительный ударъ. Думѣ *предложено было произвести самообезглавленіе* — выдачу соціалъ-демократической фракціи — этого наиболѣе непримиримаго врага реакціи, ни на минуту не прекращавшаго свою борьбу противъ нея, свои призывы къ революціи. И когда думское большинство отказало въ этомъ, правительство сбросило маску и смѣлой рукой произвело государственный переворотъ. Оно не ограничилось на этотъ разъ роспускомъ Думы. Нужно было искоренить зло, разъ навсегда вырвать Думу, какъ учрежденіе, изъ рукъ демократическихъ слоевъ и дать овладѣть *ею господствующимъ соціальнымъ силамъ. Помочь* въ этомъ могъ лишь государственный переворотъ — измѣненіе избирательнаго закона; и вотъ актомъ 3 іюня 1907 г. правительство открыто становится слугой аграрно-бюрократической клики и настежь раскрываетъ передъ ней двери Государственной Думы.

Избирательный законъ былъ измѣненъ такимъ образомъ, что не оставлялъ уже больше никакихъ сомнѣній относительно истинной физіономіи будущей III Думы. Центръ тяжести теперь былъ перенесенъ отъ крестьянства, не оправ*давшаго реакціонныхъ видовъ правительства, на землевладѣльческую курію.* По старому избирательному закону соотношеніе выборщиковъ въ 53 губерніяхъ было такое: всего выборщиковъ 6200, въ томъ числѣ:

отъ частныхъ землевладѣльцевъ . . .	1952 —	31,48%
„ городскихъ избирателей	1381 —	22,27 „
„ крестьянъ	2659 —	42,88 „
„ рабочихъ	208 —	3,36 „

Совершенно иная картина соотношенія выборщиковъ по тѣмъ же 53 губерніямъ получилась по новому закону (3 іюня 1907 г.): всего выборщиковъ 5252, въ томъ числѣ:

отъ частныхъ землевладѣльцевъ . . .	2594 —	49,39%
„ 1-й городской куріи	788 —	15,01 „
„ 2-й „ „	590 —	11,23 „
„ крестьянъ	1168 —	22,24 „
„ рабочихъ	112 —	2,12 „

IX.

Актомъ 3 іюня закончился героическій періодъ русской революціи, періодъ великихъ побѣдъ, но малыхъ завоеваній. Учрежденія, которыя должны были стать въ рукахъ народа-побѣдителя органами реализаціи побѣдъ — Думы, — погибли отъ внутренняго безсилія, отъ слабости, неорганизованности и малой сознательности того же самаго народа, иначе говоря — отъ слабости тѣхъ соціальныхъ силъ, которымъ надлежало не только быть могильщиками стараго строя, но и создателями новаго. Благодаря этому, побѣжденнымъ удалось такъ легко стать на ноги, оттѣснить побѣдителей и взять въ свои руки процессъ реализаціи пріобрѣтеній революціоннаго періода, подведенія итоговъ происшедшаго соціальнаго сдвига. Понятно, что герои 3-го іюня стремятся произвести эту реализацію съ наибольшей для себя выгодой. И понятно также, что наиболѣе обдѣленными, наиболѣе оттѣсненными оказались тѣ, кто вынесъ на своихъ плечахъ тяжесть освободительной борьбы — пролетаріатъ. И его героическій періодъ миновалъ. Миновало то время, когда и онъ самъ, и всѣ окружающіе смотрѣли на него, какъ на Мессію, когда онъ шелъ въ бой, вооружившись одной лишь ненавистью къ врагу и безграничной преданностью дѣлу свободы. Теперь же, когда на его глазахъ былъ разрушенъ

послѣдній оплотъ освободительнаго движенія и взяты въ плѣнъ его избранники — соціалъ-демократическіе депутаты, онъ всѣмъ своимъ существомъ ощущалъ необходимость протеста, возмущенія — и долженъ былъ молчать въ безсильной злобѣ, чувствуя всю безнадежность попытокъ къ выступленію и сопротивленію. И это острое чувство безсилія и безпомощности долго не покидало его и накладываетъ печать на внутреннюю жизнь его въ первые годы контръ-революціи.

Изъ бурь и испытаній революціоннаго періода передовые элементы рабочаго класса должны были вынести сознаніе и пониманіе своей исторической классовой миссіи и потребность прежде всего организоваться самимъ и сорганизовать свой классъ. Это сознаніе помогло имъ преодолѣть жестокій натискъ реакціи и приняться за поиски новыхъ путей.

При этихъ поискахъ соціалъ-демократія, какъ цѣлое, не могла быть имъ ни руководительницей, ни помощницей. Внутри нея происходилъ сложный процессъ разложенія и распада. Лондонскій съѣздъ, состоявшійся весной 1907 г., явилъ міру картину могущественной и распространенной партіи. Было представлено 150 тысячъ рабочихъ различныхъ національностей; не было, казалось, такого уголка Россіи, гдѣ не существовало бы соціалъ-демократической организаціи. Но партія была въ это время въ сущности такимъ же колоссомъ на глиняныхъ ногахъ, какъ самодержавная Россія до русско-японской войны. Лондонскій съѣздъ былъ ея лебединой пѣснью. Въ работахъ съѣзда какъ бы сконцентрировались всѣ болѣзни и пороки партіи: психологическое преобладаніе интеллигентщины, удивительный для марксистовъ консерватизмъ мысли, непониманіе ни политическаго значенія момента, ни настроеній и теченій въ рабочей массѣ. Достаточно припомнить, что съѣздъ высказался принципіально противъ идеи рабочаго съѣзда и съ трудомъ разрѣшилъ обсужденіе этого вопроса въ партійныхъ кругахъ, высказался, далѣе, противъ нейтральности профессіональныхъ союзовъ, а резолюцію противъ экспропріацій и боевизма пришлось вырывать у него съ большими усиліями.

Еще характернѣй, пожалуй, та критика — вѣрнѣе, травля, — которой подверглась дѣятельность думской фракціи, этого единственнаго жизнеспособнаго партійнаго учрежденія. Лондонскій съѣздъ даетъ намъ ключъ къ пониманію послѣдующаго кризиса соціалъ-демократіи, опровергая представленіе, *будто распадъ партійныхъ организацій* вызванъ исключительно полицейскими репрессіями и экономическимъ кризисомъ.

Историческая обстановка, въ которой возникла и развивалась русская соціалъ-демократія, привела къ тому, что революціонная интеллигенція образовала внутри послѣдней какъ бы правящую касту, на которой лежала охрана принципіальныхъ основъ движенія, «управленіе» пролетаріатомъ и опека надъ нимъ для отраженія соблазновъ буржуазнаго духа. Съ теченіемъ времени этотъ правящій элементъ совершенно потерялъ способность развивать и прояснять классовое сознаніе пролетаріата, — что онъ считалъ своей провиденціальной миссіей, — напротивъ, въ лицѣ, главнымъ образомъ, своего реакціоннаго крыла онъ становится тормазомъ соціалъ-демократическаго развитія рабочаго класса. *Подъ флагомъ соціалъ-демократіи* эти элементы вносятъ въ рабочее движеніе духъ буржуазнаго революціонизма и мѣшаютъ развитію политической самодѣятельности пролетаріата. Старая соціалъ-демократія распадается отъ несоотвѣтствія между тѣмъ, что она даетъ и можетъ дать рабочему классу, и тѣми новыми запросами, которые возникли въ рабочей средѣ подъ вліяніемъ новой политической обстановки. Общественная жизнь, какъ она сложилась послѣ переворота 3 іюня, требовала иныхъ, болѣе совершенныхъ формъ организаціи рабочаго класса, которымъ надлежало создаться въ процессѣ политическаго самоопредѣленія и преодолѣнія закостенѣвшихъ архаическихъ формъ соціалъ-демократическаго подполья.

Съ государственнымъ переворотомъ 3 іюня рушились революціонныя иллюзіи пролетаріата; передъ нимъ вновь *обнаружилось его собственное безсиліе*, а затихавшіе аграрные безпорядки окончательно уничтожили надежду на по-

мощь крестьянства. Рабочій классъ съ головой уходитъ въ *свою внутреннюю жизнь*; онъ легко отрывается отъ партіи, съ которой онъ всегда былъ только механически связанъ и которая продолжала заниматься безцѣльнымъ по его мнѣнію бряцаніемъ революціоннымъ оружіемъ. Все свое вниманіе и усилія онъ сосредоточиваетъ теперь на спасеніи и поддержаніи своихъ легальныхъ организацій. Передовые элементы его хватаются вначалѣ за эти организаціи, какъ за якорь спасенія отъ обывательщины и распада, какъ за единственное живое дѣло, позволяющее продолжать ставшую уже для нихъ потребностью совмѣстную дѣятельность общественнаго характера. Но уже начиная съ 1908 г. они убѣждаются, что роль легальныхъ организацій можетъ быть гораздо шире. Опытъ участія въ общественныхъ съѣздахъ показалъ, что планомѣрное выступленіе открытыхъ рабочихъ организацій, стоящихъ на классовой точкѣ зрѣнія, имѣетъ *крупное общественное значеніе*, что *такимъ путемъ рабочее движеніе* вновь дѣлается однимъ изъ факторовъ открытой общественной жизни, отъ которой оно, казалось, было окончательно отрѣзано. Рабочій классъ, какъ таковой, вновь выходилъ на арену общественной борьбы, выходилъ въ лицѣ имъ же созданныхъ организацій, и это заставляло считаться съ нимъ враговъ и друзей. Политическое и моральное значеніе этого факта громадно. Онъ толкалъ рабочихъ на единственно правильный путь политическаго возрожденія — путь организаціи на почвѣ своихъ насущныхъ соціальныхъ нуждъ и наиболѣе актуальныхъ вопросовъ русской дѣйствительности. Въ затхлой атмосферѣ реакціи и распада эта дѣятельность передовыхъ элементовъ заполняла образовавшуюся политическую пустоту и дѣлала пролетаріатъ активнымъ участникомъ общественной жизни и борьбы. *По мѣрѣ же ускоренія пульса общественной жизни* увеличивалась сфера приложенія метода открытой борьбы, захвата легальныхъ возможностей, увеличилось количество втянутыхъ рабочихъ и степень ихъ интереса къ самому дѣлу. То обстоятельство, что открытыя выступленія рабочихъ организацій завоевываютъ пролетаріату рядъ позицій

въ третьеіюньской Россіи, заставляло цѣнить и эти организаціи, и самыя эти позиціи. Такъ, напримѣръ, исторія такъ упорно и съ такимъ трудомъ отстаиваемаго представительства пролетаріата въ третьеіюньской Думѣ показываетъ, что, несмотря на всю призрачность и враждебность рабочему дѣлу этого «парламента», русскіе рабочіе теперь дальше отъ парламентскаго бойкотизма, чѣмъ въ самыя блестящія времена существованія первыхъ 2-хъ Государственныхъ Думъ. Созданіе метода борьбы за открытыя позиціи и перенесеніе его въ сферу непосредственной политической дѣятельности, постепенное сконцентрированіе этой борьбы въ рукахъ рабочихъ организацій — вотъ итогъ развитія рабочаго движенія за послѣдніе годы, а за этимъ итогомъ кроется сложный процессъ духовнаго перерожденія, процессъ созрѣванія и углубленія классоваго сознанія.

Однако, этотъ процессъ политическаго перерожденія пролетаріата происходитъ хотя и при активномъ участіи опредѣленной соціалъ-демократической группы, но внѣ рамокъ офиціальной соціалъ-демократіи и потому не обновляетъ и не оживляетъ послѣднюю. А въ то же время соціалъ-демократія теряетъ и послѣдній питавшій ее источникъ — радикальную интеллигенцію. Подъ вліяніемъ рѣзко измѣнившихся общественныхъ условій, ликвидаціи революціи россійская интеллигенція совершаетъ ту же самую эволюцію, какую въ свое время продѣлала западно-европейская. Подъ покровомъ реакціи совершался сложный процессъ общественной дифференціаціи. Линяли, стирались идеалистическія наслоенія, пріобрѣтенныя въ періодъ всеобщаго воодушевленія и напряженія, выпукло вырисовывались эгоистическіе интересы классовъ и группъ, обострялись взаимоотношенія этихъ послѣднихъ. Происходило взаимное охлажденіе интеллигенціи и пролетаріата. Съ пріобщеніемъ Россіи, хотя бы и очень несовершеннымъ и больше номинальнымъ, чѣмъ фактическимъ, къ числу конституціонныхъ странъ сама собой уничтожалась объективная потребность въ единеніи интеллигенціи съ пролетаріатомъ. Рычагъ, надъ приведеніемъ котораго въ дѣйствіе она въ былое время такъ

усиленно трудилась, уже выполнилъ свою работу, и она могла отойти отъ него. Полное тожество объективныхъ интересовъ, объединявшее интеллигенцію и рабочій классъ въ дореволюціонное время, разрушилось; ослабѣли и другіе стимулы, толкавшіе ее въ ряды соціалъ-демократіи. Политическій удѣльный вѣсъ послѣдней въ 3-іюньской Россіи казался ничтожнымъ, и дѣятельность на пользу рабочаго класса не обѣщала больше удовлетворенія политическому самолюбію; ореолъ революціонера поблекъ, а терніи остались тѣ же. И вотъ мы присутствуемъ при томъ, какъ часть интеллигенціи совершенно уходитъ съ поля общественной борьбы, а часть возвращается въ лоно буржуазныхъ партій. Такимъ образомъ соціалъ-демократія оказалась висящей въ воздухѣ, лишенной всякаго raison d'être. Однако, она не отказалась ни отъ одной изъ своихъ претензій и продолжала мнить себя единственной полноправной представительницей пролетаріата. Сохранившіяся соціалъ-демократическія организаціи не могли не чувствовать, что новыя тенденціи рабочаго движенія переносятъ центръ тяжести руководства политической жизнью пролетаріата въ рабочія организаціи, въ руки новой рабочей интеллигенціи. Поэтому онѣ изъ невольнаго чувства самосохраненія взяли на себя по отношенію къ этимъ тенденціямъ враждебную и реакціонную роль, задерживая ихъ нормальное развитіе и углубленіе и облекая свой догматическій консерватизмъ въ ортодоксально марксистскія формулы. И опять-таки Аксельродъ со свойственной ему чуткостью первый констатируетъ на Лондонскомъ съѣздѣ эту противоестественную роль соціалъ-демократической организаціи. «Не такъ давно еще», говоритъ онъ, «всѣ мы — и меньшевики, и большевики — признавали, что наша партія своего рода историческій мостъ между прошлымъ и будущимъ, между эпохой, когда эксплуатируемые классы представляли собою лишь соціально безпомощную, политически безформенную массу, и той эпохой, когда они въ лицѣ пролетаріата будутъ выступать на соціальной аренѣ, какъ самостоятельная историческая сила, политически и организаціонно противопоста-

вляющая себя всей совокупности эксплуататорскихъ классовъ и ихъ идеологовъ. А теперь, когда условія и элементы для осуществленія этого будущаго уже назрѣли, многіе товарищи упорно цѣпляются за устарѣвшее «настоящее» и готовы объявить врагомъ партіи всякаго соціалъ-демократа, указывающаго на нашу обязанность предпринять рѣшительные шаги, необходимые для того, чтобы поскорѣй покончить съ переходнымъ, по существу еще интеллигентскимъ фазисомъ развитія нашей партіи». Это обстоятельство — реакціонная роль нашей офиціальной партіи — заставляетъ насъ отказаться отъ надежды на возникновеніе массовой рабочей партіи путемъ механическаго расширенія кадровъ нелегальной соціалъ-демократической организаціи. Приходится строить ее не только новыми методами, но и на новомъ мѣстѣ, на томъ фундаментѣ, который заложило открытое рабочее движеніе. И вотъ на нашихъ глазахъ свершается опредѣленный историческій процессъ. Сходитъ со сцены доисторическая соціалъ-демократія, вступаетъ въ свои права пролетарская интеллигенція. Но традиціи стараго еще живутъ, и задерживаютъ и замедляютъ ростъ и развитіе новаго рабочаго движенія. И задачей дѣятелей этого движенія является преодолѣніе реакціонныхъ тенденцій прошлаго, но не въ словесномъ спорѣ, а въ процессѣ живой коллективной работы надъ политическимъ воспитаніемъ рабочаго класса.

А какъ же наслѣдство? — спросятъ партійные патріоты — неужели вы проповѣдуете полную ликвидацію всего того, надъ чѣмъ такъ упорно, такъ настойчиво работала нѣсколько десятковъ лѣтъ революціонная мысль, что создавалось, выковывалось путемъ тяжелой борьбы? Да, отвѣчаемъ мы; да, нужно ликвидировать все то, что мѣшаетъ духовному росту рабочаго движенія, мѣшаетъ проявленію классовой самодѣятельности. Нужно ликвидировать бланкистскія и анархическія тенденціи, привитыя рабочему движенію интеллигентскимъ подпольемъ. Нужно ликвидировать само подполье, какъ самодовлѣющую цѣнность — оно по существу своему противорѣчитъ стремленію къ организаціи класса,

къ классовой самодѣятельности, къ классовой политикѣ. Нужно ликвидировать подполье, такъ какъ въ основѣ его лежитъ культъ сектантства, культъ отчужденности отъ массъ, такъ какъ объективно оно является разсадникомъ буржуазно-демократическихъ теорій подъ флагомъ марксизма и тѣмъ затемняетъ классовое сознаніе пролетаріата. Открытая политическая арена въ буржуазномъ или обуржуазивающемся государствѣ — вотъ колыбель дѣйствительной рабочей партіи.

